

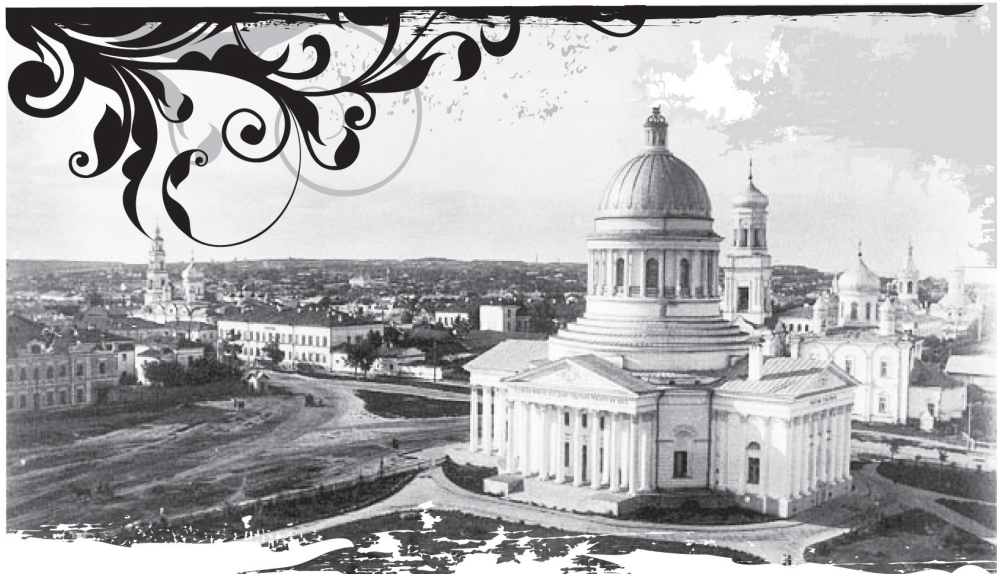

СИМБИРСКЪ

№3 (69)
МАРТ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Сайт litsimbirsk.ru

Подписано в печать 18.03.2019 г.
Дата выхода 25.03.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №200.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №3 (69), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Валерия Толкачева, Ольга Абрамова.

На обложке: картина Нины Беловой.
На обороте обложки: фотография В. Ламзина «Весенний снег»

Прими весну как чудо обновления.....	3
Страна поэзия	
Елена Токарчук. Птенцы подснежников. Стихи	4-6
Марина Шкробова (Верналис)	
Мне звонила весна! Стихи	7-8
Лауреаты премии Н.Н. Благова.....	9
Диана Кан. Я вернусь по весне... Стихи.....	10-12
Литературное наследие	
Венера Мухамметжанова. Денис Давыдов в театре	13-18
С любовью ко всему родному	
Валентина Костягина. Сердце, отданное детям.....	19-21
Елена Гусейнова. К хранителям народной культуры в Симбирскую глубину	22-24
Симбирскъ. Созвучия. Традиционный вечер журнала	25-26
Черемшан	
Димитровград – поэтический город	
Раиса Кашкирова. Стихи	27-28
Книжная полка	
Гала Узрютова. Равнина. Рассказ	29-32
Соло	
Евгения Изварина. К самым глазам. Стихи	33-35
Житейские истории	
Любовь Папета. Доктор Патрик. Рассказ.....	36-41
Молодые голоса	
Кристина Романчева. Эта книга - для мечтателей	42-43
Анна Кольцова. Небесам свое сердце открой. Стихи	43-44
Юбилеи	
Нина Никифорова. Великая искусница.	
К юбилею художницы Людмилы Обвинцевой	45-48
Рукотворная красота	49-52
Цветы на радость. Картины Н. Беловой	53-56
Наталья Дронина. Красками души	57
Молодые голоса	
«И по воле чудес мне достать до небес...»	58-59
Ниса Матлина. Стихи.....	59-61
При свете Пушкинского слова	
Ольга Даранова. Болдино. Поэма	62-66
Память сердца	
Ольга Шейпак. Зоркое сердце Людмилы Толкишевской	67-68
Людмила Толкишевская. Русалка. Рассказ	68-72
Свободные стихи? Свободные стихи!	
Стихи участников Зимнего фестиваля верлибра	73-74
Татьяна Виноградова. О верлибре	75
Сергей Гогин. Время верлибра.....	76-77
Перекрёсток	
Сергей Гогин. АБС – ключ, открывающий современность. О творчестве братьев Стругацких	78-79
Юбилейный календарь.....	80-83
Поэзия и проза юбиляров апреля.....	84-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести
в киосках «Симбирская печать», Ленинского мемориала
и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки
на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несет ответственность авторы публикаций. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

ПРИМИ ВЕСНУ КАК ЧУДО ОБНОВЛЕНЬЯ...

В мартовском номере журнала авторы большей части публикаций – женщины.

В марте отмечается не только Международный женский праздник, но и Всемирный день поэзии. Открывают номер поэтические подборки Елены Токарчук «Птенцы подснежников» и Марины Шкробовой (Верналис) «Мне звонила Весна!».

Мы рассказываем о значимых культурных событиях. Объявлены новые лауреаты поэтической премии им. Н. Благова. Публикуем стихи лауреата премии в номинации «Волжская пристань» Дианы Кан (г. Оренбург). Нерв и энергия ее стихов воздействуют напрямую. И читатель попадает в поле притяжения поэта.

В Год театра и юбилейный год Дениса Давыдова сотрудник музея «Усадьба Дениса Давыдова» Венера Мухамметжанова рассказывает о театре в жизни поэта-партизана и о современных постановках, посвященных ему.

В рубрике «С любовью ко всему родному» читайте очерк Валентины Костягиной о замечательной симбирянке, Учителе с большой буквы Лидии Сергеевне Стеженской.

Фольклорист, руководитель ансамбля «Авсень» Елена Гусейнова рассказывает о народных песенных традициях Симбирского края.

В феврале прошел традиционный ежегодный вечер журнала «Симбирскъ». Авторы и читатели собрались в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова, подводили итоги литературного года, говорили о запомнившихся публикациях, читали стихи. Такие встречи нужны, чтобы почувствовать нашу объединенность, понять, что мы вместе создаем наш «Симбирскъ».

Новый раздел журнала называется «Черемшан», здесь мы будем представлять творчество талантливых димитровградских писателей. В этом выпуске читайте стихи Раисы Кашкировой.

Недавно в Москве назвали лауреатов литературной премии Bookscriptor. Лауреатом в номинации «Новая реальность» (интеллектуальная проза) стала автор из Ульяновска Гала Узрютова со сборником рассказов «Снег, который я пропустил». В рубрике «Книжная полка» публикуем отклики на эту книгу и рассказ Галы Узрютовой «Равнина».

Гость «Симбирска» - уральская поэтесса Евгения Изварина.

«Жизнь, /камень, взрезавший пращу.../Забуду ль: сломана гордыней,/ложилась трупом: не пущу!/родных ладоней,/лучших линий/ обрушивала купола /и первая сбегала с бала,/и миловала, и лгала.../ Спасибо, что не миновала».

Предлагаем вниманию читателей продолжение истории, рассказанной Любовью Папета, в предыдущем номере. Читайте рассказ «Доктор Патрик».

На страницах журнала представляем молодых авторов. Публикуем стихи Нисы Матлиной из книги «Ветер в ножны» и стихи Анны Кольцовой из книги «Здравствуй, это я».

В марте отмечает юбилей Людмила Викторовна Обвинцева, автор замечательных гобеленов и батиков. На цветной вкладке можно увидеть эту рукотворную красоту. Читайте очерк Нины Никифороки «Великая искусница».

Журналист Наталья Дронова рассказывает о художнице и преподавателе Карсунской ДШИ им. А.А. Пластова Нине Беловой. Репродукции картин «Цветы на радость» - на страницах журнала.

К 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина публикуем поэму Ольги Дарановой «Болдино».

«...И колокольца звон хрустальный/Нам чудится через века,/И профиль чёткий и печальный/ Доносит времени река».

В рубрике «Память сердца» публикуем рассказ недавно ушедшего нашего автора Людмилы Толкишевской «Русалка». Вступительное слово Ольги Шейпак.

В рубрике «Перекресток» читайте заметки Сергея Гогина об очередной встрече в литературной студии «Восьмёрка». На этот раз обсуждалось творчество братьев Стругацких.

Мы продолжаем публиковать стихи участников Зимнего фестиваля верлибра.

«...пока свободный стих/танцует с облаками/ природа отмечает/галочками птиц на небесном табло/сколько дней осталось до весны». (С. Гогин)

Весна пришла! Света, тепла, радости творчества!

Елена КУВШИННИКОВА

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Елена Токарчук. 1999

Елена ТОКАРЧУК (1976 – 2007), поэт, член Российского союза профессиональных литераторов. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор книг «У заплаканных зеркал», «В молитвах лунных волн», «Мистерия солнца», «Трава рождения», «Святорусье» и др. Лауреат Международной премии «Филантроп».

ПТЕНЦЫ ПОДСНЕЖНИКОВ

ОБРАЩЕНИЕ К РУЧЬЮ

Здравствуй, священный поток благотворный!
Здравствуй, неведомой жизни поток.
Снова звучат мне твои гьялярхорны*.
В небе опять расцветает восток.

Как навести мне свою переправу
И через бурную реку пройти?
Мост из железа душе не по нраву.
Радостной радуге время цвести.

Свежей водою меня оживи-ка.
Снежный огонь мой и пламенный лёд.
Даже февраль с мастерством понтифика**
Не остановит твой вольный полёт.

* Гьялярхорн – в Старшей Эдде рог стража мира Хеймдаля.

** Понтифик (лат.) – мостоделатель.

20 марта 2003 г.

* * *

Какой прекрасный, страстный снег!
Весенний снег, метельный дождь!
Для чистых чувств, для снежных нег
Ко мне невидимо придёшь.

Не нарядёшь шерстяных праж –
И вьётся, вьётся канитель.
И март берёт на абордаж
Всю грусть, всю радость, всю метель!
15 марта 2000 г.

* * *

Заря налагает на стёкла
Свой розовый, пламенный цвет.
В театре играют Софокла.
Вопрос переходит в ответ.

Капелью запели сосульки.
На лёд наступила весна.
И жизнь, как сивилла из Вульги,
Читает свои письма.
11-13 марта 2003 г.

ПЕРВАЯ ТРАВКА

Первая травка – такая зелёная...
Нет у тебя ни цветов, ни плодов.
Свежим дыханьем весны вдохновлённая,
Таяньем льдистых, последних снегов.

Первая травка – застенчиво-нежная...
Новорождённой касаюсь души.
Ты отклонить излишня подснежника
Лёгким движеньем своим не спеши.

Первая травка – такая упорная!
Ты прорастаешь сквозь камни и лёд.
Слышу триумф твой в звучании горна я,
Солнце в лучах тебе жизнь свою льёт.

Первая травка, воистину первая!..
В сердце вселилась весенняя боль.
Встану с тобою под ветра напевы я,
Первая страсть моя, радость, любовь!
3.02.2006 г.

ПОДСНЕЖНИКИ

На фотографии А.В. Олешкевича

Подснежники – глаза земли.
Как нежен взор сиреневый!
И в их прохладе расцвели,
Как в чистой Иппокрене* Вы.

Пушистые, как те птенцы,
Как лёгкий пух голубенький,
Весны и солнышка гонцы
Свои раскрыли клювики.

Их звонко-песенный привет
Весеннего предчувствия
Несу и в жизнь, и в звук, и в свет
В своём простом искусстве я.

А в памяти остался день,
Цветами растревоженный.
Вы принесли живую звень
И стали всех дороже мне.

*Иппокрена – родник на Геликоне (Древняя Греция). По преданию, он возник от удара копыта крылатого коня Пегаса и даёт вдохновение поэтам.
23 марта 2005 г.

ГОЛОС ВЕСНЫ...

Какой же голос у весны,
Что так цветуще молода?
Какие шутки ей смешны –
Душе, растаявшей от льда?

Она войдёт в поток ручья
Всегда с улыбкой на устах –
И слышны трели соловья
В её сиреневых кустах.

Пасхальный свет, пасхальный звон
Звучит во всех колоколах.
Поют друг другу в унисон
Христос, и Будда, и Аллах.

Весенний рил, весенний мир,
И смех детей, и птичий гам.
Для новой жизни – эликсир –
Слова прощенья всем врагам.

Они текут из нас с тобой,
Из глубины на белый свет.
Цвети, подснежник голубой!
Тянись к светилу, горицвет!

А человек – всегда живи!
Тебя хранит твоя звезда.
Какой же голос у любви,
Птенцом вспорхнувшей из гнезда?
9 апреля 2003 г.

АХ, ЖИМОЛОСТЬ!..

Татьяне Толоконниковой

Ах, жимолость!
Награда и возмездье!
Я в жимолость –
Душой и сердцем – в жизнь.

Вскружимолость!
Неймётся мне на месте!
Вскружи меня –
И с радостью сдружись.

Ах, жимолость!
Ах, волны аромата!
Ах, нежные,
Как пена, лепестки!

Скажимолость –
Неужто ты богата
И счастлива
Морене вопреки?

*Морена – в славянской мифологии богиня смерти.

6 июня 2004 г.

* * *

У нарцисса листья – иглы,
У нарцисса листья – стрелы.
Что за песнь меня настигла,
Что за веснь меня согрела?

Что за радость, что за крылья
Вещих слов небесной девы?
Вновь аэды мне открыли
Сокровенные напевы.

Он расцвёл, как жизнь и солнце,
Как подарок Диониса.
Пусть до сердца донесётся
Зов весеннего нарцисса.

24.09.2004 г.

* * *

Мне слышалась музыка,
Слышалось скерцо,
И я заходила в иную среду:
Весенние розы, весеннее скерцо
Кружилось, светилось,
Сияло...

(из незавершённого, ориент. 2004)

РОЗА

Из бутона прекрасным виденьем
Вырос облик Весны Боттичелли.
Мы с таинственным этим растеньем
Помечтать друг о друге успели.

Пусть любовь наша будет такой же
Ароматной и дивной, как роза.
И тонка лепестковая кожа,
Точно ангелов нежная грёза.

В излученьи своём розоватом
Проросла сквозь туманы и сельвы.
Чтоб напиток ее ароматом,
Подлетают незримые эльфы.

Ритмы розы и музыка розы –
Совмещение звука и цвета.
Только в точке, родившей вопросы,
И содержится мудрость ответа.
1 апреля 1999 – 20 сентября 2002 г.

* * *

Несёт в зелёных пальцах груша
Цветы надежды и весны.
О, как душе отрадно слушать
Звучанье солнечной струны!

Летит пчела к соцветью жизни –
Добыть нектар своей любви.
В речах илифий* и орисниц**
Ликует светлое: «Живи!»

*Илифии – производной от древнегреческой богини рождения Илифии.

**Орисницы – мифологические персонажи южных славян, предсказывающие судьбу при рождении.

21-25.10.2004 г.

* * *

Живая изгородь, живая,
Отгороди меня от бед.
Про все печали узнавая –
Про свой расскажешь ли секрет?

Сирень, закрой меня от пыли,
И от дороги заслони,
Возьми в века грядущей были,
В весенние, живые дни!

Без даты (ориентир. 2004)

* * *

Дерево – ясень, каштан или вяз –
Дерево, славное древним величьем,
Дерево – будто крепчайшая связь –
Нить между Духом и бренным обличьем.

К дереву – благодаянью небес,
В зной подающих нам плотные тени –
В благоуханный, целительный лес,
В зелень смиренных и мудрых растений.

К дереву нежно прильнув головой,
Слышишь звучанье космической ночи.
Свет, полускрытый зелёной листвой
Смотрит в лесные, древляньские очи.

Я бы хотела взойти по стволу
Ввысь, где гнездится свободная птица,
Сердце трепещет в признаньи «Люблю!»,
С вешним цветеньем спеша возродиться.
30 мая 2003 г.

* * *

Цветов считаю гроздь
На ветке – как года.
В саду твоём я гостья –
Пришла не навсегда.

На несколько мгновений,
Чтоб свой оставить след.
Но этот сад весенний
Как запах давних лет.

Из сада ли земного
Вхожу в небесный сад,
Когда вдыхаю снова
Твой тонкий аромат.

Весну цветущей вишни
И ярко-синий цвет,
Не дальний мой, не ближний,
Не мой «неблизкий свет».

6 августа 2004 г.

ПО МОТИВАМ СЁТЭЦУ

Над весенней метелью цветенья
Тихо бродит сиянье луны.

5 мая 2004 г.

Марина ШКРОБОВА (Верналис), поэт. Окончила в Ульяновске среднюю школу №44, педагогический институт им. И.Н. Ульянова. Автор книг «Укради меня из суеты», «Где ждет любовь», «И постигая таинство пути...» и др. Открыла в Москве «Поэтический салон Марины Верналис», проводит вечера лирической поэзии в городах России и Европы. Выступала с поэтическими программами в разные годы в Ульяновске – во Дворце книги, в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова. Живет в Москве.

Фото Екатерины Эйлих.

МНЕ ЗВОНИЛА ВЕСНА!

МОЕМУ АНГЕЛУ

Мой белокрылый ангел, Муза!
Ты – вдохновение моё!
Мой путь – плод нашего союза.
Тебя благодарю за то,

Что ты являешься под вечер,
Когда стихает гул дневной,
И крылья мне кладёшь на плечи,
И разговор ведёшь со мной

О чудесах и дальних странах,
О том, чтоб я держала статью!
Что, как бы ни казалось странно,
Жизнь – это шанс собою стать!

И если ангельские крылья
Были подарены судьбой,
Нет места мыслям о бессилье!
Мне всё под силу. Бог со мной!

ОСТАЛОСЬ ВРЕМЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ЛЮБВИ!

Когда в тиши пролистываю дни,
Рождаются слова простой молитвы:
«Осталось время только для любви!»
Нет времени для ссоры и для битвы.

Когда сомненья копят в груди,
Я до себя пытаюсь достучаться:
«Осталось время только для любви!»
И времени нет в этом сомневаться.

Когда встречаю в людях жар войны,
Мне трудно от подсказки удержаться:
«Осталось время только для любви!»
И вовсе нету времени сражаться.

Бег времени – Вселенские силки,
Но можно от ловушки уклониться:
«Осталось время только для любви!»
Пока жива Любовь и Время длится!

ПРИТЧА О СВЕРЧКЕ

Два друга в шуме города большого
Однажды повстречались невзначай
Один ценил вкус быта городского,
Другой любил свой деревенский край!

И, дорожа моментом этой встречи,
Друзья беседу тотчас завели.
Хоть в шуме города тонули речи...
Но и молчать ведь тоже не могли!

Тот, деревенский, в жаре разговора
Смолк. Видно, удивленья скрыть не мог.
И так тихонечко шепнул другому:
Прислушайся! Здесь, кажется, сверчок!

Как он его услышал в этом гаме?!
Сверчки слабее грохота машин!
Он подошел, траву разгреб руками
И улыбнулся: «Даже не один!

Их целый хор! Послушай, как стрекочут!»
Друг городской был этим поражён.
А тот взял мелочь, бросил... У обочины
Послышался привычный перезвон.

На звук монеток люди обернулись,
Спеша свои проверить кошельки.
Услышали, смущенно улыбнулись,
Как будто извиняясь: не мои!

Друзья смотрели друг на друга молча,
Ведь оказалась истина проста:
Мы слышим то, что каждый слышать хочет,
Тот звук, на что настроена душа!

* * *

Мне звонила Весна! Говорит, что уже на подходе!
Что ручьями снега побежали наперегонки.
Что она хороша! Как аккорды любимых мелодий,
Чтобы мы открывали навстречу ей души свои!

Мне звонила Весна! И так сердце в груди задрожало,
Что растрескался лёд замороженных окон моих...

Как она хороша! И в своём осторожном начале
Расточает тепло добродушных ладошек живых!

Мне звонила Весна! Захотелось обнять её нежно...
Как подругу, сестру, легкокрылую музу земли!
А когда мне она протянула
свой первый подснежник,
Мы кружились, не пряча счастливые слезы свои!

О ВОЗМОЖНОСТЯХ...

Когда в молитве откровения
Мы просим Бога нам помочь
И ниспослать как дар терпение,
Чтобы невзгоды превозмочь.

Бог посылает не терпение,
А ту возможность, может быть,
Дорогу, встречу иль мгновение,
Чтобы терпенье п р о я в и т ь!

Когда в молитве ожидания
Мы к Богу обращаем речь
И молимся о покаянии,
Чтоб душу от обид сберечь,

Бог не прощенье посылает...
Чтобы душе не навредить,
Он нам возможность открывает
То покаянье с о в е р ш и т ь!

Когда в молитве вдохновения
Мы молим Бога о любви,
О чуде воссоединения
С кем Путь назначено пройти,

Бог нам распахивает двери
И посылает вновь и вновь
Как знак высокого доверия -
Возможность п р о я в и т ь Любовь!

* * *

Принимай таким как есть:
Бородатым, нелюдимым,
Некрасивым, не бог весть,
Но желанным, но любимым...
Принимай таким как есть:
С озорным и строгим взглядом.
Всех грехов не перечеть,
Ну да это и не надо!
Принимай таким как есть:
Откровенным и с хитринкой,
С мыслью той, что не известь –
Быть твоею половинкой.
Принимай не без греха,
С высшей мерой пониманья
Вечный повод для стиха –
Эхо твоего дыханья!
Принимай таким как есть!

АКТЁР НА СЦЕНЕ!

Актёр на сцене. Радость или боль
Через партер на всхолмие галёрки
Тебе нести. Так, стало быть, изволь,
Играть, души не занавесив шторы!

Зови, актёр, в мир таинства кулис!
Какая чушь, что привкус славы пресен!
Взмахни наверх, потом бесстрашно вниз
Рванись, втопив нас в тело кресел!

Ведь ты – актёр! Придумай амплуа.
Потом низвергни прелесть этой маски.
И призови на помощь облака,
Чтоб опьянить могуществом развязки.

То Арлекин, то страждущий Пьеро.
Ты так не защищен от кровной мести.
И над тобою кружит вороньё,
Но это не меняет сущность песни.

Твой голос тих. Но если он глубок,
Его не остановит гильотина.
Играй, актёр, покуда лёгок слог,
Ведь чары колдовства необратимы!

СТАТЬ СВЕТОМ!

Мы ждём того, кто нам приносит Свет,
Живя в одолевающей тревоге.
И кажется порой: просвета нет...
И нету человека на пороге,

Способного быть нашим маяком
И знающим, куда ведёт дорога,
Кому мы доверяем целиком
И встреча с таковым – подарок Бога!

Но, впрочем, ждать не стоит много лет!
Соблазн велик, но лучше есть решение:
У каждого есть свой незримый Свет!
Стань Светом сам! И выиграй сражение!

В СЕРДЦЕ БОГА!

Ищу ответы, мысль: я – покой!
Я – истинной Любви живая нота.
Осознаю единства нить с тобой,
Творец! И удивляюсь: кто Ты?

Тот чистый Свет, ведущий в облака,
Что мысль мою до неба возвышает?
Безмолвие, что там, внутри меня,
На все мои вопросы отвечает?

Я эту нить единства сохраню –
Ведь с нею мне неведома тревога!
Я приглашаю Бога в жизнь мою
И занимаю место в сердце Бога!

Губернатор вручает премию
Светлане Матлиной

Лауреат в номинации «Волжская пристань»
Диана Кан

Победитель в молодежной номинации
Алена Ипанова (Мирослава Бессонова)

НАЗВАНЫ НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ НИКОЛАЯ БЛАГОВА

Церемония награждения состоялась 29 января 2019 года в Торжественном зале Дворца книги

«Поэтическая премия Николая Благова была учреждена в 2012 году, в 2017 ей присвоен статус межрегиональной. Это решение было обоснованным, так как премия вызывает огромный интерес не только у ульяновских поэтов, но и у поэтов России. Поэтическая награда является ещё одним импульсом возвращения интереса к чтению, поднятия престижа чтения не только в Ульяновской области, но и за её пределами. Вручение премии имени Благова стало хорошей традицией поощрения поэтов за их творчество, за вклад в литературу и за то влияние на литературный процесс в целом, какое они оказывают», – сказала, обращаясь к собравшимся, министр искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова.

Торжество прошло при большом стечении гостей, читателей, журналистов, в зале присутствовали писатели, лауреаты премии прошлых лет, культурная общественность Ульяновской области.

В этом году победителем в номинации «Земляки Благова» стала ульяновская поэтесса **Светлана Матлина**. «Я очень хорошо знала Николая Благова. Этот великий человек поспособствовал выходу моей книги. Сегодня я получаю премию второй раз. Мой сборник «Свет Вечерний» удостоился этой награды. В него вошли стихотворения о жизни, о природе, о людях в поэтическом и философском ключе – все это было близко Николаю Николаевичу», – поделилась поэтесса.

Лауреатом номинации «Волжская пристань» была объявлена поэтесса **Диана Кан** (г. Оренбург) за сборник стихотворений «Звезды окликаю». «Я считаю себя волжской поэтессой, все свои лучшие стихи я написала на Волге. Несмотря на то, что я сейчас живу в Оренбурге, она до сих пор продолжает быть в моей судьбе некой доминантой», – отметила автор.

Самым молодым лауреатом премии имени Николая Благова стала участница Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России, который проходил в Ульяновске в 2018 году **Алёна Ипанова** (литературный псевдоним – Мирослава Бессонова (г. Уфа)). Награду поэтесса получила за сборник стихотворений «Летающий дом».

В торжественной обстановке премии лауреатам вручил губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов.

Участники торжественной церемонии вручения Благовской премии

Сюжет
Уltrавда ТВ
о вручении
премии доступен
по QR- коду

В январе 2019 года состоялось награждение лауреатов Межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова. В этом году наградой отмечены Светлана Матлина (Ульяновск), Мирослава Бессонова (Уфа) и Диана Кан (Оренбург).

Диана КАН – известная российская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Звёзды окликающая» и др. А также множества публикаций в центральных и региональных изданиях России. Член редколлегии литературно-художественных журналов России: «Подъём» (Воронеж), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Арина» (Нижний Новгород), «Волга-21 век» (Саратов), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва) и так далее. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Лауреат поэтической премии имени Николая Благова (2018).

Я ВЕРНУСЬ ПО ВЕСНЕ...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Кто-то едет на Мальдивы,
Кто-то едет на Канары.
Кто-то берегом турецким
очарован-околдован.
Шлях-дороженька, куда ты?
– Не кудыкай! К Светлояру.
Кто куда, а ты, родная,
К русским северам за словом.
– Что мне это слово, право?
Я за ним в карман не лезу!
Я уже давно мечтаю
Нежиться на пляже южном...
Что мне проку в этой славе,
Что горька и бесполезна?
Мне от этой лютой стервы
Ничего уже не нужно.
– Что ты поднимаешь кипеж,
Как спесивая девчонка?
Разве русскому поэту
Так вести себя пристало?
Ждёт тебя заветный Китеж...
Кипятись, да помни это!
Ты по праву – китежанка,
А тебе и горя мало!
Шлях-дороженькой была я.
И во что я превратилась?
В путь единственно возможный...
Так что сокрушаться поздно.
...Шлях-дороженька, родная,
Сделай божескую милость!
Я хочу туда, где светят
С неба ласковые звёзды...

ПОЭТУ АНАТОЛИЮ ПЕРЕДРЕЕВУ

Переезды. Перегоны.
Пересуды. Передреев...
Кто такой? Поэт в законе,
Чьи стихи в морозы греют.

Только ты предпочитаешь,
Мой попутчик, греться водкой.

Только вряд ли ты читаешь,
Толька был поэт не короткий.

Толька... Он тебя бы вряд ли
Осудил – был сам не промах
Горечь намахнуть до капли
Средь знакомцев незнакомых.

Дух околиц и окраин
Овевает наши лица...
Не тоскою странствий ранен,
Едет мой сосед в столицы.

Не считая километры,
В Уренгой из Оренбурга
Едет он по белу свету...
Говорит, с деньгами туго.

Выживаем, выживаем,
Но не из ума, надеюсь,
Хоть стихи воспринимаем,
Как неслыханную ересь.

Пахарь и поэт-изгнанник...
Перед небом все едины.
Что ж ты наши души ранишь,
Анатолий Константиныч?

Душ людских путеводитель,
Как положено поэту,
Носит в сердце (не хотите ль?)
Еретическую мету.

Перемены. Передряги...
Но сердца стихами греет
Вдохновенный работяга
Анатолий Передреев.

* * *

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять –
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.

Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно, самозабвенно.

Ну почему не спешит он сюда –
Тот, самый лучший на свете мужчина,
Что не разлюбит меня никогда,
Хоть и мечтал видеть первенцем сына?..

Где ж королевич мой, свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная».
Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостьюшка званая.

А ведь ты нежданно-непременно
Заскочила узнать, сколько времечка.
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.

И забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнётся ласково
Духовитый чаёк ромашковый.

В нём степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостья заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.

Угощаешься власть смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина,
Разве знала ты это заранее?..

* * *

Любимой меня не зови:
Не холодно мне и не жарко!
Давай посидим визави
Над нашей прощальной чаркой.

Напрасно, заученно рад,
Улыбчиво нам докучая,
Услужливый официант
Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: «Тащи ананас!
Шампанское – нет! Мораторий!..»
Печальная сказка про нас –
Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
Что вечного нет и не будет.
Иллюзии пустим на слом...
Делов-то! От нас не будет!

Смеясь, ананас доедим,
Запьем поминальной чаркой...
И пыли веков предадим
Всё то, что искрилось так ярко.

Всё то, что ты мне не простил,
Лукавою славой обласкан...
И в сумерки цвета чернил
Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
Неважно, кто более ранен...
О нас и задолго до нас
Поведал поэт Северянин.

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака –
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь – слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака

* * *

Мы поэты... А значит, нам так и надо!
На первой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладкозвучным елеем.

Мы поэты... И место наше в буфете.
Не на сцене и даже не на галёрке.
Не в борделе, тем паче не в госсовете,
Где прозаседались тузы-шестёрки.

Хоть буфетчица не похожа на музу,
Но зато без всякого промедленья,
Видя в каждом потенциального мужа,
Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья.

...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну а пуще – Вере, Любви, Надежде...

Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поименно – другие. По сути – те же.

Пусть поэзия – площадная девка –
Откликается на любое имя.
Но при этом помнит с тайной издевкой,
Что от веку зовут её – Магдалина.

* * *

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое – истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
...Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прибудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Багрец всему – и тополям, и клёнам,
Калине, что пустили на вино.
И нам, столь непростительно влюблённым
Во всё, что смертно и обречено.

В преддверье неизбежной вечной стужи
Ни мускулом не дрогни, ни лицом,
Когда стоишь, боса и безоружна,
Лицом к лицу с кровавым багрецом.

Пойми, ревнуя к малахитам лета,
В себе попутно лучшее губя,
Он по стихам твоим и по приметам
Прицельно выждал, выследил тебя.

Он не забыл, как ты, пренебрегая
Его огнём, что царственно горит,
Смесь, простоволосая-босая
Сбежала в летний звонкий малахит.

Ты не привыкла жить наполовину,
Помилованья, стало быть, не жди...
Любуясь кистью пламенной калины,
По ягодке с улыбкой в рот клади.

Пусть ветер-конвоир толкает в спину
Навстречу золотому багрецу...
...Кровавая окалина калины
На удивленье Родине к лицу.

* * *

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!..».
Новгородская вольница чаёт: «Приди!..»
Это смех, это грех, это жесть, это жисть,
Это вольная воля в разверстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
Целовавшая питерский гордый гранит,
Эта вольная воля звенит на ветру
И, шутя, обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жесть
И слезливая жисть прошлогодних снегов?
Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
Тех, кто тщились стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка не пытка, и где наша не
Пропадала, печалилась, пела, летала...
Я вернусь по весне... Я вернусь по весне –
Високосной весной – разве этого мало?

* * *

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки – удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через млечный мост.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Венера Мухамметжанова, сотрудница филиала Ульяновского областного краеведческого музея «Усадьба Дениса Давыдова» в с. Верхняя Маза.

ДЕНИС ДАВЫДОВ В ТЕАТРЕ

18 **36.**

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ
Для открытия после перестройки
Сего дня въ пятницу, 27 Октября,
роскошно украшенные театральные залы
въ первый разъ:

**ЖИЗНЬ
ЗА ЦАРЯ,**

Оригинальная большая опера въ трехъ действияхъ, съ
заключеніемъ, хоромъ и танцами; слова сочинены ба-
рономъ К. Ф. Римскимъ; музыка М. И. Глинки; постановка
1-го действия, представляющая село Домнино на рѣкѣ,
Шайбъ Г. Амарио Галлера; 2-го Г. Петрова; 3-го дей-
ствия: сцена Г. Гольца; въ 5-мъ действиіи: дѣлѣль Альфъ
заключеній сѣнами Г. Пешаротона; вѣдѣ прѣдставленія
Миссамъ Г. Гольца; въ заключеніи, красная площадь съ ви-
домъ Кремля, Андресъ Галлера; танцы балетмейстеръ
Г. Ташковъ; постановка Г. Балетти; оркестръ Звѣзда Андресъ
Галлера.

Танцовщицы будутъ: Гали Пашева, Самойлова средъ
Амарионова Г. и Смирнова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:
Иванъ Суванковъ, крестьянинъ села
Домнина . . . . . Г-нъ Пирон.
Дашковъ, дочь его . . . . . Г-жа Стенькина.
Богданъ Сабининъ, женихъ ея . . . . . Г-нъ Гюмон.
Вадимъ Сергѣевичъ Космодемьянскій, Суславинъ Г-нъ Вурьяковъ.
Начальникъ Польскаго отряда . . . . . Г-нъ Биллонъ.
Начальникъ Русскаго отряда . . . . . Г-нъ Бурдонъ.
Генералъ Платовъ . . . . . Г-нъ Мейеръ.
Русскій народъ, Польскіе воины.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

ЦѢНА МѢСТАНЪ.

Вши Валуаръ	81 р	Ирсева 1 рядъ	10 р	и . . . . .
— 1-го яруса	65 —	— 2 и 3 рядъ	7 —	и . . . . .
— Бель-Этажа	30 —	— прочая рядъ	5 —	и . . . . .
— 2-го яруса	40 —	Мѣста за оркестромъ	3 —	и . . . . .
— 3-го яруса	15 —	Балконъ	5 —	и . . . . .
— 4-го яруса	10 —	Галлерей	3 —	и . . . . .
— Антеррама 5. яру	35 —	Галлерей	8 —	и . . . . .
— Антеррама 6. яру	25 —	Ванная галлерей	8 —	и . . . . .
— Антеррама 7. яру	20 —	Антеррама	1 —	и . . . . .
		Большое мѣсто 3. яру	30	

Афиша первого
представления оперы
«Жизнь за царя»

Многим известны такие высказывания великих людей: «Что же такое театр? О, это истинный храм искусства!», «Театр – это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». Действительно, театр всегда был зеркалом, в котором отражались события и человек. И театру не однажды предрекали гибель, но он каждый раз выживал – выдержал конкуренцию и с кинематографом, и с телевидением, и с компьютером. Искусству, творящемуся на глазах у зрителей, суждена долгая жизнь.

Современное театральное искусство в поисках ярких и искренних героев всё чаще обращается в прошлое. Герой Отечественной войны 1812 года, поэт пушкинской плеяды и известный военный писатель Денис Давыдов, начиная с 60-х годов прошедшего XX века, становится главным героем спектаклей в театрах нашей страны. Энергичная, призывная, разительная музыка его таланта не постарела за два века. Об этом свидетельствуют наши контакты с руководителями и актёрами некоторых театров России. Нам удалось установить, в каких государственных театрах страны ставились спектакли, как в них создавался образ Дениса Давыдова, его боевых командиров и друзей-современников.

Д.В. Давыдов. 1830-е годы.
(Неизвестный художник.
П.Я. Лукьянов?)

Но сначала давайте вместе окунемся в эпоху, в которой жил Денис Васильевич Давыдов. Известно, что театр конца XVIII – первой половины XIX века оставался частью светской жизни дворян, забавой, зрелищем, нарядным праздником. Известный писатель С.Т. Аксаков в своих «Литературных и театральных воспоминаниях» так описал одно из посещений Большого театра Москвы: «Великолепная театральная зала, одна из крупнейших в Европе, полная зрителей, блеск дамских нарядов, яркое освещение, превосходные декорации, богатство сценической постановки – все вместе взволновало меня...»

А обычный столичный дворянин после обеда часто отправлялся в театр. Для него было неважно, какие были актёры и что играли. Но было важно побывать в театре, показать себя, заглянуть за кулисы, засвидетельствовать своё почтение актрисам.

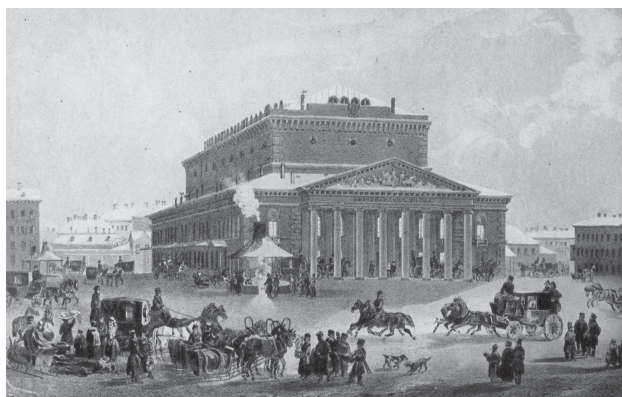
Сегодня зрители любимым артистам преподносят букеты цветов. А по воспоминаниям заядлых театралов позапрошлого века, в те времена цветы чаще заменяли кошельки с деньгами. Для выражения своего удовольствия во время спектакля тут же экспромтом брали чей-нибудь кошелек, наполняли серебром и золотом или ассигнациями и в момент самой патетической сцены такой подарок кидали к ногам актера. Сергей Тимофеевич Аксаков об этой «традиции» в своих воспоминаниях писал следующее: «Я видел, как сумасшедшая Нина в опере «Нина, или сумасшествие от любви» приходила в себя, поднимала кошелек, клала его в карман, раскланивалась со зрителями и затем снова делалась сумасшедшею». Такой успех актеров ре-

Большой (каменный) театр в Петербурге. Акварель из альбома Марии Тальони, 1837 г.

Титульная страница клавира оперы

В. Патерсен. Съезд к Большому театру

цензенты того времени называли так: «публика аплодировала метанием кошельков на сцену», и подобные «метания» не считались зазорными.. Метанием зрительских кошельков награждались наиболее известные актёры. Менее талантливые могли заранее договориться со зрителями о кошельках.

Как и многие современники, Денис Васильевич Давыдов был поклонником театрального искусства. Известно, что в верхнемазинский период жизни, будучи в отставке, он два раза выезжал в Петербург и там непременно посещал театры. Об этом свидетельствуют его письма, адресованные жене Софье Николаевне в Верхнюю Мазу. Зимой 1836 года, во время петербургской «разведки» по делу устройства сыновей в учебные заведения, он написал ей: «Душа моя! Был во Французском театре, в ложе у Васильцевской. Играли драму Терезу, Дюмаса. Эта драма чудесная, и играли ее чудесно...»

Во время последней своей поездки в Петербург, 11 июля 1837 года, Денис Васильевич сообщил жене: «Я и Вася были в театре. Давали «Жизнь за царя», оперу, которой музыку сочинил Глинка. Некоторые места этой оперы мне очень понравились, и вся она необыкновенна, потому что вся на русских мотивах и хотя нет ни одной русской песни. Это своего рода настоящий подвиг (перевод с фр.) Говорят, что Глинка хотел доказать этой оперой, что есть русская музыка, как есть итальянская музыка, но дело в том, что наши народные напевы почти на миноре, – что и сделал Глинка, почему в опере его оказывается томительная монотония. Мне очень понрав-

вился трио в первом акте и трио в последнем, также полонез и мазурка, мазурка чудесная!»

17 августа Д.В. Давыдов из Северной столицы написал жене в Верхнюю Мазу о последнем посещении театра: «Милая душа моя, вечером я был во Французском театре, где играли славные мистер и мадам Аллан. Он актер изрядный – больше того: хороший актер; но жена его чудесная; а после мадемуазель Марс ничего подобного не видел. Вряд ли славная Филис сравнилась бы с нею в патетических ролях. Это истинное чудо! Они говорят, к зиме будут в Москву. Но и я роль сыграл порядочную в театре, или заставили меня сыграть эту роль. Вообрази, что только что я вошел, все мне знакомые и вельможи и генералы и офицеры и придворные и бог знает кто – даже старик Дмитрий Львович Нарышкин, все бросились ко мне и окружили меня. Это было, как нарочно, между первой и второй частью пьесы, следственно, все были свободными, но на местах своих... Дмитрий Никитич (Бегичев), который прежде меня был уже в театре и который это видел, признается мне, что он в душе радовался и восхищался; многие его знакомые, но меня первый раз выдавшие, узнав от него, что это я, лезли смотреть на меня...»

Посещая театр, думал ли Денис Давыдов о том, что сам когда-нибудь станет главным героем театральных постановок, посвященных Отечественной войне 1812 года? Может быть, сидя на каком-либо скучном спектакле, он не раз мечтал, что было бы неплохо посмотреть спектакль о подвиге русской армии с французами. И сюжет, быть может, был придуман: исторические баталии между русскими и французами, любовные страсти главных героев, гусарские биваки. Может быть... Одно известно, что в наши дни образ Дениса Давыдова на театральных сценах России не перестает вызывать чувство восторга у наших современников.

Г. Банников в роли Д.В. Давыдова

Санкт-Петербург. Александринский театр

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Александринскій театр и Памятникъ Императрицы Екатерины II.
ST.-PETERSBOURG. Théâtre d'Alexandra. Monument de l'Impératrice Cathérine II.

Мужественный офицер и руководитель армейского партизанского отряда, талантливый поэт и любимец женщин, дерзкий и остроумный в словах, благородный в делах и поступках – вот таким предстает перед нами, зрителями, герой героической комедии Владимира Соловьева «Денис Давыдов». Постановка по этой пьесе впервые была осуществлена в 1961 году в Смоленском

театре драмы. Главную роль доверили молодому актеру Георгию Банникову. Актёр подошел к этой работе с присущей ему ответственностью: прочитал много литературы о времени и о самом Давыдове, изучил его внешность, привычки, манеру одеваться. И роль удалась на славу. Театр в 1962 году был приглашен в Москву на сцену Кремлевского дворца съездов. Было волнение, и был успех. И было еще письмо от Ольги Николаевны Да-

выдовой – правнучки Дениса Васильевича, которая присутствовала на спектакле и отметила большое внутреннее и внешнее сходство актера и его героя, а также прислала в знак признательности и уважения кусочек ткани, из которой был когда-то сшит гусарский ментик народного героя. За эту роль Георгию Банникову было присвоено звание заслуженного артиста России. Потом актёр Георгий Банников служил в Саратовском театре, сына назвал Денисом.

Драматург В.А. Соловьёв

По пьесе драматурга В.А. Соловьёва «Денис Давыдов» были поставлены спектакли во многих театрах страны. Например, в 1984 году в Калининском государственном драматическом театре состоялась премьера этой героической комедии. Роль Дениса Давыдова исполнял народный артист Константин Юченков. Надо заметить, что в 1969 - 1973 гг.

он служил в Ульяновском драматическом театре. И, родившегося в 1971 году сына актер назвал Денисом (ныне Денис Юченков - актер театра и кино, телеведущий, заслуженный артист РФ).

2012-й год стал самым «урожайным» на постановки о Денисе Давыдове. К 200-летию победы в освободительной войне 1812 года Саратовский драмтеатр поставил героическую музыкальную комедию «Денис Давыдов», где на два часа зритель погружается в атмосферу любви и преданности, самоотверженности и дружбы, патриотизма и героического духа. Помимо главного героя, среди действующих лиц – главнокомандующий русской армии, Светлей-

К. Юченков в роли Д. Давыдова

ший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, выдающийся российский полководец, генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли, жена старосты, «партизанка» Василиса Кожина, император Александр I. Все они встречаются на фоне поистине замечательно продуманных и в то же время простых декораций, в пышных нарядах и самобытных одеждах того времени.

Впрочем, бюджет спектакля отнюдь не главный критерий для зрителей. Куда более важно то, что «Денис Давыдов» заставляет сопереживать героям. Важно то, что диапазон эмоций, которые выносятся на сцену актёры, очень широк: от трогательных любовных до трагических моментов – таких как смерть Андрея, преданного и отважного денщика Давыдова, переживания самого Давыдова накануне Бородинского сражения (ведь в сельце Бородино, отцовском поместье, прошли последние годы детства) и так далее.

Премьерный показ героической комедии «Денис Давыдов» также состоялся в Донецком академическом драматическом театре в городе Мариуполе. Свой спектакль режиссёр-постановщик Станислав Непряхин посвятил всем защитникам Отечества. Актёр Игорь Китриж, исполняющий роль Дениса Давыдова, по слова режиссера, действительно похож на своего героя, «если равняться на сохранившиеся портретные изображения».

В начале спектакля перед нами предстает блестящий гусарский офицер Давыдов, гроза женских сердец, пылко влюбленный в дочь богатого помещика Агнессу. Но в самый разгар торжества по поводу помолвки с Агнессой он узнает, что «нынче ночью Наполеон пересек границу России». И Денис мгновенно преобращается. Теперь он – только солдат, защитник своего Отечества, и ему не будет покоя до тех пор, пока хоть один французский захватчик останется на земле России! В общей сложности в этом спектакле были задействованы тридцать семь актёров. Для столь массовой постановки работникам костюмерного цеха пришлось шить костюмы – от военных мундиров русских и французских армий до сарафанов и тулупов для крестьян-ополченцев. Чего стоила работа с одной только гусарской формой. Ведь это и кивера с плетёными кутасами и этишкетамы, и расшитые гусарским узлом доломаны и чакчиры, и украшенные галунами, отороченные мехом ментики, и походные сумки-ташки, и гусарские ботики. Кстати, сабли у актёров (офицеров Ахтырского гусарского полка) были не бутафорией, а практически настоящим оружием с увесистыми стальными, хотя и не заточенными, клинками.

«Общество истосковалось по настоящему патриотизму», – именно так говорили восторженные зрители после спектакля «Денис Давыдов», премьеры которого состоялась в Рязани в том же 2012 году. Автор пьесы и режиссёр-постановщик Ольга Прищепова соединила в одной постановке историю целой эпохи и судьбу отдельно взятого человека в ней. На рязанской сцене талантливо перевоплотиться в Дениса Давыдова смог актер Валерий Рыбкин, который создал на сцене образ романтика и отважного героя. Он был на семь лет моложе настоящего Давыдова (Денису на момент участия в Отечествен-

ной войне было 28 лет, а Валерию – всего 21). Перед зрителями предстал Денис Давыдов – отважный партизан-патриот, готовый вступить в схватку с десятком противников, обаятельный и остроумный покоритель женских сердец, автор басен и проникновенный лирический поэт. Именно таким был Денис Давыдов и в жизни. После спектакля один из зрителей в своем отзыве об этой постановке написал: «Выглядит это искренне и органично – так и хочется стукнуть кулаком по подлокотнику кресла и воскликнуть: «Ай да Давыдов! Ай да Денис!»

Недавно страстный поклонник Дениса Давыдова, друг и даритель нашего музея С.А. Блохин из Москвы, прислал нам афишу и программку спектакля-концерта «Гусарский романс». Он был поставлен в 2012 году Омским государственным драматическим театром. На афише особо подчеркнуто: «Героям 1812 года посвящается». В этом спектакле звучали стихи Дениса Давыдова, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, в него вошли и некоторые фрагменты пьесы В.А. Соловьёва «Денис Давыдов».

Начав своё исследование на эту тему, в прошедшем году мы сделали запрос в Пензенский драматический театр: какие спектакли о Денисе Давыдове ставились их коллективом на пензенской сцене. Руководитель литературно-драматургической части В.Г. Соколов в ответ написал следующее: «В нашем театре в послевоенные годы шли две постановки, посвященные Д. В. Давыдову. В 1962 году был впервые поставлен спектакль «Денис Давыдов» по пьесе в стихах известного советского драматурга Владимира Соловьёва. В 1966 году состоялась премьера новой героической комедии в трех действиях. Роль Дениса Давыдова исполнял актер Георгий Апитин. В 1994 году по пьесе пензенских авторов в Пензе состоялся новый спектакль «Гусарская элегия», где роль Д. Давыдова исполнил актер Алексей Нехороших. И такая постановка вновь взбудоражила сердца людей, равнодушных к личности Дениса Давыдова. В 2016 году актер Пензенского драмтеатра Павел Тачков и солистка Пензенской филармонии Марта Серебрякова осуществили постановку своего музыкально-поэтического спектакля «Признание». В их программу входят самые трогательные отрывки писем Дениса Давыдова, стихи о любви, а также известные музыкальные композиции».

А почему Давыдов так любим жителями Пензы, что многие десятилетия на сценах драмтеатра в честь него продолжают ставить спектакли? Более того, в центре Пензы установлен памятник Давыдову. Ведь он не связан с городом ни рождением, ни службой, ни долгим жительством, ни последними днями своими. Пензенская красавица Евгения Золотарева – он связан с ней как со своей поэтической Музой, любовью, последней, радостной и горькой, счастливой и безнадежной. «Пенза – моя вдохновительница. Золотарева будто прорвала заглохший источник. Я, право, думал, что век сердце не встрепнётся и ни один стих из души не вырвется. Она всё поставила вверх дном: и сердце забилось, и стихи явились», – так Денис Давыдов в 1834 году написал своему другу Петру Вяземскому (кстати, тоже влюбленному в Евгению). История любви Дениса Давыдова осталась только в стихах, которые рождались под натиском бурных страстей. Ведь не

зря он писал: «В безмятежной жизни поэзии нет, надо, чтобы что-то ворочало душу и жгло...»

В 2004 году в Верхнемазинской средней школе имени Д.В. Давыдова в 220-й день рождения героя-поэта состоялась премьера музейного спектакля «О поэте-гусаре замолвите слово». Огромное удовольствие и удовлетворение принесла мне эта работа как руководителю школьного театрального кружка, как сценаристу, который опирается на известные исторические хроники о Д.В. Давыдове и его эпохе, как режиссёру, который ищет и находит новые идеи, формы для воплощения своего творческого замысла.

...Небрежно откинутый на левое плечо ментик, лихо заломленный кивер, пышные усы, гордый нрав, поэтическая натура. Разве можно остаться равнодушным к такой личности? Его любили, им восхищались, ему завидовали, о нем злословили и сплетничали. Творческой находкой можно считать сцены, в которых светские дамы судачат о Давыдове, своими злыми, завистливыми язычками как бы листая и по-своему комментируя страницы его жизни:

– Давыдов басни неприличные пишет, о голове и ногах. За такое беспутное поведение, говорят, из Петербурга был выслан, да и всяких проказ за ним много.

– Ну да, ведь гусары – они всегда отличаются. А состояние-то какое имеет?

– В том-то и беда, что гол как сокол! Покойный родитель, царство ему небесное, ничего, кроме долгов, не оставил..

– Говорят, оставшееся после покойного родителя имение в селе Бородино не дает и двух тысяч рублей годового дохода!

– Ах, батюшки, жалость-то какая! А ведь собой недурен! И манеры благородные. Надо же было покойному так его обездолжить...

– Александра, его сестра, уже невеста. Братцу лучше бросить гусарство и поехать в деревню, чтоб навести там порядок.

– Да-да, стихотворцам и сочинителям прежде всего нужен покой и тишина. Чтоб никаких хлопот

и волнений...

– Но вы слышали, что об этом сказал этот Давыдов? «В безмятежной жизни поэзии нет! Надо, чтобы что-то ворочало душу и жгло!»...

Валерий Рыбкин в роли Дениса Давыдова. Рязанский театр на Соборной

Сцена из спектакля школьного театрального кружка.

Не только мирные, но и военные, партизанские страницы биографии Дениса Давыдова не давали покоя светским львицам:

– Ох, как недолго длилась война! Чуть больше года. Я даже не заметила!

– А меня крайне удивляет, что светлейший в прошедшем двенадцатом году дозволил партизанство. Как хотите, мой супруг говорит, что метод недостойный, противный всяким правилам.

– Зато не столь опасный, как боевые действия лицом лицу с противником! Не зря Давыдов ударился в партизаны: жизнь ведь дорога!

– Мой супруг не зря говорит, что партизанство имеет далеко идущие последствия. Оно развратило солдат и мужиков, внушило им неподобающие мысли о возможности пустить это оружие против нас.

– Ну, это уж вы через крайхватили! Не посмеют они нарушить нашу веселую жизнь!

– А мой дражайший супруг сегодня утром сообщил сногшибательную новость про Давыдова.

– Какую? Скажи, не томи!

– Говорят, из главного штаба в войска приказ отправили. Давыдову велено генеральский мундир снять. По ошибке, оказывается, присвоили чин генеральский!

– Да, до Парижа дошел и только в восьми военных кампаниях участвовал. Везде свою независимость показывал. Слышали даже, как он говорил: «Я перед вельможами не пресмыкался, на полях брани за Отечество жизни не щадил»...

– Возомнил себя героем! Выхочка! Жить ему только в степной деревеньке, чтоб еще раз не вызвать немилость императора!..

Большой интерес у молодого поколения вызывали также сцены, в которых Денис Давыдов предстаёт страстно влюблённым поэтом, бравым женихом. Ещё одна замечательная сцена была состав-

лена с опорой на верхнемазинское письмо Дениса Васильевича своему другу, князю Петру Андреевичу Вяземскому. 28 мая 1834 года Давыдов очень живо и сочно, как было присуще партизану-поэту, описал ему то «чудесное обстоятельство», которое приключилось в соседней Дворянской Терешке (ныне рабочий посёлок Радищево. – Прим. М.В.). Но в этом музейном спектакле эта история о мелкопоместных дворянах, стряпавших донос губернатору с жалобой на соседа Давыдова, гусарского майора Карла Антоновича Копиша, за его помощь пухнувшим от голода крестьянам, прозвучала в форме «горячего» диалога Дениса Васильевича и Софьи Николаевны. Слыша искреннее восхищение мужа благородством соседа, она воспитанным и нежным голосом, но жестко и твёрдо обозначает своё непримиримое отношение к подобной ситуации: «Если каждый помещик в неурожайный год будет выдавать голодающим хлеб из своего амбара – да они просто забалуются и перестанут работать»...

В течение прошедших двенадцати лет состав коллектива юных актёров постоянно менялся, так как ребята оканчивали школу и уезжали поступать учиться. Но их с удовольствием заменяли не менее одаренные члены театрального кружка. За эти годы участники Давыдовских праздников, посетители школьного музея, гости села Верхняя Маза имели возможность восхищаться игрой юных актёров, которые сумели показать на сцене драму великого патриота России, человека одарённого, неравнодушного и страстного.

В 2018 году в результате успешного участия Культурного фонда имени И.А. Гончарова в конкурсе на грант Президента России при верхнемазинском филиале Ульяновского областного краеведческого музея создан детско-юношеский клуб «Давыдовские гусары». Пятнадцать верхнемазинских ребят после торжественного посвящения в гусары вместе с наставниками начали свою деятельность по «погру-

жению» в эпоху военно-исторических и культурных событий первой половины XIX века, в биографию самого известного гусара России. В ближайших планах клуба «Давыдовские гусары» также создание театрально-хореографической группы, представления которой помогут сверстникам и взрослым современникам полнее узнать историю России и подвиги ее героев.

В июле 2019 года исполняется 235 лет со дня рождения нашего земляка, славного сына Отечества Д.В. Давыдова. В рамках Межрегионального Давыдовского фестиваля, который пройдет на территории бывшей симбирской усадьбы Давыдовых в Радищевском районе, состоится открытый межрегиональный театральный конкурс «Герои и поклонники». В нем смогут принять участие самодеятельные, детско-юношеские, молодёжные, семейные, разновозрастные творческие коллективы, представляющие театрализованную реконструкцию фактов жизни и деятельности Д.В. Давыдова, его дружбы с А.С. Пушкиным и другими выдающимися современниками. Надеемся, что на фестивале удастся реализовать программу «Театр – это

истинное чудо!», в которой, кроме победителей театрального конкурса, готовятся принять участие Московский театр исторической реконструкции, военно-исторические клубы из Самары, Нижнего Новгорода, Московской области. Они в честь юбилея героя-партизана готовят новый спектакль о Д.В. Давыдове и планируют театрализованные бивуаки.

Кто-то когда-то сказал: «Жизнь – это спектакль. Не так важно, сколько он длится. Главное – чтобы в конце были аплодисменты». Денис Давыдов удостоился долгих и бурных аплодисментов. Хочется надеяться, что они не стихнут.

В тексте использованы документы из Российской государственной военно-исторической архива.

Поздравление юных гусаров

Участие членов клуба «Давыдовские гусары» в церемонии почестей Д.В. Давыдову

Замечательные симбирянки

Валентина КОСТЯГИНА, научный сотрудник отдела фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ДЕТЯМ

Учитель, будь солнцем, излучающим человеческое тепло, будь почвой, богатой ферментами человеческих чувств, и сей знания не только в памяти и сознании твоих учеников, но в их душах и сердцах...

Ш. Амонашвили

*Лидия Сергеевна Стеженская в день своего 90-летия.
23 декабря 2013 г.*

Живет в нашем городе удивительная женщина – Лидия Сергеевна Стеженская, отличник народного просвещения, заслуженный учитель школы РСФСР – воплощение того идеала учителя, о котором говорит Шалва Александрович Амонашвили.

Все, кому посчастливилось быть ее учениками, вспоминают о своей первой учительнице как о человеке высочайшей культуры и эрудиции, высоких нравственных принципов, исключительной порядочности и душевной чуткости.

Большим счастьем и большой удачей для меня было знакомство с Лидией Сергеевной, состоявшееся более десяти лет назад. После первых же минут общения показалось, что я знаю ее всю жизнь. 25 декабря 2018 г. Лидия Сергеевна отметила свой 95-летний юбилей. Она по-прежнему бесконечно обаятельна и красива, в отличной физической фор-

Стеженский Сергей
Евгеньевич – отец Лидии
Сергеевны (1891 – 1928)

Музыкальный вечер
в Ардатове. Скрипач –
С.Е. Стеженский

Александра Михайловна
Троицкая (Стеженская) –
мать Лидии Сергеевны
(1893 – 1966)

ме. А какой она замечательный собеседник! Прекрасная «учительская» речь, изумительная для ее возраста память. Она много и охотно рассказывает о своей жизни, о работе в школе, о бывших учениках, многие из которых уже давно стали бабушками и дедушками.

Родилась Лидия Сергеевна в г. Ардатове Симбирской губернии в 1923 г. Ее отец – Сергей Евгеньевич Стеженский – уроженец Нижнего Новгорода, в 1914 г. закончил медицинский факультет Московского университета, получив специальность врача-окулиста. Был очень одаренным человеком: прекрасно рисовал, играл на скрипке, писал стихи. В октябре 1914 г. был призван на военную службу и отбывал ее в Симбирске: в лазарете, различных полках и батальонах, в военном госпитале. В августе 1922 г. был освобожден от военной службы и направлен в распоряжение губздравотдела. 26 сентября Сергей Евгеньевич женился на Александре Михайловне Троицкой – дочери протоиерея Симбирского кафедрального собора Михаила Федоровича Троицкого и его жены Анны Сергеевны. Александра Троицкая закончила 1-е Симбирское Епархиальное женское училище, получила звание домашней учительницы, но занималась канцелярской работой в различных учреждениях города.

После свадьбы молодожены переехали в г. Ардатов, где Сергей Евгеньевич много и самоотверженно работал по ликвидации и профилактике трахомы среди мордовского населения и занимался научной работой по этой проблеме.

Спустя год в семье родилась дочь Лидочка, а в 1925 г. – сын Вячеслав.

Семья Стеженских: Сергей Евгеньевич,
Александра Михайловна, дочь Лиди и сын
Вячеслав. г. Ардатов. (1926)

В гостеприимном доме Стеженских часто проходили музыкальные вечера. Сергей Евгеньевич играл на скрипке, его мать и Александра Михайловна – на рояле. Это было семейной традицией. Жили дружно и счастливо. Но неожиданно в дом пришла беда. В июне 1928 г. Сергей Евгеньевич был делегирован на съезд врачей, проходивший в Ленинграде. Возвращаясь домой, в поезде заразился скарлатиной и 30 июня умер. Семья осиротела.

Похоронив мужа, Александра Михайловна решила вернуться в Ульяновск. У нее на руках было двое детей и две бабушки. Она много работала, получала небольшую пенсию на детей, которая выплачивалась в то время только по достижению ребенком семилетнего возраста. Жили на частных квартирах в большой нужде, постепенно проедавая нажитое имущество.

Вскоре Лиди пошла учиться. В связи с переездами семьи с квартиры на квартиру училась в разных школах. После окончания семи классов поступила в Русское педагогическое училище, располагавшееся на ул. Радищева. Закончила его 19 июня 1941 г., получив специальность учителя начальных классов. По распределению работала на 38-м километре в на-

Александра Михайловна
Стеженская (урожд.
Троицкая). 1910 г.

чальной школе, в которой обучалось всего 14 детей. Работала одна. Обучение проходило в две смены. Одновременно занимались второй и четвертый, первый и третий классы. Жила в бараке, бытовые условия были крайне тяжелыми, голодала. Зима была холодная и снежная, добираться до школы через снежные заносы было очень сложно, а порой невозможно.

Через год Лидию Сергеевну перевели в Солдатскую Ташлу. Здесь не было не только электричества, но и керосина для ламп.

При свете коптилки она готовилась к занятиям, проверяла тетради, сама их линовала, вместо недостающих чернил разводила сажу.

В зимние каникулы учителя работали на заготовке леса, который отправлялся на фронт для строительства блиндажей. Это было тяжело и непривычно. Под руководством лесничего деревья валили, обрубали ветки и распиливали под заданный размер. Каждому необходимо было сдать 12 кубометров бревен. Лидии Сергеевне помогла мать, которая приехала к ней в 1943 г., и догадалась привезти с собой пилу и топор. Александра Михайловна по возможности наладила быт, завела огород, во всем поддерживала дочь. Летом вся школа трудилась в поле, по разнарядке, в одном из колхозов. Лидия Сергеевна освоила работу с серпом, граблями, лопатой и даже цепями. Работала самоотверженно, с полной отдачей сил, никогда не жалуясь на усталость.

В 1947 г. Лидия Сергеевна с матерью вернулись в Ульяновск, где она была принята на должность учителя начальных классов в школу № 3, в которой проработала до выхода на пенсию в 1983 г. За время ее работы в школе сменилось 7 директоров.

Л.С. Стеженская явилась первым любимым учителем для многих поколений школьников, которые с большой любовью и теплотой вспоминают о ее душевной доброте и сердечности, о том прочном фундаменте знаний, который она в них заложила.

«Дорогая Лидия Сергеевна!

Сегодня, в этот прощальный день, мы вспоминаем самое первое 1 Сентября, когда 30 несмышленьшей пришли в Ваш класс. С тех пор Вы стали для нас всем: и учительницей, и мудрым, опытным старшим другом. Вы учили нас не только правильно писать, решать несложные задачки, но и заставляли трудиться, любить людей, учили нас честности, справедливости, непримиримости ко всему плохому. Вы делили с нами все наши ребячьи обиды и радости. Мы очень рады, что Вы были нашей первой любимой учительницей. Благодаря Вам школа стала нашим вторым домом, а Вы - второй мамой.

Сегодня мы в последний раз собрались все вместе и все говорим Вам огромное спасибо за все то хорошее, что Вы для нас сделали.

Уважающие и любящие Вас выпускники 10 «В» класса. 29 июня 1970 года».

И таких признаний в домашнем архиве учителя

Лидия Сергеевна Стеженская (третья слева в среднем ряду) со своими учениками. 1959 г.

множество.

Большое внимание Лидия Сергеевна уделяла методической работе с молодыми учителями, щедро делаясь с ними своим опытом. Много лет она руководила районным методическим объединением и за эту работу неоднократно награждалась Почетными грамотами города.

Пять лет в летние каникулы в институте усовершенствования учителей читала по 72 часа методiku преподавания математики в начальных классах. А когда в 1969 г.

началась реформа начальной школы, она стала трехгодичной, менялась школьная программа, Лидия Сергеевна проводила в Сенгилеевском педагогическом училище методические занятия с будущими учителями и показательные уроки в его базовой школе. Учила видеть и чувствовать каждого ученика, умению заставить всех работать, а главное – каждого научить думать.

В 1960 году Лидия Сергеевна Стеженская стала отличником народного просвещения. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 июля 1966 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Была награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Но самой дорогой своей наградой считает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», которой она была удостоена 29 августа 1946 г.

Несколько лет назад Л.С. Стеженская по нашей просьбе передала часть своего архива в фонды Музея-мемориала В.И. Ленина, за что мы ей очень благодарны.

Общение с Лидией Сергеевной – бесконечно добрым, открытым, сердечным человеком – большое счастье. Она – пример высочайшего профессионализма, удивительного творческого и жизненного долголетия. Её жизнь – это подвиг Учителя, свой ум, свои знания, свой опыт отдавшего своим ученикам. Таким, как она, поэтесса Вероника Тушнова посвятила свое стихотворение:

Если б не было учителя,
То и не было б, наверное,
Ни поэта, ни мыслителя,
Ни Шекспира, ни Коперника.
И поныне бы, наверное,
Если бы не было учителя,
Неоткрытые Америки
Оставались неоткрытыми.
И не быть бы нам Икарами,
Никогда б не взмыли в небо мы,
Если б в нас его стараниями
Крылья выращены не были.
Без его бы сердца доброго
Не был мир так удивителен.
Потому нам очень дорого
Имя нашего учителя!

Елена ГУСЕЙНОВА, руководитель ансамбля «Авсень», преподаватель-фольклорист, автор сборников фольклора Ульяновской области, член экспертного совета по вопросам нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих на территории Ульяновской области.

К ХРАНИТЕЛЯМ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИМБИРСКУЮ ГЛУБИНКУ

Симбирский край, богатый своей песенной традицией, вызывает большой интерес фольклористов. В настоящее время носителями традиционной культуры являются в основном сельские, деревенские жители, которые могут передать богатство песенного, танцевального и словесного фольклора молодому поколению. Фольклорные коллективы, участниками которых являются дети и молодёжь, которые поют песни наших бабушек, создают взаимосвязь поколений, сохраняют традицию, живущую по сегодняшний день. Таким коллективом является фольклорный ансамбль «Авсень» Областной детской школы искусств города Ульяновска. Мы расскажем об обычаях и песнях сёл Старое Матюшкино и Новое Матюшкино Чердаклинского района Ульяновской области. В 2005 и 2007 годах, являясь руководителем фольклорно-этнографической экспедиции в Чердаклинский район Ульяновской области, я исследовала календарную и песенную традиции в селах Старое Матюшкино и Новое Матюшкино.

В августе 2018 года мне в третий раз посчастливилось побывать там. Взяв с собой свою ученицу, Марию Колесниченко, я отправилась в путь – в Симбирскую глубинку. Основной целью всей нашей работы мы выбрали исследования, в ходе которых нам бы хотелось выявить уникальные песенные образцы, соприкоснуться с местной традицией, проследить, как сохранилась песенная традиционная культура за последние годы. Стоял август месяц, день был солнечный, воздух был наполнен ароматом цве-

На фото - народный коллектив, фольклорный ансамбль «Авсень»

Колядки

тов, и все веяло какой-то первозданной природой и добротой людей, живущих здесь. Села Старое Матюшкино и Новое Матюшкино расположены очень близко по отношению друг к другу, населяет их мордовская национальность.

Мы вошли в дом, где проживает Костина Раиса Ивановна, 1938 года рождения, уроженка села Новое Матюшкино, мордовка

по национальности. В 1960 году она вышла замуж и переехала в Старое Матюшкино. Это верующий человек. В первой комнате мы увидели красный угол, где стояли православные иконы. На кухне была печь, в которой готовилась вкусная еда. Обстановка была теплой и душевной. Мы стали беседовать с гостеприимной хозяйкой. По её словам, в селах встречали многие народные праздники: среди них и Рождество, и Покров, и Троица. Молодёжь пела и занималась рукоделием, водила хороводы и играла в игры. На каждый праздник были свои календарные и семейно-бытовые песни.

«Рождество в селе праздновали неделю. Пели

колядки, Божественные песни, веселились, гадали, ходили ряжеными по улицам. Рядились в разных персонажей и делали всевозможные маски (красили лицо свеклой). За поздравления хозяева всех одаривали монеткой и угощали вкусным пирогом с маком и сливками, а также популярным был пирог с черемухой. Тесто на выпечку ставили на опаре. Пели песни на разные голоса и парни, и девушки». Раиса Ивановна исполнила нам духовный стих с прекрасным поэтичным текстом «Мы слышим райские напевы»:

1. Мы слышим райские напевы,
Что в небе ангелы поют.
Родился Божий Сын на свете,
Ему хвалу воссоздают.
Родился Божий Сын от Девы,
Ему хвалу воссоздают.

2. Восстановись, душа больная,
Скорей надежду облеки.
Твой Бог принес бальзам из рая,
Небесный, душу исцели.

3. Взгляни, Он весь любовью дышит,
Он жизнь за нас готов отдать.
Молись Ему, он видит, слышит,
Старайся ближе к Нему встать.

4. В Нем сила общая сокрыта,
Надежда мира и покой.
Молись Ему, Он видит, слышит,
И верь, что Он спаситель твой и мой.

На наш вопрос, во что одевались сельчане, нам рассказали, что в селе был ткацкий станок и одежду ткали. Для этого собирали лен, молотили его, сушили, затем пряли. Ткали длинные рубахи (сквозное платье), носили в течение десяти лет, поскольку жили очень скромно. Традиция ткачества передавалась из поколения в поколение.

А вот что рассказывали в экспедиции в 2005 году жители этого же села: «Накануне Рождества (6 января) ходили колядовали, а перед этим делали маски из тыквы, надевали её на палку, ставили рядом с ней свечку, стучали в окно и оставляли маску в снегу с палкой. Это могло испугать хозяина или хозяйку дома, когда они выглядывали в этот вечер в окно. Также были и другие маски, которые назывались «Хари», здесь раскрашивали и разрисовывали лицо друг у друга. На Рождество угощали всех пирогами с горохом, курником, который пекли из сдобного теста (тесто ставили на простокваше), готовили к этому дню и студень».

Пока мы беседовали с Раисой Ивановной, к ней в гости пришла Охлопкина Юлия Сергеевна 1937 года рождения, мордовка по национальности, уроженка села Старое Матюшкино. Выйдя замуж, она переехала в Новое Матюшкино. Наша беседа с информантами продолжалась. Рассказали они нам много интересного. К слову, как встречали Троицу. «Все дома традиционно украшались зеленью, ветка-

Ансамбль «Авсень» в концертных выступлениях исполняет народные песни, в том числе и записанные в Симбирском крае. Выступление на празднике журнала «Симбирскъ»

Троица

ми березы, разной травой. По правилам, как и положено, жители села утром этого дня ходили в церковь на службу (к сожалению, в настоящее время церкви в селе не сохранилось), после чего народ собирался и шел на праздник. Шли всей толпой в рощу: собирать цветы, плести венки, гадать и веселиться, девушки рядились в солдат. Во время гулянья пели песни, частушки, водили хороводы, а также ходили по домам: собирали яички, исполняли припевки и плясали. Все парни без исключения могли играть на балалайке и гармошке».

Среди песен, которые исполнялись на Троицу, мы услышали «Утушка луговая» с местным традиционным напевом и незнакомую ранее песню «Уж вы рощи мои».

Квас являлся в этих местах основным популярным напитком. В экспедиции 2005 года мной было отмечено, что он присутствовал во многих жизненных моментах человека. Так, в поминальной трапезе на девятый и сороковой день поминания, молитву читали «под квасом, пирогом, хлебом». Готовился он по особому рецепту. «Картошку и муку два или три дня томили в печке до красного цвета, затем разводили водой в квашне и разливали в деревянные кадки».

На свадьбу в этих селах до сих пор сохранился старинный обычай продавать рубашку жениху. Под-

В доме у Р.И. Костиной

ружки невесты несли ему веник, чтобы он попарился в бане, а он в свою очередь передавал невесте от себя веник. Вместо свадебного букета традиционно наряжали репей, украшали его разноцветными ленточками и цветной бумагой. Самой старинной традиционной свадебной песней этих сел остаётся песня-плач «Недолго вам, цветики, в окошках цвести». Впервые я услышала её в 2005 году от Ольги Дмитриевны Бояркиной, талантливой хранительницы традиционного пения.

1. Ндолго вам, цветики, в окошках цвести,
Недолго Нинушеньке в девушках сидеть.
2. В девушках сидеть,
Недолго Натольевне красоватися.
3. Красоватися...
Вечор поздно девушки косеньку сплели.
4. Косеньку сплели...
По утру ранёхонько сваха расплела.
5. Сваха расплела...
Разделила косеньки на две стороны.
6. На две стороны...
Разделила русаи на шести плестей,
7. На шести плестей...
Положила косеньки вкруг головушки,
8. Вкруг головушки...
На эти на косеньки шёлковый платок,
9. Шёлковый платок...
На этом платочке пуховый шалёк,

10. Пуховый шалёк...
Вот вам, косеньки, век отвековать.
11. Век отвековать...
Вот вам, русы косеньки, свету не видать,
12. Свету не видать...
Ходила Нинушенька вокруг берёзки.
13. Вокруг берёзки...
Сломил Натольевна верх от корешка,
14. Верх от корешка...
Расти, расти, берёзка, вверх от без вершка,
15. Вверх от без вершка...
Живи, живи, маменька, век-от без меня.
16. Век-от без меня...
Без родимой доченьки, без Нинушеньки.
17. Без Нинушеньки...
Без родимой доченьки, без Натольевны.

На фото: Е.А. Гусейнова с М. Колесниченко и жителями села Р.И. Костина и Ю.С. Охлопкина.

В ходе экспедиции мы многое узнали о местных обычаях и обрядах, познакомились с истинными носителями народной культуры. Важно, чтобы народная традиция передавалась из уст в уста, переходила из поколения в поколение, развивалась и жила. Здорово, что есть возможность ее изучать и исследовать. Мы увидели бодрость духа и жизненный оптимизм этих людей. Даже в трудные военные годы с ними всегда была народная песня, которая помогала им жить. Мы благодарим хранителей песенной традиционной культуры за богатейший клад, который они сохранили для нас в современном мире.

Вечер литературного журнала «Симбирскъ»

«СИМБИРСКЪ. СОЗВУЧИЯ»

Зал в библиотеке был полон

Выступает ансамбль «Авсень»

Юные читатели из школы № 62

Член Союза писателей России Ольга Шейпак и руководитель ульяновской писательской организации Илья Таранов.

2 февраля 2019 года в Центральной городской специализированной библиотеке им. И.А. Гончарова прошел традиционный ежегодный вечер литературного журнала «Симбирскъ» – «Симбирскъ. Созвучия».

Журнал «Симбирскъ» объединяет все литературные силы нашего края. На страницах издания публикуются стихи и проза, литературоведческие статьи, очерки о жизни и творчестве писателей, художников, музыкантов, обзоры культурных событий. «Симбирскъ» – ежемесячный и подписной журнал, у которого сформировался свой круг читателей.

В уютном зале библиотеки собрались ульяновские писатели, поэты, литераторы, краеведы, музыканты – авторы и друзья журнала «Симбирскъ» – для подведения итогов литературного и журнального 2018 года и обсуждения творческих планов издания на 2019 год.

Всех гостей вечера радушно и тепло встречала главный редактор литературного журнала «Симбирскъ», поэт, член Союза писателей России Елена Викторовна Кувшинникова:

«Неслучайно мы назвали наш вечер «Симбирскъ. Созвучия». Это объединяющее название. Наш родной город, наша история. Созвучия с прошлым. Журнал призван служить продолжению литературных традиций, идущих от прославленных писателей-симбирян. Рубрики журнала позволяют формировать его содержание таким образом, чтобы прошлое и настоящее соприкасались в непрерывной картине человеческого бытия, в ощущении преемственности поколений, связи времён. Созвучия поэтических голосов современных авторов, созвучия с новым поколением литераторов, созвучия всех муз – на страницах журнала».

Поэтическим эпиграфом вечера стало выступление ученицы школы № 31 Марии Семеновой, лауреата творческой номинации областных краеведческих чтений, она прочла свое стихотворение «Волга».

Концертную программу вечера открыли участники народного коллектива, детского фольклорного ансамбля «Авсень» (руководитель - Е.А. Гусейнова) из Областной детской школы искусств. Педагоги Областной детской школы искусств являются друзьями и авторами журнала «Симбирскъ» – они публикуются на страницах издания.

Старшеклассники из гимназии №65 им. Н. Сафронова (под руководством педагога О.М. Панкратовой) представили гостям вечера литературно-музыкальную композицию «Букет журналу «Симбирскъ». Ребята являются читателями журнала, они знают и любят стихи ульяновских поэтов.

При обсуждении творческих планов журнала на 2019 год выступающие говорили о том, что в журнале необходимо продолжить традицию – публиковать произведения как известных мастеров слова, так и начинающих авторов, открывать новые имена. Поэт и краевед Николай Марянин рассказал слушателям о юбилейных литературных датах 2019 года.

Из разнообразных рубрик журнала («Дороги

*Литературно-музыкальная композиция.
Гости вечера из гимназии № 65*

*Выступает
Елена Ушакова.*

Участники вечера журнала «Симбирськь». Февраль 2019 г.

памяти военной», «Река воспоминаний», «Литературное наследие», «Страна поэзия» и др.) каждый читатель может выбрать ту, что ему ближе, созвучнее. Юные участники вечера, учащиеся школы № 62 благодарили создателей журнала. Ведь статьи, опубликованные в «Симбирське», помогают ребятам создавать и реализовывать интересные литературно-краеведческие проекты.

Выступали читатели журнала. Нина Коваленко не только внимательно читает журнал, но и присылает в редакцию отзыв на каждый номер. Она сказала: «Как писал Евгений Баратынский, «дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...». И сотрудники журнала исполняют это поручение со всей добросовестностью. Желаю любимому журналу процветания».

Добрый друг журнала Евгения Ивановна Зуева - читатель «Симбирська» со стажем - процитировала стихи из нового, первого номера за 2019 год, сказала о том, что журнал помогает ей жить.

Музыкальную часть программы продолжила Елена Ушакова, преподаватель по классу гитары Областной детской школы искусств, автор и исполнитель песен на стихи поэтов-классиков и на стихи современных авторов.

За активное сотрудничество с журналом, за творческую и просветительскую деятельность многие авторы, партнеры, друзья «Симбирська» были награждены благодарственными письмами от издательского дома «Ульяновская правда» и от Ульяновской региональной организации Союза писателей России. ИД «Ульяновская правда» – учредитель журнала – подготовил для награждения подарки – тематические календари и блокноты с журнальной символикой, а также специальные награды трем авторам «Симбирська». Кроме того, писателю-фронтовику из Димитровграда Евгению Ларину подарили подписку на журнал.

От издательского дома были награждены благодарственными письмами В.М. Костягина, М.К. Смирнова, Э.О. Вервейн, Н. Коваленко, Н.П. Разумовская, историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова, областной музей народного творчества и многие другие.

Благодарность получили и известные ульяновские художники, авторы журнала А.Е. Егуткин и С.П. Слесарский, журналист Г.К. Печеркина. Грамоту от Союза писателей, подписку на журнал «Симбирськь» и специальную награду от ИД «Ульяновская правда» передали для талантливой девушки из Козоватово Татьяны Фёдоровичевой.

Руководитель ульяновской писательской организации Илья Александрович Таранов рассказал участникам вечера о творческих литературных планах и вручил благодарственные письма и подписку на «Симбирськь» писателям Александру Филатову, Николаю Марьянину, Ольге Шейпак, Александру Лайкову и другим.

Редакция журнала «Симбирськь» сердечно благодарит авторов и читателей за сотрудничество и сотворчество!

*Сюжет Улправда ТВ
о вечере журнала*

«Симбирськь» доступен по QR-коду.

ДИМИТРОВГРАД – ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД

Димитровградские писатели живут, творят, трудятся в родном городе. Выпускают книги и коллективные сборники. Много выступают в школах, библиотеках, в учреждениях культуры. Так, в содружестве с Димитровградским музыкальным колледжем проводят совместные литературно-музыкальные встречи. Проект называется «Поэтический город».

Журнал «Симбирск» на своих страницах в разделе «Черемшан» будет представлять талантливых димитровградских авторов.

Раиса Кашкирова.

Раиса КАШКИРОВА, поэт, руководитель Димитровградской писательской организации «Слово», член Союза писателей России.

ПАМЯТИ МОЕГО ДЕТСТВА

Задумчивым взглядом окинув былое,
навряд ли я сразу ответить смогу:
насколько была я когда-то другою?
Была ли другой?

А на том берегу,
где солнце играет соломенной чёлкой
и речка в глаза синеву пролила –
там детство моё, беззаботной девчонкой,
не помнит обид и не ведает зла.
Там юность грустит о любви безответной
тоской в миллион одиноких сердец.
На том берегу бесполезны советы...

Там мама смеётся и счастлив отец.
 Их добрые руки надёжно укроют
 от первых, по-детски серьёзных, потерь,
 и то, что, казалось, недорого стоит,
 бесценной реликвией станет теперь.
 Там дни бесконечны... Секунды считая,
 стрекочет кузнечик в степном ковчеге;
 бездумно гляжу в небеса и не знаю,
 какие пути ждут меня на Земле.
 Но время подводит скупые итоги,
 сплетая с грядущим прошедшего след.
 Биение сердца доверив немногим,
 судьбе никогда не отвечу я: «Нет!»
 Приму неизбежное. Действуя смело,
 смогу изменить то, что мне по плечу.
 Родные, друзья и любимое дело –
 святой авангард бесконечных «хочу!»
 Другая?.. Конечно, я стала иною,
 но память тот солнечный берег хранит.
 Я мост через воды времён не построю,
 и сердце, сквозь годы, тихонько щемит.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Сердцу материнскому отрада –
 Слышать бесконечный зов любви.
 Ты моя надежда и награда,
 Я приду – ты только позови.
 Только лишь окликни, мой сыночек,
 И щемящий сердце, чистый свет
 Путь к тебе укажет даже ночью,
 Если ты на нем оставил след.
 Сквозь преграды, забыв усталость,
 Я к тебе на помощь полечу,
 Чтоб зажечь оставшуюся малость –
 Сердца материнского свечу!

ЗИМА НЕ ХОЧЕТ УСТУПИТЬ ВЕСНЕ

Зима не хочет уступить весне –
 и половодье чувств в анабиозе,
 и краски на природном полотне
 подобны надоевшей, скучной прозе.
 Ещё вчера пушистый снегопад
 скрывал ветвей ажурное сплетенье –
 но вновь деревья голые стоят,
 а снег погряз в распутице весенней.
 Я жду небесной манны тёплых дней –
 как истинно голодный жаждет хлеба...
 О, жизнь! Позволь любить ещё сильнее –
 плесни лазури вешней в это небо!
 Лучами солнца нежно улыбнись
 и утони в рассветах золотистых...
 Позволь душе опять стремиться ввысь
 и петь весну – взволнованно и чисто!

* * *

Весна... До боли сладкая истома –
 во взрывах пульса жарко и весома
 любовь стучит.
 И больше невозможно по-другому...
 От близости твоей впадаю в кому –
 нелепый стыд.
 Оставлю глупый страх и – вихрем – выше,
 в ночи твоё дыхание я слышу,
 твой аромат
 и каплями весенними по крыше
 глотаю в оглушительном затишьи
 нежнейший яд.
 В неутолимой жажде смерти сладкой
 в её объятья брошусь без оглядки –
 на краткий миг,
 и разорвут сияющую бездну,
 когда я в ней на этот миг исчезну,
 мой стон и крик...

ВЕСНА

Всё позади: и стужа, и метель.
 Оттаявшей душе пора за дело!
 А на дворе упрямая капель
 последний лёд расталкивает смело.
 Весенний свет врывается в окно,
 пьянящий воздух
 дразнит и тревожит...
 Весна, рисуя яркое панно,
 уход зимы решительно итожит.
 И снова пробуждается земля
 и, наготы прекрасной не скрывая,
 стремится к жизни, как душа моя –
 к любви и счастью –
 без конца и края!

Я СЧАСТЛИВА, КАК БУДТО Я – ВЕСНА

Я по утрам весенний свет ловлю,
 а он летит – легко и невесома.
 Я этот мир отчаянно люблю,
 и на земле, и в космосе – я дома.
 Мне радость – чистым воздухом дышать,
 и свежим ветром допьяна напиться,
 и синеву небес в глаза впитать
 под звонкий голосок большой синицы!..
 Я счастлива, как будто я – весна,
 и в нежности безудержной готова
 бродить по тихим улицам без сна
 с палитрой теплых красок, снов и слова!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Гала Узрютова
Фото Александра Знака

Недавно в Москве назвали лауреатов литературной премии Bookscriptor, организованной одноименным издательством. Премия нацелена на поиск и продвижение молодых писателей. В 2018 году на премию поступило более двух тысяч заявок. Лауреатом в номинации «Новая реальность» (интеллектуальная проза) стала автор из Ульяновска Гала Узрютова со сборником рассказов «Снег, который я пропустил». Книгу выпустило в Москве издательство Bookscriptor. В скором времени книги авторов-победителей появятся в книжных магазинах страны. «Снег, который я пропустил» – вторая книга Галы Узрютовой. В 2015 году в московском издательстве «Русский Гулливер» у автора вышел сборник стихотворений «Обернулся, а там – лес».

От автора

Книга, которую я посвятила маме, представляет собой мифологию моей семьи, переплетенную с мифологией страны периода моего взросления. Иногда то, что происходит с тобой, твоей семьей, твоей страной, ты можешь осмыслить только через много лет. А если ты понимаешь, что многое пропустил, весь этот пропущенный снег тебе придется разгрести большой лопатой. Наша память работает так, что со временем мы превращаем все пережитые события в миф, нам кажется, что все было так, а не иначе. То же самое происходит и с восприятием истории страны, которая обрастает собственными представлениями человека о жизнеустройстве, о том, как было и как должно быть. К какой бы достоверности мы ни стремились, личное восприятие каждого все искажает. Только через большое расстояние от событий я смогла как-то разложить этот хаос на тексты и собрать в одну книгу. Она глубоко личная, многое основано на реальных событиях. Кстати, на обложке книги – старый ульяновский мост (фото Юлии Узрютовой).

РАВНИНА

Рассказ

Выйти замуж без благословения отца было просто. Достаточно не смотреть, как он один среди нарядных гостей стоит в рабочей спецовке с пятнами машинного масла. Достаточно не замечать, что он один не пошел после регистрации в ресторан, а уехал на работу в автосервис.

Выйти замуж без благословения отца было тяжело. Как тяжело сейчас встречать его, за семь лет сросшегося с севером, у нас в полях. Аэропорт подтянул свой стеклянный живот, подчеркивая ожидания встречи. Не знаю, значима ли она для отца, но я помыла голову. Казалось, после развода с матерью ему уже ничего не было важно. Судя по разросшейся бороде, он не брился все это время. Мне хотелось разглядеть лицо отца, но я боялась, что он заметит.

– Могла бы и машину помыть, – поздоровался отец.

Он закинул желтый пакет и рюкзак в багажник моего старого «Форда». Осторожно сел на переднее сиденье, как садятся в чужом доме.

– Не хочешь сам повести?

– Я зря тебя водить учил?

– Домой?

– Сначала заедем в одно место. Покажу, куда ехать.

Я старалась вести машину аккуратнее, чем обычно, но чувствовала, как отец нервничал, когда что-то было неправильно. Не включила поворотник. Не сбавила скорость. Руль надо держать крепче. Ты можешь держать руль крепче?

Говорил он в деревне, когда я училась водить, сидя на его коленях, и чуть не въехала в соседский забор. Это означало «Ты можешь жить крепче?» Молчание отца было родным. Должна ли я что-то говорить? Спросить, как дела? Рассказать, что произошло? Он все равно поймет, когда приедем домой. Узнать, прилетел ли он впервые за столько лет, чтобы увидеть меня и внучек или только чтобы продать свой здешний дом? Куда мы едем? Я тоже молчала и просто следовала его указаниям: направо, налево, прямо, развернись.

– Равнина – лучшее, что может с тобой быть, – вдруг сказал отец и опустил стекло. – Ничего не меняется, все идет как надо. Сколько мы едем – а вокруг всё ровно и ровно. В моей части Норвегии сплошные горы. А тут – ровно.

Голос отца стал ниже. Не замечала этого, когда мы изредка говорили по телефону. Ощущает ли человек, как меняется его голос, когда он стареет? Или внутри мы слышим себя всё такими же молодыми? А старым наш голос кажется остальным? Можем ли мы спасти наших отцов от старости, говоря с ними молодыми голосами?

Я несколько раз порывалась приехать в Норвегию, но отец говорил, что занят. Даже представляла, как мы едем по его северу, а вокруг – олени. Есть ли в Норвегии олени, или мне только кажется? Выходят ли они на дорогу или бегут от нее? Отличаются ли олени в моей голове от оленей отца? Живет ли он там один в дедовом норвежском доме или уже на-

шел какую-то женщину и поэтому не хочет, чтобы я приезжала и ела ее рыбу, пожаренную не так, как готовит моя мать?

Рыбачит ли там отец? Когда мне было лет пять, отец пришел с мешком волжской рыбы и собирался ее пожарить. Разбирая добычу, он заметил живого карася и позвал меня. Машка, беги сюда, карась хочет с тобой поздороваться! Мне стало его жалко. Мы налили в ванну воды и пустили рыбу туда. Назвала карася Митей. Нужно было идти на гимнастику, и я попросила маму сторожить нового друга. А когда вернулась, дома пахло жареной рыбой. Пахло Митей. Ужинать я отказалась и проплакала весь вечер, а родители повторяли, что Митя был бы рад, если бы я его съела. Что мир так устроен. Но я не думала, что мир вообще как-то устроен.

Сколько можно молчать? Почему он даже про внучек не спросит? Но ведь и я ничего не говорю.

– А куда мы все-таки едем? Долго еще?

– Километров двадцать.

Мы листали равнины с обеих сторон, а они чернели, желтели и зеленели. За нами тащился старый синий трактор, радуясь, что мы едем впереди и никто не плетется у него над душой. В детстве у меня была игра. Я вставала на колени на заднем сидении «Жигулей» и говорила родителям, кто за нами едет. За нами едет зеленый «Москвич», он хочет нас обогнать. Всегда волновалась, если кто-то хотел нас обогнать. Как будто нас нельзя было обогнать. За нами едет грузовик с сеном. За нами едет мотоцикл. За нами едет красная машина с лодкой на прицепе.

За нами едет старый синий трактор.

– Кажется, это не здесь. Разворачивайся.

Разворачиваюсь, и мы едем обратно. Вдали замечаю холм и радуюсь, что хоть он нарушает тишину. Но вблизи холм оказывается равниной. Просто деревья на ней вымахали высокие.

– Направо.

– Там же нет дороги.

– Направо. Метров сто и стоп.

Мы вышли из машины. Отец шагнул впереди, и я не стремилась его догонять. Наконец, он оглянулся.

– Помнишь? Ручеек.

Приблизившись, я узнала ручей, к которому мы подъезжали каждый раз, когда направлялись на Волгу. Он лежал в глубине равнины, и едва ли можно было догадаться о его существовании. Откуда он взялся? Зеленая вода, разбавленная травой, текла оттуда, откуда мы не знаем. Туда, куда мы не знаем. Отец всегда мыл машину у ручья, а мы с матерью сидели на траве и ждали, пока «Жигули» не станут идеально чистыми. Никогда не понимала, зачем он это делает. Почему надо мыть машину именно здесь? Даже если она чистая. Даже если мы торопились.

Я не заметила, как отец успел сходить к «Форду» и вернулся с красным ведром, которое вожу в багажнике. Он протянул его мне.

– Пора помыть машину.

– Она не грязная.

– Я испачкал штаны.
 – Она – нормальная!
 – Ты ведь просто упираешься? Ты же сама видишь, что она грязная!
 – Давай я сама буду решать, когда мне быть машину! Сколько лет ты указывал, что мне делать! Кого любить, кем работать! Можно я поживу сама? Мы не виделись столько лет, а ты приезжаешь и единственное, что можешь сказать мне – это «по-моей машину»? Даже не спросил о внучках, обо мне! А знаешь, как я? Я развелась! Да, да! Мне двадцать семь, и я уже в разводе! Ты ведь даже рад, что мой брак распался? Ты же не дал благословение! Конечно, ты ведь и на этот раз оказался прав! Тебе же так важно всегда быть правым! Ты даже не пошел на обед на моей свадьбе, а вернулся на работу к своим машинам! Машины для тебя всегда были важнее людей! Помой машину! Это всё, что тебе важно!

Отец швырнул ведро, и оно покатило в сторону ручья, застряв на ветке внизу. Поравнявшись с машиной, он достал из багажника рюкзак и направился к трассе. Попутку поймал быстро. На ровной дороге издали видно, кто едет, и ты заранее можешь приготовить аргументы, чтобы тебя подкинули. Отец сел в тот самый синий трактор. Громадина в одиночку торжествовала на дороге, пока не исчезла из виду.

Мне стало жаль ведра, болтавшегося на ветке. Мои дочери делали ими большие куличи из песка, когда мы выбирались на реку. Я попыталась достать ведро, но на спуске к ручью чернела слякоть, а портить новые кроссовки не хотелось. Валявшаяся рядом ветка, которой я старалась поддеть ведро, не помогла.

Я не знала, в какой стороне мой дом и где нахожусь. Столько лет живу здесь, но всегда езжу другими дорогами. Когда мы с мужем развелись, я перестала смотреть по сторонам. Перестала гладить. Бросала высохшие после стирки, морщинистые вещи на его кровать. Куча белья переросла спинку кровати и смешалась с пылью. Но я настойчиво живу свою мятую жизнь и не глажу даже блузки, платья дочерям гладит моя мать. Только неделю назад я взялась разбирать горы скомканных вещей, чтобы отцу было где спать, когда он приедет. Простыни отдельно, носки – в мешок, трусы – слева, детские вещи – справа.

Сев за руль, направилась туда, куда поехал трактор. Дорога шла молчаливая. Где сейчас отец, что делает? Становится холодно. Всё стоит, готовясь к ночи, – деревья, дорожные знаки, столбы – и только я двигаюсь в непонятном направлении. Наконец, выворачиваю на большую дорогу и прибавляю скорость. Подруга обещала побыть с детьми до семи. Нужно торопиться, попутно придумывая, почему

дочери не увидят деда, для которого уже приготовили свои рисунки за несколько лет.

Трактор я заметила издали. Вблизи он оказался синим. Остановила его.

– Я отвез его в аэропорт, – сказал тракторист.

В маленьком аэропорту отца найти было легко. Он сидел в зале ожидания и смотрел на взлетную полосу. Заметив меня, отец отвернулся, словно не видел, как я иду, как сажусь рядом. Зато я могла рассмотреть его лицо сбоку. Морщин совсем не прибавилось, но кожа стала как будто жестче.

– Ты думаешь, я не знаю, что ты год назад развелась? Не знаю, как тебе тяжело? Когда твоя мать позвонила и рассказала о твоём разводе, я только и думал о том, что ты пережила. А ты даже не сообщила. Я звонил, но тогда ты не хотела общаться. Решил приехать, – повернулся ко мне отец.

– Поехали домой. Внушек увидишь.

– Я уже билет поменял на сегодня. Других денег на обратную дорогу у меня нет.

Не могла поверить, что отец это сделал. Я мчалась домой и думала, приедет ли он когда-нибудь, позовет ли к себе. Если следующей встречи придется ждать еще много лет, дочери станут подростками, а отец совсем постареет. «Ты такая же упертая, как твой отец, поэтому у вас и не складывается», – всегда говорит мать.

От скорости и слякоти машина становилась все грязнее. Я подъехала к ручью, взяла тряпку с заднего сиденья и пошла к воде. Белые кроссовки быстро потемнели от грязи, но у меня получилось снять ведро с ветки. Наполнившись зеленой водой, оно стало темно-красным. Я терла старую машину, пытаюсь сделать ее молодой. Очистить от всего, что попадалось ей на пути. Сделать невидимой. Пытаюсь своими руками ощутить то, что находил здесь отец. И то, что мы давно потеряли. Понадобилось несколько ведер, чтобы отмыть все эти километры.

Открыв багажник, чтобы убрать ведро, я наткнулась на желтый отцовский пакет. Он забыл его? Пакет упал на бок, посыпались игрушки. Мишки и поезд, утки и кубики – выкатывались и замирали. Внутри было что-то еще. Я развернула мягкую бумагу и увидела двух маленьких кукол. Их улыбки предназначались моим дочерям. Представляю, как долго отец мастерил этих крошек, и как молода была их деревянная кожа в его постаревших шершавых руках.

Сложив игрушки в пакет, я сажусь за руль. Ехать на чистой машине без камуфляжа, который делал меня незаметной в этих полях, непривычно. Солнце ложится на равнину, и та отражается в красном цвете моего «Форда», стоящего на светофоре у поворота в аэропорт.

* * *

В 2018 году рассказ «Равнина» стал финалистом российско-итальянской премии «Радуга» и был опубликован в двуязычном альманахе премии. Переводчик Федерико Йокка из Рима получил российско-итальянскую премию «Радуга-2018» за перевод этого рассказа на итальянский язык. Также рассказ переведен на словенский язык и опубликован в журнале LUD Literatura (Словения).

**Алексей ВАРЛАМОВ, ректор Литературного института
им. Горького о рассказе Галы Узрютовой «Равнина»:**

«Я люблю горы больше, чем равнину. Может быть, потому что на равнине родился, вырос и живу, а в горах лишь иногда бываю. И я хорошо понимаю людей, которые эту разницу остро чувствуют. Галина Узрютова написала точно выверенный, не равнинный, а горный психологический рассказ о любви дочери и отца, пусть и действие его происходит на равнине. Этот сюжет, с одной стороны, вечный и классический, а с другой – как будто бы несколько подзабытый в нынешней литературе. Здесь нет ничего нарочито шокирующего, разоблачающего, провоцирующего. История, которая могла бы произойти в любое время в любом месте. Но она происходит в нынешней России. Она – наша, русская, и в то же время каждому человеку понятная. Главное достоинство этого текста в умении автора создать на нескольких страницах емкие, резко очерченные образы мужчины и женщины, которых связывают весьма прихотливые отношения. Это тот случай, когда не сказанного в тексте не меньше, чем высказанного, выраженного в слове. Но то, что остается за скобками, дополняет картину невыдуманной (даже если сюжет от начала до конца автором придуман), подлинной жизни. Так люди друг друга любят, но при этом не понимают, причиняют взаимную боль, мучают, расстаются, бросаются обвинениями, а потом страшно об этом жалеют, однако и поступить иначе не могут. Так мы устроены, когда живем не понарошку, а всерьез. Но другой реальности на равнине нет. Да и в горах тоже. Везде, где люди живут».

(Отзыв опубликован в альманахе
российско-итальянской литпремии «Радуга-2018»)

О ПРОЗЕ ГАЛЫ УЗРЮТОВОЙ

Татьяна НАУМОВА (филолог, telegram-канал «Книгочервивость»)

От потока сознания до отрывистой речи старика — сборник Узрютовой удивительно многоголосный, каждый рассказ — особенный, не похожий на другие и звучащий искренне. В книге человек сталкивается с самым страшным — с одиночеством — и преодолевает его с помощью каких-то нелепых вещей: муравьев, розового помпона, красного ведра, мяса, потому что все они — талисманы, надежно охраняющие любовь.

Наталья ЛОМЫКИНА (литературный критик, Psychologies)

Талант прозаика легко проверяется рассказом. Это в романе слабые места можно спрятать за сюжетом и объемом, а рассказ беспощаден. Получилась история или нет, нашлись ли верные слова, живые ли герои — ответы есть сразу. Гала Узрютова — писатель. «Снег, который я пропустил» — яркий и многообещающий дебют в прозе. Эпиграф «Посвящается отцу» определяет тему — у Галы получился цельный и сильный сборник о сложных, порой мучительных взаимоотношениях отцов и детей. В небольших рассказах-зарисовках Узрютова умудряется показать целую жизнь, и это ценнейшее качество писателя. Когда в дебютном сборнике молодого автора встречаешь рассказы, которые переворачивают душу, имя писателя стоит запомнить.

СОЛО

Евгения ИЗВАРИНА, г. Екатеринбург, член Союза писателей России. Родилась в г. Озерске Челябинской области. По профессии – библиограф, работает журналистом. Лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова (2010). Автор восьми поэтических книг. Стихи и рецензии публиковались в различных сборниках, антологиях и журналах.

«Стихи Евгении Извариной прежде всего загадочны... Поэт осуществляет свои отношения с бытием силой особой природы своего взгляда. Зрения. Зрение Е. Извариной – это не только визуальное восприятие. Зрение поэта – множественно, стереоскопично...» (Юрий Казарин)

К САМЫМ ГЛАЗАМ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

кликнешь – слетит, бирюзой пронзён
слёзы сключёт из писем

есть – непростительное во всём
что адресуем высям

нет непризнательного – окрест
выписки из больницы

воск, переплавленный в чистый блеск
искренного –
где птицы

* * *

не покриви
где сумерки раки
привыкли без известий
к палисандру полночи прибит
латунный крест созвездий

так истончится и пожухнет вдруг
сама в себе тревога
о плавниках у дерева без рук
о рыбах после бога

* * *

стены уходят дрожью
по сердцевине свай

больше не потревожу

век ничего не знай
дом о своём просторе

всех половинных доль
кровля уходит в море

море уходит в соль

* * *

проходил человек через девять кож
ни одна не вспомнила – где болит

чего ради – правда, тем паче ложь
если всё ещё – их обид
перед глазами мошкара
для слепых точечная печать

проходил человек в глубине двора
обещал молчать

* * *

Тело пыли,
имя боли,
то, что вымолвишь едва –
не подкашивало, что ли,
словно дикая трава,

втрое меньше понимая,
раны стянет ли края –
марлевая и льняная
нитка,
водка травяная,
бритвенная колея...

* * *

Синий тес, топорик ржавый...
Не о ставнях – ветер шальный,
птичьья трель – не о манке,

лишь ладонь – о том, пожалуй,
как течёт невдалеке
от её счастливых линий
тёмно-алая река,

как шиповник первый иней
принимает на шелка...

* * *

Ветер глины каравай
бело тронет или ало –
там, у берега, считай
никого и не бывало,

только ива тянет сеть,
только жизни вьётся вица,
чтобы плакать,
сны смотреть
и мудрей не становиться...

* * *

Ливни до января, Господь ли то на юру –
кто-то же с Ним играет в Его игру,
кто-то же мнит: понимаю твоя-моя;

ливни смерзаются в лёд – умереть стоймя,
в сквере ль предзимнем по-быстрому, в перекоз
вылепить крест из серебряной астмы роз...

* * *

...прибьётся, прядью непрокрашенной
тряхнёт, упрямица, –
подай на бедность, не допрашивай,
чем пробавляется
разрыв-траве родная на слово
переметнись-тоска –
как бы проскальзывает ласково
по сказке – присказка,

и вспомнишь всё, чего и не было –
да только вот оно:
уму завидно, сердцу ведомо,
слезам – замétано...

* * *

Чем тёмных тюльпанов плавильные печи,
чем улица роз, сквозняки на углах –
ни в чём эта повесть не легче, и встречи
душа в изменившихся ждёт зеркалах,

легенда обходит иные препоны,
зима подбирает иные слова,
и мост израстает в коренья и кроны,
и падают в дебри воды дерева...

* * *

майна-вира
ревнуй-не вини
вкруг да около – не кабала

кто не знал – это лучшие дни
что ни день, дождевая игла
тяжелеет, прерывист чертёж

через листья
в расход
на просвет

сны из милости
веришь – найдёшь

маки в августе
были – и нет

* * *

боли белый накал
в дрожь изжёван
воплё огня загулял
про прожжённым
дырам в календарях
от соломин

как игумен в дверях
воплё
огромен

* * *

самому себе мало
кромками играя

вечность – карее стекло
блажь – дойти до края

кровь по зеркалу пусти
полетать, как птица

память – поле перейти
весть – остановиться

* * *

кто с тобой поёт
тот себя спалит

роза не приживается
так стоит
в склянке воздуха, вышколена сухим
холодом

так – цветёт

мимо
будь он хорошим или плохим
кто тебе серебряный балдахин
из ресниц сплетёт

* * *

свят, свят
не объяснять же, для чего был взят
на небо сад камней – и больше ни один
из них не мог отбросить тени
что обозначила бы свет

мы стали теми
за кем по умолчаниям следим

* * *

...было и нет – под цвет табака, ореха
или мха, листья в карманах,
пожизненные прогулы,
голоса, голоса... На углу, над жаровней эха
осень отогревает запястья, скулы,
и, глядишь, – побрела дальше,
и обрезки воды жестяной – за спиной и в спину:
не оборачивайся, молчаливая, угадай же
голосам перекрёстное: «я тебя не покину»...

* * *

Rosa nostra, где ветер притих –
жизнь и только,
божественный промах,
улыбаясь в ночной объектив,
ты не помнишь, как сжёг тебя в кронах
зимний сад.
Как полынь и хурму,
в троеперстии носит земля нас –
ты не знаешь, зачем-почему.

...И не знай –
не затем подставлялась.

РЯБИНОВКА

Пролилась чекушка в осень,
сердце вспомнило игру
в потерял – нашел – забросил,
коли тучи ввечеру
ткнут из жемчуга и тины
быль и небыль заодно –
где без выбора рябины
дольше всех горит окно...

* * *

мелодия не разбирает нот
кивни
и поступи наоборот

одну иголку протяни швее
другую – зещемит еловый лёд
и звук тебя застанет в тишине

целуя
по крупнице соберёт

* * *

раскрытая книга, простёртая речь
теперь и всегда – голова твоя с плеч
казнимые гроздьи плывут по вину
все гости на свадьбе – кому на войну
разломит их фарт
как о камень ковригу

крыльцо после военкомата – ломбард
где кольца меняют на книгу

К САМЫМ ГЛАЗАМ

льнёт небосклона лоно
отбирая-даря

так
неопределённо
по губам октября
бродит улыбка лета
всяк для неё хорош

так
пятнышко света
раскроешь ладонь – найдёшь

Любовь ПАПЕТА, прозаик, журналист. Автор книг «Любить настоящее. Помнить прошлое», «Фонтан любви... Фонтан живой», «Всё в этом мире от любви», «В пыли веков таятся зерна истин», «Просто женщины» и др. Член Союза журналистов России. Работает редактором в Областной библиотеке для детей и юношества им. С.Т Аксакова.

ДОКТОР ПАТРИК

Из цикла «Светлые рассказы»

В автобусе было душно и тесно. Люди, ворча и толкаясь, старались протиснуться внутрь. Никому не хотелось стоять в ожидании следующего рейса под холодным морозящим дождиком.

Ларису с утра сильно тошнило. Она сначала не хотела ехать в институт, но вспомнила, что сегодня вторая из трёх больших лекций профессора Трубнякова. Пропустить её было нельзя! Проглотив несколько ложек сладкого чая, она схватила зонтик и выбежала из душного дома на свежий мокрый осенний ветерок. Вслед ей донёсся крик мамы: «Шалава! После полуночи не пушу!».

Хорошо хоть, что она садилась в автобус на конечной остановке пригородного и всегда могла занять место. Вот и сегодня она сидела, прижавшись к не совсем чистому стеклу виском, стараясь унять тошноту и не слышать ворчания крепкой тетки с двумя сумками. Та явно направлялась на барахолку торговать всякой мелочью. Там ей придётся весь день стоять, а вот тут, в автобусе, ехать стоя совсем не хотелось. И она всю дорогу донимала соседей сентенциями о нынешней молодёжи, наглых девках, усевшихся на места для инвалидов, плохих дорогах и очередном подорожании...

На остановке универа Лариса с трудом выбралась из автобуса и с некоторым злорадством успела заметить, что тетке не удалось занять её место – на него уселась мамаша с ребёнком.

– Интересно, что на этот случай припасено у неё для порицания такого неуважительного поведения мамаша? – подумала девушка.

На воздухе Ларисе стало легче. Она медленно пошла к учебному корпусу – до начала лекции времени было ещё достаточно. Зонтик раскрывать не стала – мелкие прохладные брызги нежно прилипали к пылающему лицу. Лариса слизывала сладкие капли с пухлых губ...

– Как он вчера целовал их... Как ласково прикасался тонкими пальцами и снова целовал, – думала девушка.

Вчера её губы были солёными. Она, плача, сказала Патрику, что беременна. Думала, он будет сердиться, но молодой человек так обрадовался, что все её страхи растворились в его любви и ласках.

* * *

Кухня в доме Свиридовых всегда считалась вотчиной Натальи Михайловны, но за месяц её болезни там по-хозяйски обосновался Павел Васильевич. К удивлению хозяйки, когда она вновь была готова взяться «за ухваты» (как пошутил муж), тут царили чистота и даже уют. Хотя удивление её было немного наигранным – у благоверного во всех его гаражах, мастерских, кабинетах и прочих подшефных помещениях порядок был армейский.

Павел Васильевич предупредительно придержал стул, усаживая супругу на её любимое место за столом:

– Я обещал тебе сюрприз, – его усы немного подрагивали, скрывая улыбку, – так вот он.

В небольшой вазе на середине кухонного стола смущённо розовела нежная ветка сирени...

Наталья Михайловна вскрикнула от восторга. Она знала о давней мечте мужа вырастить сирень в их оранжерее и чтоб та зацвела к 8 Марта. А получилось даже раньше – ещё ведь только февраль.

Завтракали они, почти не разговаривая, не в силах отвести глаз от сирени.

Павел Васильевич гордился собой, а она была счастлива тем, что ему это удалось.

– Да, забыл тебе сказать, – муж заботливо подвинул Наталье салатник. – Звонила Лидочка, сказала, что в девятнадцать часов тебя навестит новый доктор. Он знакомится с жителями и делает плановый обход.

Женщина наколола на вилку горошину из салата, покатала её на языке, обдумывая услышанное. Ещё когда медсестра почти месяц назад с таинственным придыханием сообщила, что новый доктор «темнокожий», у Натальи Михайловны шевельнулось какое-то далёкое воспоминание. Что-то такое почти забытое, из юности. Но тогда она ещё была слишком слаба, чтобы проанализировать эту новость.

Поблагодарив мужа за чудесный, почти романтический обед (а чем не романтика – цветущая ветка сирени в феврале), женщина задумчиво поднялась в кабинет. Усевшись в любимое кресло и включив соскучившийся по ней ноутбук, журналистка

потёрла виски кончиками пальцев. Нет, голова у неё не болела, она себя хорошо чувствовала, но начали просыпаться воспоминания.

Так случалось, когда ей необходимо было найти что-то в «кладовой памяти». Подруга Натальи по перу Татьяна говорила, что в голове писателя хранится такое количество информации, что обычному человеку и не снилось. Писатель же извлекает нужные сведения именно тогда, когда это более всего необходимо.

Вот и сейчас почему-то вспомнился день, когда она впервые принесла месячную дочку на профилактический осмотр в детскую поликлинику. Они были вместе с сестрой. Та тоже привела свою годовалую дочурку к врачу. На выходе они встретили одноклассницу сестры Ларису. Двухлетний малыш крепко держал за руку маму и радостно улыбался незнакомым тётям, подняв к ним очень смуглое личико. Наталья отметила про себя, что малыш стильно и дорого одет, как, впрочем, и его мама. По тем временам достать такие вещи было нелегко и недёшево.

По дороге домой сестра рассказала, что её одноклассница Лариса живёт с иностранным студентом из Африки. Их много было тогда в советских вузах. Когда малыш родился, мать Ларисы, опасаясь позора, отказалась принять внука и запретила дочери появляться дома.

– Как же звали малыша? – Наталья мучительно пыталась вспомнить. – О чём они тогда говорили?.. Так что-то обычное: как дела, кого из одноклассников видела...

– Вот!

Прощаясь, Лариса наклонилась к сыну: «Патрик, скажи всем: до свидания!». Малыш, улыбаясь, помахал им смуглой ручкой с нежно-розовой ладошкой.

Экран ноутбука погас – не дождавшись, когда хозяйка начнёт что-то печатать, видимо, решил вздремнуть. Наталья встрепенулась: неужели это тот самый Патрик? Уже вырос и стал врачом, как мать и отец? И почему он оказался в их посёлке?

Из зала послышался мелодичный звон – на камине стояли очень старые часы, некогда подаренные сослуживцами Павлу Васильевичу. Они до сих пор отмеряли время в их доме. Наталья Михайловна попыталась сосредоточиться – сколько же времени? Но не успела сосчитать. И тут же раздался звонок в калитку. На ноутбуке было 19.01. Пришёл доктор. Надо было идти знакомиться и рассказывать о здоровье.

А что рассказывать? Чувствовала она себя уже хорошо, хотя и пролежала почти месяц. Благодаря нежной заботе мужа и поддержке дочери, которая прилетала на неделю с внуками, душевное равновесие вернулось быстро. Оставалась только слабость после большой потери крови, которую она отдала девочке, в тот момент нуждавшейся в этом.

С лестницы донеслись мужские голоса – мужа и другой, незнакомый. Наталья Михайловна вышла из кабинета в зал, куда уже входили мужчины.

Первым шёл доктор – высокий, плечистый. Он принял протянутую руку Натальи Михайловны в обе свои – как будто обернул её во что-то мягкое и уютное. Женщина сразу почувствовала, что волне-

ние отступает, и открыто взглянула в глаза доктору. Он, и правда, был очень... смуглым. Нет, не темнокожим, какими бывают негры, а просто непривычно смуглым, темнее, чем просто загорелым. Но черты лица европейские, даже почти славянские – отметила машинально, по профессиональной привычке, журналистка.

Гость сел на придвинутый Павлом Васильевичем стул, не отрывая взгляда от лица пациентки:

– Вы, я вижу, не удивлены? Да, понимаю, это работа Лидочки. Уже весь посёлок в курсе, какой у вас необычный доктор, – он улыбался.

– Но уверяю Вас, я такой же, как все вы. Я говорю без акцента, никогда не был на родине своего отца и почти не помню его. Поэтому привыкайте скорее, и займёмся Вашим здоровьем.

Наталья Михайловна почувствовала, что неловкость первых минут общения отступила. Доктор очень располагал к себе. С ним было легко общаться.

– У меня всё в порядке. Я уже здорова, разве только давление к вечеру поднимается.

– Да, я прочитал историю Вашей болезни. Это хорошо, что всё так закончилось. В Вашем возрасте могли быть серьёзные осложнения.

Наталья не любила, когда ей напоминали о возрасте. Она дорожила каждым прожитым годом, и никогда не хотела что-то переписать в своей жизни, но женщина в ней протестовала против реальной цифры.

– Зовите меня доктор Патрик. Мне так привычнее, – сказал гость. – Давайте сегодня не будем на дому устраивать осмотра. Я пришёл только познакомиться. Приглашаю Вас завтра в больницу в удобное для Вас время, там и сделаем все необходимые процедуры и анализы.

Когда доктор, простившись, уже выходил из комнаты, Наталья окликнула его:

– Извините, а Вашу маму зовут Лариса? – она и сама не поняла, как этот вопрос сорвался с её губ.

Патрик остановился. Глаза его стали грустными:

– Откуда Вы знаете?

Смутившись своей бестактностью, Наталья всё же ответила:

– Мы с Вашей мамой учились в одной школе, только она на три года раньше.

Вдруг гость сделал шаг обратно в комнату:

– Знаете, я читал Ваши рассказы. Если всё, что Вы пишете, это судьбы реальных людей, то я хотел бы рассказать Вам о судьбе моей мамы и о своей, конечно... Если Вы найдёте время и силы выслушать меня.

Щёки журналистки вспыхнули – такая удача выпадает нечасто. Она собирала материалы для своих Светлых рассказов по крупинкам, по зёрнышкам, иногда почти выпытывая у людей такие подробности, о которых не знали даже близкие. Много приходилось домысливать. Правда, ей помогал большой жизненный опыт и врождённый такт. Как однажды сказал ей папа: ты же писатель, ты имеешь право на художественный вымысел, на свою собственную версию...

И вот теперь этот необычный человек собирается посвятить её в тайну своего происхождения и, возможно, в подробности житейской драмы или даже трагедии...

Когда Павел Васильевич, проводив гостя, вернулся к жене, та сидела перед ноутбуком и что-то лихорадочно искала на сайте своей школы.

* * *

Только в самом начале беременности Лариса чувствовала себя плохо, особенно по утрам. А со второго месяца она расцвела, похорошела, глаза засияли такой нестерпимой синевою, что Патрик брал её лицо в свои нежные руки и осторожно целовал сначала в левый глаз, затем в правый, а уж только потом в губы – долго и страстно...

Они были молоды, счастливы. Оба учились на врачей и мечтали приносить людям радость, излечивая от болезней. Только иногда Лариса думала о том, что счастье её будет недолгим. Вот закончит Патрик университет и уедет к себе в далёкую Африку. Но впереди ещё три или четыре года. За это время родится ребёнок, многое может перемениться.

Матери Ларисы кто-то из доброжелателей доложил, что видели её с темнокожим парнем. Сначала она не придавала этому значения – учатся вместе, мало ли... Но когда поняла, что дочь в положении, устроила настоящий допрос: кто он? будешь рожать? а как учиться? делай аборт!

Скрывать ничего Лариса не стала. Рассказала, что Патрик тоже учится на медицинском, он из Африки, очень умный и порядочный. Аборт она делать не собирается – Патрик её очень любит и хочет ребёнка. Жениться на ней не может, у них это запрещено. Да Лариса и не настаивала, она была счастлива и без свидетельства о браке.

Мать аж задохнулась от возмущения: ребёнок будет черным? И тут же заорала:

– Ноги твоей чтоб не было в моём доме с ним и с отпрыском! Что мне соседи скажут: нагуляла твоя дочка черного ребенка? А на работе как я объяснять буду?

Мать работала главным бухгалтером на большом предприятии и очень гордилась своим положением. А дочка всё время мешала ей – то в карьере, то в отношениях с мужчинами... Лариса с раннего детства чувствовала себя нелюбимым ребёнком. Отец ушел, когда девочке было два года. Мать тяжело это переживала, считала, что дочка виновата – муж не выдержал испытания семейными буднями. Он был человек красивый, артистичный – пел в заводской самодеятельности. Вокруг него всегда было много женщин, а тут такой довесок – дочка...

Мать через некоторое время переболела предательством мужа и снова стала встречаться с мужчинами, но все они были «приходящими». Связывать себя с женщиной с ребёнком никто не хотел. И снова мать была уверена, что виновата в этом дочь...

Глотая слёзы, Лариса собрала кое-какие свои вещи, связала несколько стопок книг – за ними приедет на такси потом. И ушла в ночь. Ей повезло. Сосед дядя Федя ехал на своём москвичонке в город, согласился подвезти её до общежития.

* * *

Февральское утро разбудило Наталью первым солнечным лучом, пробившимся сквозь морозные узоры на балконном окне. С тихим шорохом падал скрипучий снежок. Она босиком подошла к окну. За

морозными узорами ничего не было видно – только отражение солнечных лучиков в каждой резной снежинке, спустившейся ночью на их двор и на весь посёлок.

Из кухни пахло свежесваренным кофе. Это Павел Васильевич колдует. Надо скорее нырнуть обратно, тогда он принесёт ей ароматный кофе в постель. Но, залюбовавшись сиянием за окном, она не успела – муж услышал её шаги:

– Уже встала? Завтрак готов. Ты помнишь, что нам сегодня на приём к доктору Патрику?

Женщина с трудом оторвалась от созерцания красоты за окном. Ей очень не хотелось отдавать себя в руки эскулапов, даже таких симпатичных. Она всю свою жизнь избегала врачей. Правда, и со здоровьем у неё практически всё было в порядке – никакой хроники, никаких серьёзных травм. Она могла по пальцам пересчитать сколько раз бывала на больничном. Женщина благодарила за это своих родителей, передавших ей такое драгоценное наследие – здоровье. И свой характер: никогда не завидовала, никогда не желала зла окружающим, никогда не жадничала, никогда ничего не просила. Всегда благодарила судьбу за радость существования и людей за радость общения. Каждый день встречала с улыбкой и провожала с тихой грустью: вот и ещё один чудесный миг прошёл...

В приёмном покое местной больнички было всего двое пациентов. Как рассказывала медсестра Лидочка, доктор завёл строгие порядки. Принимал только по времени. Весь день у него был расписан по минутам. Сначала пациентам это не очень нравилось. Некоторые, особенно пожилые женщины, приходили сюда как в своеобразный клуб – поговорить, обсудить симптомы настоящих и выдуманных болезней, поделиться рецептами настоек на мухоморах и золотом усе, рассказать вещей со...

Потом все поняли, что доктор бережёт не только своё, но и их время. Он был замечательным диагностом. Мог из множества жалоб на боли в пояснице, зуде под лопаткой и рези в глазах выудить наводящими вопросами реальную картину заболевания. И буквально за пару месяцев обитатели посёлка научились доверять новому доктору, как будто он работал тут несколько лет.

Наталья Михайловна с помощью всё той же Лидочки совершила все необходимые процедуры: кардиограмму, анализы, измерение давления, а потом предстала пред очи доктора Патрика. Он внимательно просмотрел график её сердца, удовлетворённо фыркнул:

– Замечательно! Я не ожидал, что у Вас такая положительная динамика по сравнению с предыдущей кардиограммой.

Перевернув несколько страничек её медицинской карты, он внимательно посмотрел женщине в глаза:

– Вы готовы выслушать мою исповедь?

Журналистка немного опешила от такой настойчивости, но поразмыслив несколько секунд, предложила:

– Давайте встретимся у нас дома. Когда Вы закончите приём, приходите. За чашкой ароматного горячего чая и разговор будет тёплым.

Доктор задумчиво подергал себя за мочку ле-

вого уха. Наталья Михайловна заметила у него эту привычку ещё в день знакомства. Она ждала ответа.

– Хорошо. Только не сразу после приёма в больнице. Мне ещё надо зайти домой, проведать бабушку и сделать ей укол. Я ведь и переехал сюда только из-за бабушки. После второго инфаркта за ней нужно постоянно присматривать. Хотя она молодец – уже ходит и самостоятельно себя обслуживает. Даже пытается готовить мне завтраки...

* * *

Для Ларисы и родившегося в самом начале мая сына Патрик снял однокомнатную квартиру недалеко от университета. Так женщине удобно будет бегать на экзамены. И хотя некоторые Лариса успела сдать до того, как на свет появился Патрик-младший, у неё ещё оставались, как тогда говорили, «хвосты».

Маленькая необычная семья была счастлива. Лариса чувствовала, что любима. Патрик всё свободное время проводил с нею и сыном. Лишь в июле съездил на пару дней в Москву. Привёз несколько чемоданов с одеждой для неё и сынишки. Всё это он приобрёл в «Берёзке» – была в те времена сеть магазинов с таким названием, где за валюту можно было купить совершенно немислимые в Союзе вещи. Привёз даже невиданное – подгузники.

Всё было просто замечательно. О том, что через три года Патрик закончит аспирантуру и уедет на родину, Лариса старалась не думать. Он никогда не обещал забрать её и сына с собой. Поэтому, пряча подальше тревогу, женщина улыбалась и старалась сделать для любимого и сына всё, что было в её силах.

А ещё она очень скучала по маме. Всё-таки это самый близкий ей человек. И хоть Лариса не была балованным ребёнком, мама оставалась мамой.

Патрику исполнился год. Он рос замечательно красивым мальчиком. Лариса решила, что за полтора года, что прошли со дня её ухода из дома, мать могла изменить своё отношение и к ней, и к её любимым мужчинам. По крайней мере, она надеялась на это. От знакомых она знала, как живётся матери. У неё был новый мужчина. Говорили, что она помолодела, похорошела, а возможно и подобрела...

И Лариса решилась. Накупила подарков, сладостей. Мама была лакомкой. Заказала такси и в воскресенье поехала в родной дом.

* * *

Торт, который принёс доктор Патрик, был замечательно вкусным. Наталья Михайловна подозревала, что он заранее готовился к визиту и заказал такой деликатес в городе.

Втроём они расположились на утеплённой террасе и уже почти час пили чай. Разговаривали, в основном, мужчины. Оказалось, что оба они страстные рыболовы. Павел Васильевич рассказал, как ездил на рыбалку в Норвегию. Доктор только мечтал об этом. Он подробно расспрашивал о снастях, погодных условиях, блюдах из рыбы. Сознался, что неплохо готовит.

Журналистка слушала. Для неё было важно всё: голос, жесты, интонации... Она пыталась постичь характер сидящего перед ней человека. Нет, конеч-

но, не мужа – о нём она знала всё... или почти всё. А вот гость интриговал. Порой казалось, что он открыт полностью – никаких секретов за душой, весь как на ладони. А через минуту сощурились глаза, спрятались за густыми ресницами, на губах ироническая улыбка...

– Да, крепкий орешек этот доктор Патрик, – думала Наталья Михайловна.

Павел Васильевич вдруг спросил:

– А когда Вы увлеклись ловлей рыбы?

Словно очнувшись, Патрик посмотрел на хозяйку:

– Знаете, мальчишкой, меня, как вы понимаете, дразнили невероятно. Хорошо, что я рос спортивным – неплохо дрался и ещё лучше бегал. Вот и решал свои проблемы одним из этих способов. Другой у меня было немного, всего двое. Так вот отец одного из них и пристрастил нас к рыбалке. Но это длинная история, я расскажу её как-нибудь потом.

Павел Васильевич понял, что его время закончилось. Он встал:

– Я вас пока оставляю. Надо кое-что сделать во дворе – погода портится. – Извинившись, он вышел.

Наталья Михайловна уже была готова слушать. Характер сидящего перед ней человека почти раскрылся ей. Осталось проникнуть ему в душу, понять, что так гнетёт этого красивого и успешного мужчину.

* * *

Судя по тому, что калитка была не заперта, мама дома. Женщина, держа сына за руку, осторожно вела его по крутым ступенькам. В другой её руке были пакеты с гостинцами. Но дойти до крыльца они не успели. Дверь на веранду распахнулась. В проёме стояла мать, уперев руки в бока.

Лариса остановилась, потянув назад сынишку, сделавшего уже следующий шаг вперед. Лица матери она не видела – солнце било в глаза.

– Я же тебя предупреждала, что на порог не пушу с этим отродьем! – голос был резким и грубым.

У Ларисы подкосились колени. Боясь споткнуться на крутых ступеньках и уронить сына, она поставила пакеты с подарками на грядку с цветами. Подняв сына на руки, она молча стала спускаться к калитке. А мать прошипела ей вслед:

– Убирайся поскорее, пока мой муж не вернулся. Ещё не хватало объяснять ему, кто ты и кто этот...

Лариса не дослушала. Ей повезло – водитель такси, который привез её с малышом, ещё не успел уехать – он надеялся подхватить кого-нибудь в обратный путь.

Прижимая к себе уснувшего сынишку, женщина думала: весь Союз роняет сентиментальные слёзы, когда в цирке представители народностей огромной страны поют колыбельную на своём языке чернокожему ребёнку. А в реальной жизни полюбить человека с другим цветом кожи и родить от него такого чудесного сына по-прежнему считается зазорным... Вдыхая такой родной запах дитяти, она решила, что будет любить своего ребёнка самозабвенно. Она отдаст ему всю ту материнскую любовь, которую сама не получила в детстве и о которой мечтает до сих пор. Она вырастит сына хорошим

человеком. Может быть, тогда её мать раскается в своём поступке...

* * *

Часы на камине пробили полночь. Доктор Патрик встрепетал:

– Мне пора. А я не рассказал Вам даже половины. Надеюсь, я не утомил? Позвольте пульс.

Наталья Михайловна сначала отёрнула руку (пульс действительно частил), но потом разрешила доктору выслушать его.

– Немедленно таблетку и в постель. Я сообщу Вам, когда смогу продолжить свой рассказ. И если Вы будете готовы слушать дальше, мы встретимся.

Встретились они только через несколько недель. Приехала дочка с младшим внуком Павликом. И радость общения с близкими на некоторое время отодвинула на второй план переживания, связанные с судьбой доктора и его матери.

Наталья Михайловна готовила для Павлуши вкусные блинчики, а для дочки Светланы – диетические салатики. Павел Васильевич с внуком кидались снежками и лепили снеговиков из недавно выпавшего снега. Мама с дочкой делились женскими секретами и не могли наговориться. Наталью Михайловну огорчало лишь то, что не приехала старшая внучка Наташенька. И хоть она была им не родная (Наташа – дочка супруга Светланы от первого брака), Свиридовы любили её всем сердцем.

* * *

Гроза налетела стремительно. Лариса с сыном успели добежать до своего подъезда. Они даже не промокли. Женщина переодела и умыла сына – из детского садика она всегда приводила не ребенка, а маленького замарашку. Патрик рос любознательным. Ему надо было исследовать мир вокруг себя, познакомиться со всеми букашками-лягушками, заглянуть в норки и под листочки... Иногда это заканчивалось укусами пчёл или ссадинами и царапинами. Она усадила сына за детский столик, дала ему альбом и фломастеры – мальчик любил рисовать, а сама ушла на кухню готовить ужин.

За окном слабо шелестел затихающий дождь, навевая грусть. Лариса привычными движениями нарезала овощи, помешивала варево в кастрюльке, споласкивала тарелки и вилки, а у самой из глаз капали слёзы. Патрик-старший уехал навсегда.

Нет, женщина не боялась трудностей. Она уже была самостоятельным человеком. Работала врачом в детской поликлинике. Квартиру Патрик им с сыном купил. Небольшую, но на улице они не остались. А вот такой любви у неё уже больше не будет никогда. Она чувствовала, что и её любимому очень трудно было с ними расставаться. Сына он любил по-настоящему. Даже работая сутками в больницах, где практиковался, Патрик умудрялся поиграть с ним в редкие минуты, когда малыш не спал или не был в садике.

Мальчику недавно исполнилось три года, он уже всё понимает. Как ему объяснить, что папа исчез из их жизни? Пока Лариса говорила ему, что отец уехал в другой город на работу и скоро заберёт их к себе. А что потом?... Ей очень не хватало близкого человека, который мог бы поддержать её в та-

кие трудные времена, хотя бы морально. Она снова вспомнила о матери. Может быть, за эти годы что-то изменилось в её отношении к жизни и к ним: её дочери и к внуку?

Недавно Ларисе повстречался в городе сосед дядя Федя. Он рассказал, что мать снова одна – мужчина, с которым она сошлась несколько лет назад, умер. Жалея Ларису, сосед добавил смущаясь:

– Мать у тебя сущая мегера. После смерти мужа она стала ещё... злее, что ли... Не советую тебе ехать к ней. Не примет и не простит.

Не простит? Лариса не понимала, за что должна простить её мать. За такого чудесного сына? За то счастье, которое было у неё? Она ведь не в 15 лет родила, как её одноклассница Ленка... Сама-то мама не отличалась пуританским поведением. Мужчины к ней ходили даже женатые. Это, на взгляд Ларисы, было похуже, чем родить без штампа в паспорте...

* * *

Вскоре после 8 Марта доктор Патрик появился с веткой мимозы и Белёвской пастилой.

– Грешен, люблю сладкое, – с порога, протягивая хозяйке цветы, сказал он. – Отец привозил нам с мамой такое лакомство из Москвы когда-то. А теперь мне присылает мой однокашник. Он там в Боткинской обосновался.

Павел Васильевич ушел ставить чайник и готовить угощение, а гость и хозяйка, уже как старые друзья, уселись под торшером в удобные кресла.

– Я так и не поняла, как Вы оказались в доме своей бабушки? – спросила журналистка.

Она уже знала, что доктор поселился не в служебной квартире при больнице, а в доме своей бабушки.

– А вот об этом я сейчас и расскажу, – молодой человек взял из рук хозяина чашку и потянулся к тарелочке с пастилой. – Не поверите, третий день сдерживаю себя, чтобы не открыть коробочку. Сначала хотел сам всё слопать, но решил и вас порадовать. Очень люблю это лакомство.

Наталья Михайловна переглянулась с мужем, тот, улыбнувшись, вышел. Он без слов понял, что хотела сказать ему благоверная. Вскоре он принёс почти такую же коробочку с пастилой. Только у доктора – яблочная с брусникой, а в этой была яблочная с малиной. Все дружно рассмеялись: не такая уж и глушь наш пригородный посёлок.

Насладившись чаем с пастилой и пирогами с яблоками, которые испекла Наталья Михайловна, гость и хозяйка уединились в кабинете.

– Школу я закончил хорошо, хоть и приходилось всё время отстаивать своё человеческое достоинство – мальчишки дразнили и пытались унижить постоянно. Вероятно, ещё из-за того, что девочки как раз наоборот – влюблялись и писали любовные записки, начиная с пятого класса.

– Ещё бы! – подумала про себя журналистка. – Такой красавчик!

– На медицинский поступил легко, хоть конкурс был сумасшедший. И учился с удовольствием. Мама помогала во всём. К этому времени она уже работала в облздравотделе. Вот там она и познакомилась с будущим мужем. Сначала она скрывала от меня, что встречается с мужчиной, но я быстро всё понял. Не

стал на пути её счастья. Они вскоре расписались, и мама переехала к мужу. Я остался в квартире один, но не заскучал. Учёба захватила меня полностью.

Доктор снова потянулся к тарелочке со сладостями, но убрал руку: на сегодня достаточно. И продолжил свой рассказ.

Он был уже на последнем курсе и проходил практику в больнице. Как-то во время его дежурства, рано утром привезли пожилую пациентку с подозрением на инфаркт. Патрик, оформляя её документы, обратил внимание на фамилию – она была такой же, как и у него, – Сохацкая. Фамилия такая встречается не часто. Он призадумался: мама как-то рассказывала ему, что у них есть бабушка, но она не хочет их знать. Патрик был уже достаточно взрослым, чтобы понять, по какой причине. И больше не стал спрашивать маму. Он видел, что ей это больно.

И вот теперь он измерял давление пожилой женщине, нуждающейся в его внимании и надеющейся на то, что он облегчит её страдания.

Стараниями Патрика Марию Петровну положили в палату, где было всего три койки. Он сам взялся ухаживать за ней. Несколько дней пациентка была в тяжёлом состоянии. Молодой человек не отходил от неё три ночи. Он уже знал, что это действительно его бабушка.

Когда опасность миновала, Патрик продолжил навещать пациентку, не забывая прятать в карман бейджик со своей фамилией.

У Марии Петровны оказался довольно-таки склочный характер. Она донимала нянечек и медсестёр, жаловалась на них врачам, отказывалась от невкусной больничной еды. Патрик стал приносить ей фрукты, творог, соки. Сначала, ещё будучи слабой, она не обращала внимания на то, откуда это берётся. А потом, окрепнув, вдруг спросила у него однажды: откуда всё это?

Молодой доктор не стал отпираться и сознался, что это он подкармливает пациентку. И объяснил это тем, что к ней ни разу никто не пришёл за всё время болезни.

Мария Петровна поначалу настороженно относилась к необычному доктору, но увидев, что он внимательный, тактичный и к тому же грамотный врач, подобрела. Патрик иногда засиживался у неё после дежурств. Читал ей небольшие смешные рассказы Чехова или О'Генри (он сам очень любил этих писателей). Мария Петровна принимала его заботу о ней как должное. Патрик придумал, что студентам-выпускникам дают индивидуальное поручение – ухаживать за тяжёлыми больными, а потом оценивают их работу. Пожилая женщина поверила. Но всё чаще – по мере выздоровления своей подо-

печной - Патрик стал замечать в её глазах вопрос и иногда тоску.

Мария Петровна выздоровела. Патрик сам отвёз её на старенькой «копейке» домой. Простились они друзьями. Молодой человек обещал навещать свою бывшую пациентку.

Патрик уже был на пороге, когда хозяйка задержала его вопросом:

– Мать-то твоя где?

Юноша остановился, немного удивлённый. На лице пожилой женщины отразилась целая палитра чувств – от боли до раскаяния и радости.

Врач испугался, что такое волнение будет не под силу только что перенёсшей инфаркт женщине. Но она справилась с волнением. Не дожидаясь его ответа, медленно и величественно произнесла:

– Пусть приезжает. Я простила её.

* * *

Снова, как и в прошлый раз, часы пробили полночь. Доктор Патрик засобирился домой.

– У меня есть одна большая мечта – помирить двух женщин – мать и дочь. Мама, когда я рассказал ей всю эту историю, не захотела ехать к бабушке, как я её ни уговаривал...

* * *

В самом начале апреля Павел Васильевич сильно простудился. Он снимал зимнее покрытие со своего прудика, промочил ноги, а идти в дом переобуться не захотел – осталось совсем немного работы. Вот и подхватил бронхит. Доктор Патрик навещал его несколько раз дома, но он всегда торопился к другим больным, и поговорить по душам у них с журналисткой пока больше не получалось.

Крепкий организм и, конечно, забота любимой жены сделали своё дело – Павел Васильевич быстро поправлялся. Доктор велел ему прийти на приём в больницу – сделать кардиограмму, сдать анализы. Да и прогулка по весеннему посёлку пойдёт выздоравливающему на пользу.

Супруги подходили к больнице, когда на крыльцо вышли две женщины, а за ними доктор Патрик. В одной из них журналистка узнала бабушку доктора – она жила в старой части посёлка. Другая была примерно ровесницей Наталье. Она помогла старушке спуститься с крыльца и усадила её в стоящий у больницы «Нисан».

Доктор Патрик, не замечая приближающихся Наталью Михайловну с мужем, широко улыбаясь, смотрел на обеих женщин. В глазах его плескалось счастье.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Анна Кольцова

Кристина РОМАНЧЕВА

ЭТА КНИГА – ДЛЯ МЕЧТАТЕЛЕЙ

Вышла книга Анны Кольцовой «Здравствуй, это я»

В один из воскресных дней в уютной кофейне Del'Parco прошла презентация книги «Здравствуй, это я». Её автор – молодая поэтесса Анна Кольцова. Живая и неформальная обстановка, редкая для подобного мероприятия, объединила совершенно разных, равнодушных к поэзии и творчеству молодого автора людей.

Анна рассказала о том, как создавалась её новая книга. Стихи писались в переломный момент жизни, когда кардинально менялось мировосприятие. У книги нет единой концепции – там и философская лирика, и стихи о счастье, и юмористическое, современное, походное... «Настолько разные образы проявлялись! Поэтому я назвала книгу «Здравствуй, это я». Думаю, что теперь каждый, кто откроет мою книгу, сможет сказать себе эти слова», – говорит Анна.

Книга содержит в себе 86 стихотворений многогранного автора: «любовь и предательство, духовные поиски и спортивный азарт, обаяние женственности и детский задор – все эти противоположности расцветают на страницах книги». Что интересно – иллюстратором является сама Анна, а компьютерный дизайн разрабатывал её муж Дмитрий.

Презентация имела необычный формат. Предполагалось участие гостей-друзей в свободной театрализации. «Моей идеей было создание капустника, в котором поучаствуют совершенно разные люди. Я набросала примерный сценарий и предоставила участникам свободу выбора – какие прочитать стихи,

как обыграть образ», – поделилась поэтесса Анна Кольцова.

В образе главной героини Анна рассказала о себе – о трудных временах молодого журналиста и поэтессы, об увлечении туристическими походами, о любви. Всё это сопровождалось чтением стихов из новой книги.

В организации постановки ей помогали также друзья и родные: студентка факультета культуры и искусства УлГУ Софья Преснякова сыграла роль талантливой журналистки в творческом кризисе. Мама Ирина Кулешова выступила в образе дамы, которая ищет в современной литературе лёгкости и юмора. Бабушка Лариса Шнайдер была самой собой. Любящей, эпатажной, весёлой. Муж Дмитрий Кольцов изображал романтического походника. Анна же была девушкой, которую походы изменили в лучшую сторону. А закончилось всё перформансом подруги – эксцентричной молодой писательницы Виктории Румянцевой.

В этот творческий вечер поздравить молодую поэтессу пришли и коллеги по перу: председатель Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов Лилит Козлова, Виктория Румянцева (псевдоним – Элла Жежелла), Ольга Вольнова, участники городского клуба поэтов: Ирина Ротова, Лариса Кочурова, Александр Потехин и другие.

Не обошлось и без музыкального поздравления: Сергей Костин и Анастасия Белозерская исполнили песню «Осеннее» на стихи Анны.

«Это книга – для мечтателей / Для таких, как я сама... / Тех, кто жаждет обязательно / Вдохновенья для ума...» (Анна Кольцова).

Фото Екатерины Чичайкиной

Наша справка:

Анна Кольцова родилась 21 мая 1997 года на Крайнем Севере, в г. Норильске, в 14 лет переехала в Ульяновск.

С 2014 года – член Российского союза профессиональных литераторов. Автор сборников стихов: «Русь в ладнях», «Мир – Душе моей» (2015), «Самый нежный» (2016), «Фламинго» (2016) и «Здравствуй, это я» (2018).

Студентка 4 курса специальности «Журналистика» факультета культуры и искусства УлГУ.

Анна КОЛЬЦОВА

НЕБЕСАМ СВОЕ СЕРДЦЕ ОТКРОЙ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ СТИХОВ

АСТРОФИЗИКУ

В глубине твоих глаз – МИР.
В полном спектре. От Аз до Ять...
Все дороги ведут в Рим.
Ну а наша? Скорей бы знать!
В глубине твоих глаз – Свет.
Наблюдаешь иную жизнь...
У людей этих глаз нет –

Потому что не смотрят ввысь.
В глубине твоих глаз – суть.
Ты мне крылья, и ты – трамплин.
В глубине твоих глаз – Путь
От Сверхновых и до Земли.
Внеземные постичь умы,
Пролететь больше сотни вёрст...
В глубине твоих глаз – мы,
Отражённые светом звёзд.

МОЙ ПЕРВЫЙ ГОРНЫЙ ПОХОД

Это – странная чья-то мечта.
Моя первая горная сказка.
Это – долгий, извилистый путь
По дороге к седым облакам.
Это – трудность уменя летать,
Это – дикий восторг громогласный!
Задыхается, давится грудь
От того, что судьба нелегка.
Это чудо – ходить и дышать
Волшебством твоих новых свершений.
Это – сладкая боль твоих мышц
И повергнутый в бездну покой.
Это – вдруг обновилась душа,
И ты стал для себя совершенен.
Даже в городе сереньких крыш
Небесам своё сердце открой!

НЕПОХОЖАЯ

Возвращаешься непохожая
На девчонок и тех мальчишек,
Кто не знает вкус жизни полностью,
Кто не чуял природы мощь.
У тебя же – ветра под кожей,
На уме нет ни капли лишнего –
Только выжить бы! Не до гордости.
Только друг бы рискнул помочь...
Над тобою – рюкзак нагруженный.
Под тобою – обрывы скальные,
Что узор образуют вычурный.
– Это финиш? В ответ – ха-ха!
Если группа твоя недружная,
То и мир неприятно скалится.
Если правит взаимовыручка –
Будет место тогда стихам.
Возвращаешься опалённая
Жарким солнцем и жаждой нового.
Не поймут, не простят знакомые.
Тот, кто в курсе, – пожмёт ладонь.
Но важней, что была влюблённая
В неприступность горы суровую,
В жизнь, что сделалась вдруг весомою,
Что в душе запылал огонь.

ДИКАЯ

Меняю в себе я что-то,
Открыв приключеньям дверь.
Пропахла костром и потом,
Как загнанный дикий зверь.
Вдали от мирского вздора
Покой обретёт душа.
Поэтому лезу в гору –
Навьюченный, злой ишак.
Почувствовать жажду, голод,
Звать Солнце – иди ко мне!
И в быструю реку голой
Вбежать, не боясь камней.
Пусть горные воды смогут
Смыть времени нервный тик.
Тернистой дорогой к Богу
Сумела и я пройти.

МОНОЛОГ КУКЛЫ

Я жила без себя неделю.
Я жила без себя два года.
Быть истерзанной до предела
Было, видно, душе угодно.
Я пошла по дороге криво.
Я презрела каноны моды.
Выгрызать из себя нарывы –
Выраженье моей свободы.
Коль под светским холодным нимбом
Выраженье лица угаснет –
Стоит Богу сказать: «Спасибо»,
Своему отраженью – «Здравствуй».
И энергией снова рушишь
Нарисованную вальяжность.
Миражи предлагать не нужно.
Я – не крашенная кукляшка.

КИСЛОВАТЫЙ РОМАН

Прошло четыре года,
Как я, стремясь попасть
Под пресс всеобщей моды,
Изображала страсть.
Сама была влюблённой,
Зелёной, как трава...
И привкусом лимона
«Роман» наш отдавал.
Ты создал пепелище
На месте вешних рощ.
Я с возрастом – всё чище,
Но набираю мощь.
Тебе желаю, сударь,
Не корчиться виной
За лучшую из судеб
Девчонки разбитной!

ДНК

Так, как я, – не напишет никто.
Потому что во мне – кровь такая,
Что сегодня бурлит кипятком,
А назавтра – как лёд застывает.
Но важней темперамента, друг,
ДНК – уникальный наборчик.
Мы не только из ног или рук.
Нас лепил удивительный Сборщик.
ДНК... Можно ль знать про неё?
Божья тайна! Но как-то же вышло –
Здесь никто так, как ты, не шагнёт.
Здесь никто так, как я, – не надышит.
Буря мыслей в моей голове!
Возмущение – это нормально.
«Не пишите!» – глупейший совет.
Слово каждого здесь – уникально.

ЮБИЛЕИ

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России

ВЕЛИКАЯ ИСКУСНИЦА

К юбилею Людмилы Обвинцевой

«У Людмилы Викторовны Обвинцевой не бывает нерабочего состояния души. Творческая заряженность на созидание властвует в ней самой, вдохновляет всё и всех вокруг. Её чудо-гобелены с невероятной силой будят в тебе охоту освоить ткацкий станок. Роскошные батики прямо-таки заставляют учиться расписывать ткани и шелка. А когда пробуешь её варенье, тогда уже сразу понимаешь – его тебе не приготовить никогда».

(«Ульяновская правда», март 2004 г.)

Нина Никифораки на фоне батика работы Л.В. Обвинцевой.

Людмила Викторовна Обвинцева.

Дождаться солнечного денёчка нынешней зимой было непросто. Эти жёлтые ослепляющие лучики наполнили бы тебя теплом и радостью, извечным желанием любви и света. Без них, как без волшебной нити сказочного клубочка, не постичь души художника, не проникнуть в потаённые думы мастера, не разгадать хитросплетённых узоров искусницы.

Людмила Викторовна Обвинцева родилась ранней весной в районном поселке Вешкайма Ульяновской области. И если бы 8 марта не был праздничным днем календаря, то именины сердца всё равно случились бы у большого количества людей, год за годом пополнявших ближний круг её и её домочадцев. А нежнейшая часть населения нашей губернии – женщины – могли так и не узнать, какой цвет, цветок или символ отождествляет и украшает жизнь каждой из них. Это снайперское, но ненавязчивое попадание в «живую цель» делает произведения Людмилы Викторовны уникальными источниками общедоступного вдохновения. Это понимаешь, соглашаясь с мнением великих художников, которые считали себя лишь скромными проводниками света и красоты: от Божественного – к Человеческому.

Без малого полстолетия (!) Людмила Обвинцева не перестает удивлять и покорять своих поклонников. В её послужном списке члена Союза художников СССР и России более 50 выставок, вернисажей, персональных показов: между-

народные, всероссийские, региональные, авторские. Произведения любит масштабные, яркие, тщательно продуманные и исполненные.

Времени на такие вещи требуется много. Она – автор монументальных гобеленов и столь же внушительных батиков. Но кому, скажем, под стать расписывать картины на шёлке размером 4 на 6 метров?! Поверьте, не во всех музеях мира можно встретить подобные шедевры. Для многих зрителей (и даже специалистов от изобразительного искусства) объем её рукотворных произведений – уже в диковинку.

Есть такое понятие – масштаб личности. Особенно оно имеет значение и ценится на вес золота в среде творческой, где результат обязателен. Одним трудоголизмом Олимп не покорить. Талант, гениальность выходят на первое место и на нём же остаются.

Людмила Обвинцева – настоящая Марья-Искусница. Чего не коснется – всё выходит лучше лучшего: на радость людям. И это – не сверхзадача, это – потребность, состояние души, мощь и сила человеческой природы. Просто она, эта личность, сама постоянно развивается и укрупняется.

Эти способности Людмила Викторовна применяет во всех делах, включая житейские. Не может она ничего делать вполсилы, без вдохновения: хоть варенье на всю семью варить, хоть сарафаны дочкам-внучкам шить.

Семья Обвинцевых в Ульяновске, а особенно в Союзе художников, именитая. После окончания Пензенского художественного училища им. К.А. Савицкого Людмила вернулась на родину, но теперь уже – в город Ульяновск. Приняли молодого специалиста неплохо, а когда увидели, на что способна выпускница, зауважали даже маститые корифеи. Работу в производственных мастерских УСХ подняла на такой уровень, что народный художник СССР и председатель правления А.В. Моторин лично рекомендовал её в профессиональный творческий союз. И характер одобрили. Твердость, честность, решительность – поощрялись и... использовались. Два созыва она избиралась депутатом Ленинского районного Совета.

Личная жизнь Людмилы складывалась тоже удивительным образом. Еще на выпускных экзаменах в Пензе на нее обратил внимание молодой преподаватель училища, к тому времени уже главный художник города Анатолий Александрович Обвинцев.

Триптих «Память». Гобелен.

Перспективный, образованный – выпускник знаменитых «Строганов» – и просто красавец-мужчина, мало сказать, что потерял голову. Оставил всё, чтобы быть рядом с избранницей. Согласился на переезд, окружил вниманием и заботой. А самое главное – оказался редким в творческой среде супругом-соратником: таланту и успехам женщины не завидовал (как, увы, бывает), а помогал, поддерживал, брал на себя хлопоты в семье.

Оставив престижную работу в Пензе, Обвинцев принялся украшать Ульяновск. Мало кто теперь помнит, что первые дизайнерские рекламные проекты – его. Правда, назывались они тогда не баннерами и штендерами, а скромнее – щитами и вывесками.

Династия Обвинцевых постепенно приумножалась. Стала профессиональным художником и преподавателем дочь Анна Вилкова. Она же – кандидат педагогических наук, работает на факультете культуры и искусства УлГУ. Путь архитектора выбрал сын Виктор. А его жена Марина, которая также окончила архитектурный факультет, с удовольствием берёт уроки ткачества у знаменитой и любимой свекрови. Подростающие внуки тоже проявляют себя творчески. Всем интересуются, всё пробуют делать своими руками. Ведь пример семьи – лучшая агитация.

Людмила Викторовна – не просто редкая женщина. Она – универсально одарённый человек. Умный и добрый, ответственный и чуткий. А ещё умеет любить и дружить. Научиться таким качествам вряд ли можно, а делиться – пожалуйста: сколько сможешь – бери!

Вместе с Галиной Михайловной Савиновой (которая проработала в Ульяновском областном художественном музее 52 года!) они составляли на

редкость гармоничную, мудрую пару женщин-созидательниц. Их союз был плодотворен не только в искусстве. Хотя выставки, которые они формировали в соавторстве, вошли в сокровищницу истории культурного наследия нашего края.

Вдохновляли «барышни-крестьянки» друг друга и в знаменитом селе Смородино Сенгилеевского района, где начиналась дачная эпопея наших художников. Там, в садовом обществе, на своих «сотках» Обвинцевы и Савиновы каждое лето устраивали парад цветов и плодов. Изысканные ирисы, лилии, пионы (сортов этих растений, говорят, набирается больше сотни!) украшали не только клумбы и цветники, но плавно переселялись после бурного цветения на гобелены, батики, живописные работы художников.

Самый красивый гардероб – из расписных нарядов, шарфиков и накидок – был, конечно, у Галины Михайловны. После неё в длинную очередь «быть расписанными» вставали уже все мы. Вожделенное ожидание – не менее значимая часть приобщения к высокому искусству. В память о своей подруге (Г.М. Савиновой не стало в конце 2015 г.) Людмила Викторовна создала новый шедевр – «Светлые воспоминания». В этот батик размером 3 на 1,5 метра можно погружаться, как в живописное течение человеческой жизни. В нём – рождение и любовь, судьба и нечаянная радость, ожидание чуда и печаль утраты. Поверьте, это течение времени происходит, оживая, на ваших глазах. И печаль эта – светла.

Среди новых работ художницы – уникальные расписные сказы, именно так хочется назвать произведения Великой Искусницы: «Смородиновое цветение» (210 на 145 см), «Вечерняя песня», «Полнолуние. Амарант цветет» (оба – 300 на 145 см). С гобеленами такого масштаба справляться сложнее. Самый знаменитый из них – «Яблочный Спас» (200 на 160 см) – создавался маленькими шажками-слоями несколько лет. Ткала и стоя, и сидя, и лежа на боку. Право, никогда бы не употребила подобную пикантную особенность, но очень хочется воспроизвести сам процесс рождения произведения. Ведь глагол «ткать» может вообще скоро сгинуть из нашего лексикона.

Помню, как загорелась Людмила Викторовна желанием осваивать тех-

нику горячей эмали. Жажда пробовать что-то новое – у неё в крови. Даже в командировку в другой город отправилась – печь смотреть. И освоила бы, и выпекала бы чудо-эмали, будьте уверены, если бы этих печей не раз-два на всю нашу Россию оставалось. Ведь даже знаменитый на весь мир художник по этому виду прикладного искусства Ольга Лысенкова (кстати, начинала творческую деятельность в Ульяновске после окончания Ленинградской художественной академии им. И. Репина), и та обжигает эмали за границей.

Если честно, это не совсем правильно, когда в рассказе о женщине приходится перечислять её трудовые заслуги, упоминать дипломы, почетные грамоты, поощрения и награды. Но в отношении Людмилы Викторовны – всё опять не так, как у других. Слово «труд» воспринимается как награда жизни. И если делаешь дело с любовью, то оно – только в радость, на долгие времена.

У Людмилы Викторовны есть одна редчайшая черта характера – скромность. Скромность до застенчивости. Никогда про себя ничего не расскажет, ничем не похвастается. Её работы живут и украшают жизнь большого количества людей: в музеях, в квартирах, в учреждениях культуры, в школах и боль-

Л.В. Обвинцева. Православный Симбирск

ницах. Даже в заведениях ульяновского общепита (ресторанах, кафе, столовых) можно увидеть её знаменитые цветы и травы. Их ни с чем не спутать и мимо взора не пропустить.

Не раз Людмила Викторовна скромно отказывала спонсорам, отмалчивалась на предложения выпустить альбом или каталог своих произведений. Эх, если бы эти люди были понастойчивее, знали её истинный нрав и характер!

Что же питает это творчество? Откуда берутся силы на грандиозные глубочайшие темы, масштабные воплощения? Как сама природа земли, неба, красота души человеческой переключивается из эфемерного пространства в плоскость рукотворной материи? Большая загадка. Но и ответов много. Во власти художницы Солнце, Свет, Слово. Всё, что зовется Даром Божиим. Божественным Благом...

Декоративно-прикладное искусство – особая сущность творчества. Его одним вдохновением не возьмёшь. Вот и выходит, что художники этого направления – самые трудолюбивые и умелые, на все руки мастера.

В юности, живя в Вешкайме, Людмила водила

Л.В. Обвинцева. Яблочный Спас

мотоцикл. Отец доверял старшей дочери. Знала все грибные и ягодные места. Рисованием – забавой для барышень – занималась в свободное время, но охотно и с воображением. А обернулось вовсе не забавою, а профессией, на целую жизнь свою и детям-внукам передаваемой.

Когда много умеешь, можно еще больше попробовать, уцепить. И чтобы до сути дела дойти, до самого смысла дорасти. Человеческая глубина Людмилы Викторовны поражает. О чем бы ни зашла речь, она обязательно даст собеседнику выговориться, а уж потом ненавязчиво и мысль твою подправит, и бесценным советом одарит. У такого человека – учиться и учиться.

...В мастерских Дома художников, что на улице Гончарова, нынешней зимой было прохладно. Супруги Обвинцевы с нетерпением ждали солнечного денечка. И дождались. И мысли пошли хороводом – скоро в Смородино, к земле, к любимым растениям. Устроение юбилейной выставки семья Обвинцевых обдумывает на осень. После летней страды, после снятия урожая. Людмила Викторовна предвкушает новые труды и заботы, которые ей снова в радость.

Наша справка:

Людмила Викторовна Обвинцева родилась 8 марта 1949 г. в рабочем поселке Вешкайма Ульяновской области. В 1972 году после окончания Пензенского художественного училища им. К.А. Савицкого по распределению переехала в Ульяновск. За творческие успехи награждена дипломом Союза художников России (2004, 2016 гг.) и почетной грамотой Законодательного собрания Ульяновской области (2006 г.).

За высокое профессиональное мастерство, вклад в развитие культуры и искусства отмечена Почетной грамотой губернатора Ульяновской области (2011) и Благодарностью Министерства культуры Российской Федерации (2016).

За последние пять лет стала участницей всех самых престижных выставок: «Большая Волга – искусство республик Поволжья» (Саранск, 2011 г.), мини-гобелена (Екатеринбург, 2011), «Возрождение» (Рязань, 2014), региональных выставок «Большая Волга» в Казани, Перми, Йошкар-Оле, Нижнем Новгороде (2018), «Пластовская осень» (2011-2016) в Ульяновске. Кроме того, состоялись персональные выставки «Утро лета – ирис нежный» (2013), «Осеннее цветение» (2014). Многие работы художницы находятся в Ульяновском областном художественном музее, общественных организациях города и области, а также в частных коллекциях в России, США, Канаде, Германии.

**РУКОТВОРНАЯ КРАСОТА
РАБОТЫ ЛЮДМИЛЫ ОБВИНЦЕВОЙ**

*Обвинцева Л.В.
Дельфиниумы*

Обвинцева Л.В. Светлые воспоминания.
Памяти Г.М. Савиновой.
Батик.

Обвинцева Л.В. Белый ирис.

Обвинцева Л.В.
Вечерняя песня

Обвинцева Л.В. Смородиновское цветение.

**ЦВЕТЫ НА РАДОСТЬ
КАРТИНЫ НИНЫ БЕЛОВОЙ (КАРСУН)**

***

Нине Беловой
 Январь. Мороз. Дымы над крышей.
 Откройте в мастерскую дверь,
 И всё вокруг теплом задышит...
 Волшебнице картин поверь.

С полотен кланяются розы,
 Пионы, вишни и сирень,
 И вмиг забудутся морозы,
 Сияньем засверкает день.

Захочется мечтать, влюбляться
 И в упоении творить,
 Огромным миром восхищаться
 И красоту земли любить!

Спасибо за восторг полёта,
 За стержень, за упорный труд,
 За счастья блеск и грусти ноты,
 За чудо творческих минут.

Татьяна Эйхман

Наталья ДРОНИНА

КРАСКАМИ ДУШИ

Нина Федоровна Белова – талантливый педагог, художник, преподаватель отделения декоративно-прикладного искусства Карсунской школы искусств - в 2019 году отмечает юбилей.

Более 20 лет отдала Нина Белова - большой энтузиаст своего дела - школе, где по её инициативе создано и успешно работает отделение декоративно-прикладного искусства. Новое в те годы направление требовало не только собственных умений и навыков, но и разработки учебных программ, методик. Вместе с дочерью Натальей Петровной Пасевой, тоже преподавателем ДШИ, набрали первых учеников и стали экспериментировать с различными техниками и направлениями. Основной задачей было не скопировать отделение живописи, найти свой путь. И ей это удалось! Работы учеников Н.Ф. Беловой не раз занимали призовые места на различных конкурсах, ими любовались жители многих городов России и зарубежья. Хорошей традицией стала организация выставок в культурных и административных центрах района и области, участие в региональных Дельфийских играх, откуда воспитанники отделения не раз привозили призовые места. Мы все так привыкли к «своей» Нине Федоровне, что позабыли (а кто-то и не догадывается), что эта талантливая женщина не является коренной жительницей Карсуна, а приехала в Ульяновскую область в 1996 году из Казахстана, когда тот стал ближним зарубежьем. Путь от учителя начальных классов до известного в регионе педагога и признанного мастера кисти у неё был непростым. Чтобы воплотить

в жизнь детскую мечту о живописи и творчестве, Нине Фёдоровне пришлось пару лет поработать в колхозе Ставрополя – на своей исторической родине, окончить Карачаево-Черкесское педагогическое училище, поработать в школе и только потом, окончив художественно-графический факультет Курского госпедуниверситета, получить возможность заниматься любимым делом – открывать детям красоту родной земли через творчество и искусство.

Собственной карьерой она занялась намного позже: на любимое занятие катастрофически не хватало времени, да и психологическая нестабильность от жизненных перемен давала о себе знать. В 1999 году она стала преподавателем Карсунской ДШИ и, наконец, вернулась к творчеству. Тогда получила своё начало коллекция картин, ставшая основной экспозиции «Цветы России», неоднократно выставлявшейся в различных залах региона. Свои

любимые цветы Нина Фёдоровна пишет красками души, настолько трепетными, живыми и дышащими получаются у неё ветки сирени и калины, полевые ромашки и роскошные садовые пионы. Она щедро делится со зрителями теплом и радостью своего сердца, любовью к земле, ставшей ей родной, и восхищением её богатством. Её искренность и доброту чутко чувствуют дети, радующие своего педагога успехами в творчестве. Среди учеников Нины Фёдоровны есть те, кто получил от неё путёвку в жизнь, обрёл своё призвание и решил продолжить творческий путь своего учителя.

В конце 2018 года в зале заседаний администрации района прошла персональная выставка одной из выпускниц отделения декоративно-прикладного искусства Ильмиры Кужаньязовой. В преддверии юбилея любимого наставника она адресовала ей теплые слова: «В 10 лет мама привела меня в детскую школу искусств на отделение декоративно-прикладного искусства к Нине Федоровне Беловой, которая стала для меня любимым педагогом и наставником. Именно она увидела и почувствовала мой потенциал, талант, сумела убедить в этом меня и мою семью. Был момент, когда я просто перестала посещать ДШИ, но Нина Федоровна настояла на продолжении обучения, тем самым определив моё будущее. Благодаря ей я обрела смелость, поверила в себя и смогла достигнуть тех успехов, которые сегодня у меня есть. Я стала художником-реставратором, окончив Российскую академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Сейчас получаю профессию преподавателя творческих дисциплин в высшей школе. В будущем хочу как педагог стать похожей на Нину Федоровну, быть такой же целеустремленной, увлечённой и щедрой. Она очень мне близка, и я постараюсь никогда не подвести и не огорчить её. Сложно поверить, что стаж работы моего любимого педагога уже полвека! Она по-прежнему элегантна, восхитительна и по-прежнему заряжает своей жадной жизнью, интересом ко всему новому и творческими порывами. Я желаю ей жить полноценной жизнью, любить, творить и получать от всего этого удовольствие!»

Мы присоединяемся ко всем поздравлениям и добрым словам и желаем Нине Беловой не растерять светлые краски души, которыми она рисует свои картины!

«И ПО ВОЛЕ ЧУДЕС МНЕ ДОСТАТЬ ДО НЕБЕС – КАК РУКОЮ ПОДАТЬ!»

Состоялась презентация поэтического сборника Нисы Матлиной «Ветер в ножны».

В городской библиотеке № 15 имени Н.Н. Благова состоялась презентация первого стихотворного сборника молодого поэта, филолога Нисы Матлиной.

В тот особенный день в библиотеке, куда с самого детства ходила Ниса, создалась особая творческая атмосфера. И это неслучайно, ведь поздравить девушку пришли родные и близ-

кие, большая часть из которых занимается тем или иным видом искусства.

Торжественным словом открыла презентацию мать Нисы, знаменитый ульяновский поэт, член Союза писателей России, лауреат нескольких литературных премий, автор более 60 книг Светлана Матлина. Она дала блестящий срез состояния современной молодежной поэзии, а также рассказала о том, как создавалась данная книга буквально у нее на глазах, о творческой манере начинающего поэта: «Ниса Матлина – талантливый современный молодой поэт и прозаик. Она росла в лихие 90-е, будучи подростком, впитывала веяния того времени – времени перемен. Ей присущ пристальный, жесткий взгляд на окружающее, которое, скажем прямо, не баловало подрастающее поколение. Это было время чеченских войн и неустроенности в жизни, ломки жизненных координат...

Как поэту, ей присуще соединение классической поэзии с современной рок-поэзией, энергичный, даже мужской жест в подаче чувств и мыслей. И в то же время – женская нежность и отчаянность, попытка осмыслить все, что встретилось на пути, говорить прямо и в глаза правду. Ей близок диалог, что очень редко встречается в стихах и, как выяснилось, редко удается.

Ведущей темой ее творчества является извечная тема лишнего человека-странника, не понятого другими. Ее лирическому герою свойственен поиск истины, смысла жизни, осмысление своего внутреннего мира. А также символично-метафорическое отражение реальности, аллегории, психологическая образность и фольклорные мотивы. Особенно ярко это выразилось в сюрреалистической поэме «Коловерть», посвященной трагической судьбе человека после войны, с ярко-выраженным посттравматическим синдромом, отразившемся и на судьбе любимой девушки.

Стихи Нисы будоражат, задевают душу, заставляют задуматься и сопереживать, а разве не это как раз дело поэзии? Добавим, что это вторая книга Нисы и, конечно, не последняя. Пожелаем автору, которого выгодно отличает стремление сказать свое слово незаемно, оригинально, искренне, успеха и терпения на тернистом литературном пути.

Дочь сердечно поздравил и Михаил Матлин – крупнейший фольклорист, преподаватель, доцент Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

На встрече присутствовал давний друг Нисы – яркий молодой поэт, член Союза писателей России, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области Александр Дашко. В своем поздравлении Александр сумел эмоционально и глубоко сказать об особенностях творчества Нисы и обыграть название сборника, сказав: «она сама как ветер».

Руководитель Центра образовательных и культурных проектов «Клевер», писатель Михаил Камалеев рассказал о совместной деятельности с Нисой Матлиной, об ее участии в проектах, поделился своими впечатлениями о вышедшей книге.

Затем собравшимся представила свою книгу сама Ниса Матлина. Она рассказала, как в течение 10 лет сочиняла стихи, как происходила «творческая шлифовка» во времени, что давало силы и вдохновение.

«В первую очередь я хочу выразить огромную благодарность Ульяновскому государственному пе-

дагогическому университету имени И.Н. Ульянова, поскольку я провела в его стенах ни много ни мало 7 лет, являюсь выпускницей бакалавриата и магистратуры историко-филологического факультета. Я училась у блистательной плеяды преподавателей – настоящих профессионалов своего дела и замечательных людей, которые, к моему великому счастью, высоко оценили мой поэтический дебют.

Первая моя университетская работа была посвящена крупнейшему российскому писателю, сумевшему, подобно А.С. Пушкину и С.А. Есенину в поэзии, воплотить душу России в прозе, – В.М. Шукшину. Этот удивительный человек вдохновляет меня и сейчас. Обучаясь в аспирантуре, я продолжаю исследовать грани таланта его творчества. Он также повлиял и на мою поэзию, даже помню, мы разговаривали с ним во сне.

Вторая моя работа магистра – про русский рок. Тема сложная, интересная и родная. Любимые исполнители – В. Бутусов, Ю. Шевчук, В. Высоцкий и другие – оказали колоссальное влияние на мое твор-

чество. Именно в ключе аллегорий Бутусова я пришла к такой символической образности».

Далее Ниса прочитала свои стихотворения, среди которых звучали «В.М. Шукшину», «Маска», «Рождество» «Водолей. Моей Светлане» и другие.

Отдельно автор рассказала о военной теме, в ключе которой написана ее аллегорическая поэма «Коловерть», посвященная посттравматическому «афганскому синдрому», которая также входит в сборник.

Отметила Ниса Матлина и особенности дизайна своего издания, выпущенного в авторской редакции у ИП А.В. Качалина. Книга насыщена иллюстрациями, среди них – авторские картины арт-художницы Лены Несаленой, близкой подруги Нисы, выпускницы того же факультета Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Лена рассказала о творчестве и секретах своих необычных арт-картин, о том, как приходят образы и трансформируются «на холст».

Мероприятие завершилось на музыкальной ноте. Бард Олег Яшин исполнил золотые хиты бессмертной классики русского рока.

Ниса МАТЛИНА

ЗЕРКАЛО

Зияет пустота холодных черных глаз.
Едва различен звук, не чувствуется цвет,
и твой огонь погас... но из последних сил,
Решившись в путь идти –
иди же до конца, не думая свернуть.

К победе путь тернист, дорога далека,
она полна чудес, что в омуты манят.
А ты их не бери – обманны зеркала,
они искажены;
ты помни об одном и тихо повторяй:

Любовь жива внутри, она же даст мне свет –
Огонь зажжется вновь и воскресит меня.

*Разбиты зеркала. Над миром ты паришь:
крыло твоё – огонь,
в груди – горящий свет,
искрятся вместо глаз – две острые звезды.
Смотри!
Себя узнай!
Вся эта Сила – Ты.*

КАЛИНА КРАСНАЯ

В.М. Шукшину

Ладонь моя широкая,
Плечо да то батрацкое,
А жизнь-то вся по четочкам –
Шальная, грех-кабацкая.

Я на семи дороженьках
Средь опостылых мест
Водой святой, пригоршнями,
Отмыл свой ржавый крест.

Рубашка рвано-белая,
Надета наизнаночку,
Да поступь дурно-смелая –
Кровавые портяночки.

Мне счастье мерещится
На дне стакана вновь –
Еще одна затрещина
По имени Любовь!

Лишь ночка нынче ясная,
Один с ней на один.
Эх, калина красная!..
Шукшин.

* * *

Как разряды молний,
Как укол иглы.
Нет, не принимаю я
Правила игры.
Как разряды тока,
Как удар ножом.
Нет, я не полезу
Больше на рожон.
Впредь воюй с кем хочешь,
Но меня не трожь –
Выдернут из сердца,
Вставлен в ножны нож.

Апрель – сентябрь 2018

МУЗЫКА

Я открываю рояль:
Звук начинает мелодию,
Пальцы ломают клавиши,
Лица всплывают в памяти,
Движение мысли вперед.
– На взлет –
Фонтан мнимых отзвуков:
Отголоски моего прошлого,
Голоса моего будущего,
Шепот забытых губ.
– Гнутся –
И с хрустом ломаются
Пальцы об острые клавиши,
Звук визжит и теряется
В хороводе мыслей вокруг.
– Звук –
Завершает мелодию,
Мысли падают замертво,
Отпечаток на каждой клавише.
Я закрываю рояль.

ВОДОЛЕЙ

Моей Светлане

Ты живой водой воздушной
Воскресишь меня из пепла,
Я целую твои руки,
Я смотрю в твои глаза.
Вижу в них моря и страны,
Вижу звезды и планеты,
Незнакомые созвездья,
И космическую пыль.
Соткан ты из звездных чисел,
Огоньками весь искришься,
Я люблю тебя всех больше,
Подчиняюсь я тебе.
Ты – мой символ –
Отраженье –
В каждом зеркале планеты,
В каждом дуновеньи ветра,
В стуче сердца моего.

Май 2018

ГОЛОС ПЕЛ, ГОЛОС БЫЛ

Голос пел, голос был,
Голос мне говорил:
Ты умела летать
И ходить по воде.
Никогда
Никому
И нигде
Не понять.

Вот опять
Я взлетаю в ночной небосвод,
Опускаясь, иду по сиянию вод,
И по воле чудес
Мне достать до небес –
Как рукою подать!

Я умею летать
И ходить по воде.
Не отнять,
Не принять,
И себе перенять
Не дано никому и нигде.

ВЕТЕР В НОЖНЫ

Ветер в ножны!
Осторожно
Я иду на дно.
Шаг вперед –
И невозможно,
Значит – не дано.
Ты в свои попала сети –
Далеко за край.
Больно гладить против шерсти.
Ты не знала – знай!
В ножнах – ветер,
В сердце – нож,
Выдернешь – умрешь.

УТЕШЕНИЕ

Голову еще б тебе на плечи,
Чтоб не думать больше о таком.
Медленно, но верно время лечит,
По тебе шагая напролом.

Все пройдет, мой друг, и это тоже
В суете сквозных, как ветер, дней.
Ты живой, пока тебя тревожит
Жизнь. Таков закон у ней.

Ты пройдешь сквозь миллионы судеб,
Сквозь тебя пройдет их миллион.
То ль не то, но что-то все же будет,
Просто ты не помнишь – путь пройден
Много раз тобой в различных лицах.

Нет лица. И тела нет. Душа –
Вот она и есть Святой Хранитель,
Что тебя веками воскрешал.

РОЖДЕСТВО

Гнилой забор изъеден снегом.
Разрушен дом.
Стою под белым, дымным небом,
Под серебром.

И тишина звенит звездой –
Ни души.
Лишь над холодной землей
Хрип машин.

Окурок тлеет в снеге белом,
Стою один
Под дымным, неподвижным небом –
Нелюдим.

Когда-то здесь гуляли лихо,
Всей гурьбой.
Тихо... Тихо...
И надо мной

Лицо из снега
В звездном небе.
Рождество.
Вернулся вновь туда, где не был –
Для чего?

Со всех сторон пустые избы –
Все спились.
Мы слишком долго ждали жизни –
Не дождались.

ПО ТРОПИНОЧКЕ, БЕЗ ОГЛЯДОЧКИ

По тропиночке,
Без оглядочки
Хороводятся огоньки.
Кто со мной там играет в пряточки?
Чья маячит тень у реки?
Да мне мерещится!
Да мне все кажется!
То ль позади меня,
То ль впереди –
Тень твоя за мной повсюду тащится,
Да куда бы я ни пойдя!
Не к добру они разыгрались,
Рассверкались у реки.
Так и тянут вглубь, отражаются
От воды в глазах огоньки.
Но не чиста вода,
И не свят тот свет,
Что так тянет вниз за собой.
Там скрываются лихие омуты,
Пахнет черною беленой.

Вдруг опомнюсь я,
Да разойдет туман,
Резко встану – прочь – от реки
По тропиночке...
Без оглядочки...
Рассыпаются огоньки...

ПАВШИМ

Они могли бы быть счастливыми,
Они могли бы быть среди нас,
Но стали черными могилами
В бою тяжелом, в смертный час.
Крестами к небу вознесенные,
Пред ликом Божиим преклоненные,
Глядят на землю свысока,
И к небу тянется рука.

ЕСЛИ БРЫЗНУЛ РАССВЕТ

Если брызнул рассвет
Свежей кровью солдат,
Если стал темным свет
Черной кроной оград,
Если кожа земли
Вся от трещин горит,
Где деревья росли –
Рвут огнем волдыри.
Солнце входит в зенит:
Каждый третий убит,
Каждый пятый без ног,
Каждый первый в строю,
И в последнем бою
Сходит на землю Бог,
И от взмаха руки
Каменеют полки.
И встают из земли
Кто в бою полегли,
И небесной тропой
В мир идут неземной.
Так, во веки веков,
Нет на небе врагов –
Там заветный приют
Все, кто пал, обретут.
Крест целует живой.
Лишь святою мольбою
Прекращается бой.

МОЙ СИМВОЛ – ХРАНИТЕЛЬ

Мой символ – Хранитель
С кувшином в руке,
Ты – мой Вдохновитель,
Ты – в каждой строке.
На распутье наших судеб,
Словно крест, немой, стоит.
Знает Он, что дальше будет,
Но об этом промолчит.
Смотрит сквозь меня и видит
Звезды яркие во мгле,
Не поранит, не обидит
То, что спрятано во мне.
Мой защитник безымянный,
Мой попутчик без лица,
По земле идем туманной,
По дороге без конца,
Повернуть назад не смея,
Под созвездьем Водолея.

*Ольга ДАРАНОВА, член Союза писателей России, учёный секретарь
Областной научной библиотеки им. В.И. Ленина – Дворца книги*

БОЛДИНО

Поэма

Андрею Николаевичу Балдину

Россия, славься долги лета!
Хранима будь перстом Христа.
Твоих красот не счесть поэту,
Но есть заветные места.

Здесь вечерами вьюга пела,
Усадьбу старую храня,
Да древняя ветла скрипела
Вслед убегающим саням.

Туда влечёт неукротимо,
Там миром полнится душа,
И в тишине неуловимо
Идут столетья, не спеша.

Евстафий Пушкин, воевода,
Наместник царский, дипломат
Здесь землю получил в угоду
Царю и родине. Виват!

Там вдаль манящие аллеи
Хранят летучий звук шагов,
И вечер, тихо пламенея,
Доносит отзвук вечных строф...

Три века Пушкины владели
За службу ратную землёй,
Здесь, в арзамасской колыбели,
Нашли заслуженный покой.

1.
Большое Болдино. Исконно
Забортники, земля мордвы.
...Здесь в небеса цветисто, звонно
Вонзались Грозного шатры.

Века минули. Пали росы
Не раз на сонную траву.
Другие праведные россы
Сложили головы во рву.

Здесь на лугах за чёрным лесом
Тянуло мёдом диких пчёл.
Оберегаемый Велесом,
Качал волну рыбацкий чёлн.

О том звонят во храме белом,
И звон тот слышен далеко.
И путник крестится и смело
Шагает вольно и легко.

2.
Я еду в Болдино. И снова
Стоит осенняя пора...
Вот поворот на Кистенёво!
А вон знакомая гора...

Господский дом. Горбатый мостик.
Часовня, старый парк, пруды.
И время вспять, и снова осень,
И манят прошлого следы...

«Мне здесь покойно. Здесь я дома!».
Не шелохнётся гладь пруда.
Сафьяном пушкинского тома
Расцветена времён гряды.

Иду берёзовой аллеей.
Просторно глазу, даль чиста!
Вдали нарядно храм белеет,
И плавно лист летит с куста...

А в доме сумрак, тени длинные,
Луч золотится на полу
Портретов череда старинных...
Иду к ломберному столу.

Чернила чётки! Его строки,
Рисунки, вымаранный лист...
И вензеля размах широкий,
Как злой пурги протяжный свист.

Обитель скромная, оконце,
Шкаф с книгами, бюро, диван.
Потоком утреннего солнца
Наполнен день, что Богом дан

В его не отнятую осень
В нижегородской стороне,
Где одиноко стынет озимь
Да вёрсты долгие одне...

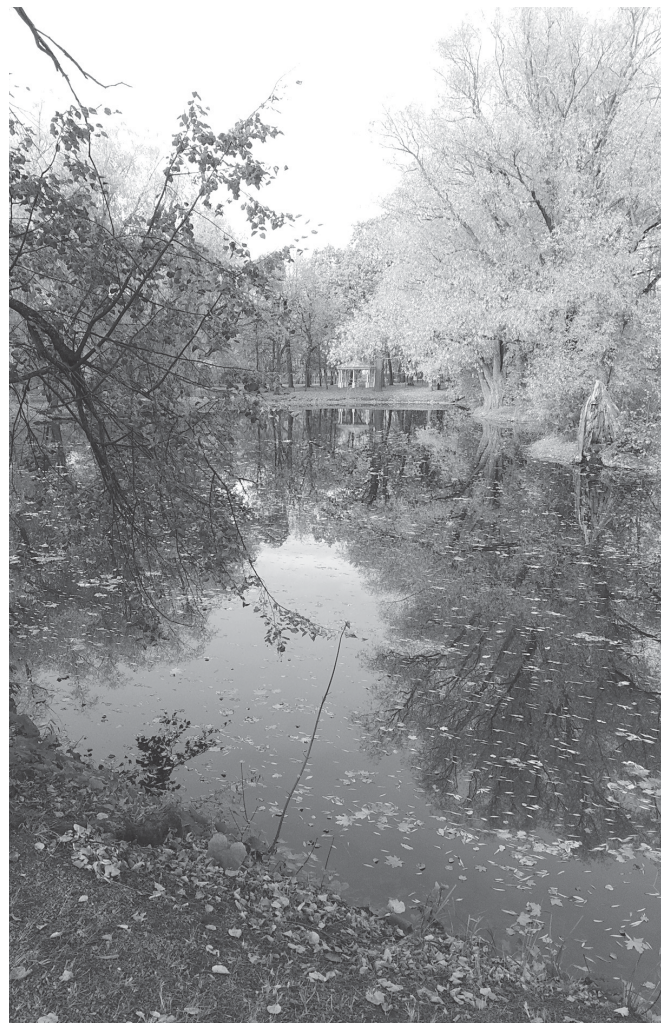
3.
Сергею Львовичу в наследство
Досталось Болдино. Но он
Склонялся больше к жизни светской,
Деревней был не бремениён.

В канун венчанья с Гончаровой,
Предупредив судьбы изъян,
Он дарит сыну Кистенёво
Да двести душ при нём крестьян.

Летит кибитка, кони сыты,
Ямщик удал на облучке,
За ним, дохой по бровь закрытый,
Он дремлет. Свёрток в сундучке

Любимых книг и образ милой,
И замыслов небесный хор.
...Под вечер, ветренный и стылый,
Кибитка въехала во двор.

4.
Убранство зальца скромно, просто:
Диван, три кресла, круглый стол,

Окно, за ним – печаль погоста,
С веранды виден тёмный дол.

От первых Пушкиных часовня,
Усадьба старая, дубы.
Тропинка узенькая ровно
Ведёт на пращуров гробы.

...Пьют чай. Вишнёвое варенье
В гранёном тонком хрустале.
И не допив от нетерпенья,
Он ищет рукопись в столе.

Пока легка и дерзновенна
Строка рождается... Лишь миг!
И образ девы незабвенной
Летучим облаком возник!

Свершив дела по Кистенёву,
Торопится назад в Москву.
Пленительная Гончарова
Там ждёт, готовая к родству.

Но обстоятельства – холера –
Поэту вынужденный плен
Здесь уготовили, но вера
Спасла от грустных перемен.

Затворничество и свобода!
И радость вольного труда!
Ему, как в это время года,
Так не писалось никогда!

«Мой милый! – пишет он Плетнёву.
Деревня наша – прелесть, рай!
Стихов и прозы уж готово
Для вкуса разного – вкушай!

Вообрази: покой и воля!
И степь да степь! Скачу верхом.
Пью кофей. И до сладкой боли
Вожу восторженным пером!

Наполнен день трудом и негой,
А вечером под ветра хор
Приятель добрый мой Онегин
Со мной вступает в разговор.

А что за прелесть здесь селянки!
Как мне мила их доброта!.. –
И образ барышни-крестьянки
Рисует на полях листа.

Ноябрь тёмный на исходе,
Прохладна смятая постель.
Скрипят дрова, и ветер бродит,
И сладко пишется «Метель»...

И вот уже иные страсти,
Те, что волнуют до сих пор!
Вот символ Зла и символ Счастья –
Хуан и Анна, Командор.

Ах, Моцарт милый, пела скрипка
В таверне грустно для тебя,
И мир прощальною улыбкой
Благословил тебя, любя ...

«Ты, Моцарт, Бог, того не зная...».
Да знает он – в том крест его!
Великие – те, кто прощают.
Великим гибнуть суждено.

Он пишет, гений темнокудрый...
Стремительно бежит строка.
Ко лбу взметнулась в мысли мудрой
В запястье тонкая рука.

Перо застыло, взгляд печален,
Оливы глаз блещут в ночи.
В какие давности и дали
Сейчас ты смотришь и молчишь?..

Не свой ли злой январь предвидишь,
В Сальери заговор храня?..
Свою Мадонну не обидишь...
Семь лет до рокового дня.

5.
Спустя три года снова в осень
Он едет в Болдино. Суров
Октябрь, но в небе просинь...
Готов к печати «Пугачёв».

«Я снова в Болдине, друг милый! –
Он пишет нежно Натали. –
Здесь выпал снег, придав мне силы.
Творю и грежу о любви...».

Рассвет чуть брезжит, он уж пишет,
От замыслов могуч и рьян,
Из глуби лет преданья слышит
И песни западных славян.

Под ветра свист в оконной раме
Не раз за ломберным столом
Являлся образ Старой Дамы,
Грозящей сморщенным перстом.

Под бег родимого Савраски
По свежей утренней поре
Легко рождались чудо-сказки
На радость местной детворе.

Душой он здесь, а мысль далёко...
Там, где над вздыбленной Невой
Глядит на мир царёво око,
Гордясь великою страной.

Подсвечен лишь луною бледной,
Стоит он, гордый и немой,
Величественный всадник медный
Над равнодушною Невой.

В ту пору, о какой писал он,
Случилась страшная беда.
Нева безумием дышала,
И понеслась окрест вода...

Людей погублено немало,
Без крова тысячи! Мольбы:
«За что сие такое стало?
Что наша жизнь? Игра судьбы?»

«Кто ты, создатель Парадиза?
Царь-реформатор, славный Пётр?» –
Он вопрошает и эскизы
К поэме «Медный всадник» рвёт.

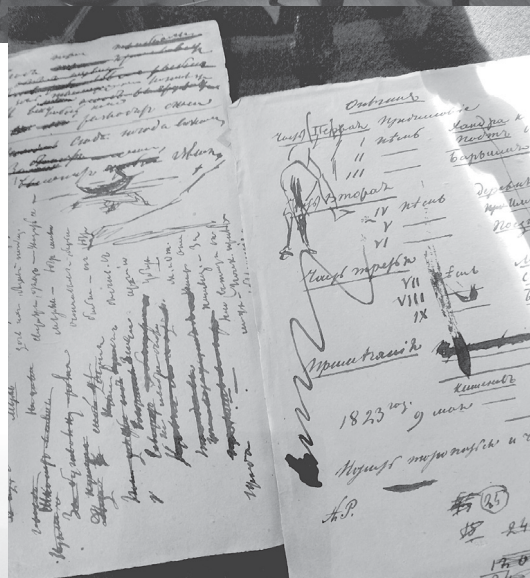
«Кто ты, Антихрист или Гений,
За что караешь жизнь мою?» –
Проклятья шлёт ему Евгений,
Царю и медному коню.

6.
В последний раз судьба дарует
Поэту творческий приют
В последний раз октябрь ликует,
И клёны золото листьев льют.

Дела на грани разоренья,
Хлопот хозяйственных не счесть...
Он едет в старое именье
Спасти родительскую честь.

В углу усадебного парка
В конторе вотчинной живёт.
...Дрова в печи играют жарко,
В сенях дворовая поёт.

Он мыслит «Капитанской дочкой»,
В конторке черновик лежит.
Но смута дел сулит отсрочку,
И день без творчества бежит.

А Болдино в душе осело...
Оставить свет мечтает он.
Забрать семью, зимою белой
К родным могилам на поклон.

Но непреклонен царь, свободным
Поэту быть не суждено.
Прощай, родимая природа!
Прощай, родное Болдино...

Идёт в Лучинник он, всё дальше,
В глубь рощи, где заросший пруд.
Шуршит прощально лист опавший...
«Прощай, осенний мой приют!

Здесь я был рад предаться неге
Уюта и домашних дел.
Я мирно жил, и в резвом беге
Строки я много преуспел.

Теперь мой путь домой, в столицу,
Там ждёт любимая семья.
Прощайте же, родные лица,
Увижу ль, Болдино, тебя?»

Наутро лошади готовы.
Прощальный взгляд на старый дом...
И снега первого покровы
Легли на древний отчий холм.

Вдогонку ветер листья косит,
И, словно в долгом райском сне,
Осталась Болдинская осень
В Нижегородской стороне...

7.
О время! Ты неумолимо!
Всё дальше день, когда возок
На горизонте обозримом
Мелькнул в излучине дорог.

А здесь всё та же ширь и осень,
Всё те же липы над прудом,
И звук шагов его доносит
Бессонницей объятый дом.

Апраксино, Лучинник, Львовка,
Усадьба и фруктовый сад
Да лес чернеющий мордовский
Поэта дух в себе хранят.

И колокольца звон хрустальный
Нам чудится через века,
И профиль чёткий и печальный
Доносит времени река.

*Февраль 2019 г.
Фото автора*

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ЛЮДМИЛЫ ТОЛКИШЕВСКОЙ

*Людмила Викторовна
Толкишевская (1941 – 2018)*

В октябре 2018 года ушла из жизни автор журнала «Симбирскъ» Людмила Толкишевская.

Многим землякам она запомнится как человек неравнодушный, яркий, деятельный и предельно честный. Людмилу Викторовну волновало буквально всё: как живут жёны ветеранов локальных войн, когда будет поставлен памятник жертвам чернобыльской аварии, какова экология в Карамзинском сквере и многое-многое другое. И это волнение не было голословным – Людмила Толкишевская бросалась в бой и добивалась справедливости. Не могла равнодушно пройти мимо нищей старушки или бомжа, мимо сломанного деревца или грязной скамейки – она спешила исправить ситуацию. Но всё же в этом неравном бою с земными проблемами она чаще побеждала не действием, а словом: сюжеты её рассказов никого не оставляли равнодушным, размягчали самое суровое сердце.

Когда-то народный артист России Анатолий Устюжанинов, прочитав рукопись Людмилы Толкишевской, сказал, что рассказы эти очень кинематографичны, что можно было бы по этим сюжетам снять кино.

Людмила Толкишевская как талантливый рассказчик чаще всего делилась

Людмила Толкишевская
в молодости

невыдуманными историями. Она обладала удивительной способностью помнить прошлое в деталях. Помнила и умела рассказать и о людях родных, и о мимолётных встречах на пути, умела сочувствовать, понимать, сострадать. Часто документальная основа сюжета перерастала в художественный рассказ.

Людмила Викторовна Толкишевская родилась 17 января 1941 года. Дочь фронтовика, а после войны кадрового офицера Людмила переезжала вместе с семьей туда, куда направляли служить отца (на Урал, на Волгу). Училась в Казанском государственном университете. Рано выйдя замуж, как жена офицера-лётчика жила по месту службы мужа в разных уголках Советского Союза: в Куйбышевской, в Свердловской областях, в Североморске, испытала все тяготы скитаний по гарнизонам. В новых впечатлениях не было недостатка. Слышала, видела, запоминала. Лучший учитель – сама жизнь. Писала рассказы, стихи, записывала то, что помнила об истории семьи. Чтобы дети и внуки знали. Определённо была литературно одарённым человеком. С 1991 года жила в Ульяновске. Публиковалась в местной периодике, в журналах «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирск».

О своей жизни и судьбе Людмила Толкишевская писала так:

«Я родилась в январе 1941 года. А уже в июне со мной, шестимесячной, мама, которая работала в детском доме г. Пушкин (Царское Село) эвакуировалась на юг страны. В начале войны еще никто не представлял, что немцы могут дойти до Кавказа. В дороге у меня поднялась высокая температура, и детдомовский врач решила оставить маму со мной на первой же большой станции, где будет больница. Так вот такой станцией оказалась для нас родное мамино Котельниково, и еще из окна вагона она увидела сидящую на бричке с бидонами мою бабушку. Женщины привезли молоко для детей, эвакуирующихся из Ленинграда. Я была спасена...»

И далее:

«В юности сказано мне было, что век мой будет долог, ибо «силён хранитель», но проживу я «словно дождём прольюсь». И, глядя на мое удивлённое, а может быть, и недовольное лицо, цыганка, словно в утешенье, добавила: «Да ты, детка, не горюй. Без дождя и трава не растёт!» Вот так и протекла моя жизнь, будто вода. Но не в песок, нет, а в землю! Хорошие дети, умные и красивые внуки. Но в сереньком ситчике моей судьбы, порой почти мистически, проблескивали золотые нити, которые, возможно, и влетал мой «сильный хранитель». (Из рассказа «Аз есмь».)

Зоркое сердце и трепетная душа помогали писательнице создавать незабываемые портреты людей, делали живой самую обыденную картинку, царапали душу. Хороший литературный язык, яркая образность, точность деталей, искренность и чистота помыслов автора – вот главные черты прозы Людмилы Толкишевской. Уверена, что автор достойна читательского внимания, и буду счастлива, если увидит свет книга ее рассказов.

Людмила ТОЛКИШЕВСКАЯ

РУСАЛКА

Рассказ

Четверть века тому назад, когда огромные уличные тополя были вдвое ниже, а деревянные двери в подъездах ещё новых заводских домов стояли по большей части настезь распахнутыми, в одном из них случилось редкое по тем временам происшествие.

Спящие люди были разбужены собачьим воем и жалобными кошачьими воплями. Через пять минут такого концерта народ ошеломленно толпился на площадке второго этажа, где под ломящимися от газет и журналов почтовыми ящиками на аккуратно сложенных стопкой дверных ковриках, под которые жильцы имели обыкновение подсовывать квартирные ключи, лежал завернутый в голубое одеяльце новорожденный младенец. Около младенца стояла

Судходная река свои воды не замедлит.

И пропажи мужика государство не заметит...

(Песня, услышанная на вокзале)

бутылочка с молочной смесью, по соске которой лениво ползала зеленая муха, а рядом сидели пудель по кличке Болон и чёрная кошка Лиза.

Обычно фыркающие друг на друга звери сейчас сидели бок о бок и уже молча вопросительно глядели на людей. Наверное, сказывалось сиротское родство душ. Болон щенком был найден за гаражами, в зарослях тогда совсем не криминальной конопли. А чёрного котенка мальчишки сняли с раскалённой солнцем крыши старой котельной.

Придя в себя от неожиданности, подошедшие женщины взяли ребёнка на руки, выбросили кошунственно грязную бутылочку в мусор и бросились звонить в скорую помощь и милицию. Вскоре малыша, оказавшегося мальчиком, увез-

ли, и люди со временем забыли о подкидыше.

Времена очередного российского лихолетья ещё не наступило, детские дома были защищены могучей дланью государства, и мальчик, получивший имя Алексей Строгов, стал расти в одном из них, как растут такие же, как он – с рождения преданные.

Может ли взрослый человек понять, что чувствует такой ребенок, глядя на ровесника, идущего рядом с матерью? А если душой и поймет, то вряд ли найдет слова, выражающие это пронзительно-недоуменное чувство детского одиночества.

В школе Лёша Строгов ровно и хорошо учился, отличался от одноклассников только какой-то не по возрасту задумчивостью. Но ведь в детских домах такая задумчивость – явление вполне обычное, ординарное.

А потом на девятилетнего Лёшку, что называется, упал Божий взор. Его отыскала тётка непутевой Лёшкиной матери. Перед тем, как умереть совсем молодой на далеком острове Кунашир, написала мать тётке покаянное письмо, в котором слёзно просила единственную свою родственницу отыскать брошенного ею, шестнадцатилетней, сына.

Ещё молодая, красивая, характерная (и от того, скорей всего, одинокая) тётка Нина на удивление быстро отыскала мальчика и также на удивление долго доказывала премудрым чиновникам свое право на усыновление внучатого племянника.

Всем известно, что страх и злоба имеют запах, который так хорошо чувствуют животные, также общепринято считать, что любовь запаха не имеет. И напрасно. Просто у каждой любви свой запах, своё воздействие, а избранные ею, любовью, его тонко чувствуют и до конца жизни не забывают.

Теперь дом женщины Нины, ставшей, наконец, матерью был переполнен запахом её любви. Это был запах сдобного теста, запах ягод и яблоч из маленького сада на косогоре, запах детской чистоты и букетиков цветов, которые ребенок постоянно совал в руку матери. И ещё запах меда, лимона и камфорного масла, которыми мать лечила частые Лёшкины простуды. Впрочем, теперь он был уже не Лёшка, а Лёшик. Особенно любил Лёшик ветреные, тревожные ночи, такие частые в городе, стоящем на крутом берегу великой реки. В кронах высоченных лип, окружающих их небольшой дом, стоял шквалистый гул. Ветер отчаянно раскачивал ветви старой яблони под окном и фонарь на углу дома, и от того по потолку и стенам квартиры металась таинственные тени и мальчику казалось, что кровать его стала лодкой, и несёт его на этой лодке куда-то в таинственное, неизведанное. От радостного страха у Лёшика обмирало сердце, и он не мог уснуть.

В цветастом своем халатике приходила мать, садилась на край кровати и, взяв руку сына в свою, пела ему о золотом городе в голубом небе и чудных зверях, живущих в райском саду.

Вот так, растя и воспитывая своего Лёшика (а это совсем не одно и то же), мать, как говорят в народе, «вытягивалась в нитку», и эта золотая нить материнской любви коконом опутывала ребёнка, чтобы к восемнадцати годам из него бабочкой вылетел красивый, добрый и талантливый человек.

Для того же, чтобы выяснить, как у тихого

мальчишки, словно гриб сквозь асфальт, прорезался талант скульптора, нужно вернуться в тот день, когда тетя Нина, ставшая матерью, привезла Лёшика в свой дом. Вечером того же дня с тортом в руках к ним пришел старик-сосед со второго этажа – Юрий Иваныч, известный в окрестных домах под кличкой Мамонт. Прозвище своё всеми любимым старик получил, во-первых, за гриву волос какого-то диковатого бурого цвета; во-вторых – за редкостную в наше время абсолютную неграмотность, а в-третьих, за то, что был Юрий Иванович совершенным трезвенником. Ну и как такого-то человека можно назвать? Только Мамонт.

Проработав всю жизнь столяром, вышел Мамонт, как и все российские трудяги, на нищенскую пенсию, и теперь жил тем, что вырезал оконные наличники по старому альбому, подаренному ему таким же стариком-музейщиком. Работу старого столяра, что называется с руками рвали, и сейчас жизнью своей старик был доволен. Строгую и умную соседку Мамонт очень уважал, оттого и пришёл посмотреть на обретенного ею сына. Мальчик понравился ему с первого взгляда, и, напившись чаю, столяр повел Лёшика в заветную свою мастерскую – большой угловой гараж, заросший махровым шиповником, так как машины у Мамонта отродясь не бывало. В чистом прибранном гараже было особенно уютно от обложенной камнем печки-буржуйки и пьянящего, смолистого запаха древесины. На полках стояли обработанные сказочные корни и сучья, стояло и лежало деревянное кружево наличников. Лёшик с робкой и счастливой улыбкой взял в руки стамеску резчика, а уже через месяц старый мастер ахнул, увидев каких резных воробьев посадил мальчишка на его наличники. Потом Мамонт принес и отдал матери немалые для их семьи деньги. Так что Алексей рано стал и как говорят в России, кормильцем, человеком, знающим цену рублю и хлебу.

По окончании школы Лёшик (теперь окружающие уважительно звали его только Алексеем) зарабатывал столько, что мать вполне могла не работать, но Нина уверяла сына, что не мыслит жизни без привычного коллектива и будущей пенсии. В армию Алексея не взяли из-за немного неправильно сросшейся сломанной ещё в детстве ноги, и он поступил в лесотехнический техникум. К окончанию его у Алексея было несколько дипломов за участие в художественных выставках, и в свои двадцать стал Алексей Строгов членом городского творческого союза художников.

Гордая и счастливая мать накрыла большой стол, а потом Юрий Иваныч повёз Алексея на давно обещанную дальнюю островную рыбалку.

Там и произошло с Алексеем нечто, что потом круто повернуло, вернее – перевернуло его жизнь.

Мужчины наловили спиннингами рыбёшки, сварили на костре душистой ухи, вечером наставили у островного берега раколовки и, затушив костёр, забрались в низкую палатку спать.

Старик стал сразу похрапывать, а Алексею по молодости не спалось, и он вылез из палатки. Сел на траву, огляделся и сразу подумал, что спать в такую-то ночь просто грешно. Стояло полнолуние. Над высоким правым берегом нависла огромная золотая луна, а вот дорожка лунного света на воде

была отчего-то серебряной. Да и всё вокруг: ивы и лозняк – было облито дрожащим серебром. Дневная волна уже не била о плёс, ветер стих, и над великой рекой стояла царственная тишина. В конце концов Алексей задремал и, как ему показалось, очнулся от громкого всплеска воды.

По лунной дорожке к берегу плыла большая рыба, и видно было, как по воде бьет её могучий хвост. Алексей вскочил и поспешил к воде, ноги вязли в песке, но уже на половине дороги застыл от изумления.

Опираясь на руки, из воды на берег не спеша выползла женщина с рыбьим хвостом. Сев на песок, она вполне земным жестом отжала мокрые волосы и так же, как люди на пляже подставляют лицо и грудь солнцу, подставила их лунному свету. Для ошеломленного Алексея остановилось время. Но вот русалка медленно повернула к нему голову и серебряной рукой поманила человека к себе. На негнушихся ногах Алексей пошел было к ней, но, немного не дойдя, остановился за большим валуном, в упор разглядывая речное диво. И округлое лицо с полуприкрытыми глазами, и тонкое, сильное, с высокой грудью и рыбьим хвостом тело – всё в женщине-мутанте светилось перламутровым блеском и было невыразимо прекрасно. Даже хвост. Но вместе с тем от неё исходил непреодолимый, первобытный ужас. Алексей стал отодвигаться дальше за камень, но русалка, сердито зашипев, оттолкнулась хвостом о землю и, подпрыгнув, вцепилась Алексею в рукав куртки. Сорвав куртку с себя, он молча бросился бежать.

Проснулся Алексей в палатке от утреннего холода и долго не мог прийти в себя от жуткого сна. Сердце у него колотилось словно и впрямь от быстрого бега.

Страх стал проходить только у костра, на котором Юрий Иванович наварил каши с тушёнкой и вскипятил чёрный, терпкий от листьев смородины чай. Держа между ладонями горячую кружку, Алексей рассказал старику про увиденный им сон, и старый Мамонт долго ворчал на него, объясняя, что нельзя долго смотреть на полную луну – «а то ещё и не такое привидится...». Потом, хмыкнув, добавил, что «оно, конечно, русалки здесь, в древней реке жили (а то откуда бы народ про них, хвостатых дев, узнал), но в теперешнем водохранилище не то что русалок, но и путной рыбы не стало».

Долго искали куртку, нашли её почему-то брошенной у воды, насквозь промокшей и, наловив еще полведра разной мелкой рыбёшки, зато набрав изрядное количество крупных раков, очень довольные отплыли домой.

Через несколько дней Алексею предложили солидный заказ на оформление нового ресторана в речном порту, при этом предоставляя полную свободу творчества и не особенно ограничивая в деньгах. А это означало, что можно будет купить хорошее дерево.

Как всегда, работа захватила Алексея, и он довольно быстро вырезал большое настенное панно на речную тематику, потом украсил лестничные перила завитками древних аммонитов и, объявив очень довольному заказчику, что основная работа будет закончена позже, два месяца почти не выходил из

мастерской. И вот к этой-то работе молодого мастера старик Мамонт отнёсся весьма неодобрительно. Алексей вырезал Русалку. Вырезал такой, какой она приснилась ему там, на острове. «Нечисть – она и есть нечисть. И нечего в неё душу вкладывать», – ворчал Юрий Иваныч. «Как бы тебе, парень, работа эта ещё не аукнулась!». Напрасно Алексей ссылаясь на авторитет любимого ими скульптора Коненкова, создавшего множество лесной нечисти. Мамонт только недовольно хмыкал и продолжал хмуриться.

Наконец, Русалку привезли в ресторан и посадили у лестницы с аммонитами на небольшой, отполированный волнами речной камень-валун. Когда мастер снял с деревянной фигуры закрывавшую её простыню, вокруг стало очень тихо. Тишина эта длилась довольно долго. Людям просто трудно было подобрать слова, ибо перед ними было не так часто встречающееся явление – красота, внушающая страх.

Из округлого, нарочито небрежно, грубоватой насечкой вырезанного хвоста выросло тело прекрасной молодой женщины. Вырезанное из благородного грушевого дерева, тщательно отполированное воском и оливковым маслом, тело это светилось в полумраке помещения, и загадочно-отталкивающе змеилась улыбка на юном лице, чуть запрокинутом вверх. Своими большими, полуприкрытыми глазами Русалка явно хотела там, на поверхности воды, что-то увидеть. И туда же, вверх, тянулась ее левая рука, явно намереваясь это «что-то» схватить.

Наконец, один из рабочих, прервав восхищенно-испуганное молчание, произнес: «Да, братцы, с водой не шути!». И тем, наверное, выразил общее настроение от созерцания деревянной скульптуры.

Хозяин-казачик пришел от работы скульптора в полный восторг и заплатил Алексею сумму достаточную, чтобы прожить им с матерью года два.

На радостях Алексей решил, что, пока есть деньги, им, то есть ему, матери и Юрию Ивановичу, нужно съездить и посмотреть Санкт-Петербург.

Он собрался было за билетами, когда неожиданно приехавший к ним плотный, черноволосый мужчина стал просить мастера вырезать украшение для лестницы в его новом доме. Алексей отказался. Но на следующее утро мужчина приехал уже не один. На этот раз с ним была его дочь. Очень смуглая, черноглазая девушка, почти девочка, стояла рядом с отцом, беззастенчиво-любопытно разглядывая светловолосого и светлоглазого Алексея, и от волны её легкой вьющихся волос словно струилось антрацитовое сияние.

Явный расчёт мужчины, повидавшего жизнь, оказался верным. Алексей, пообещав себе, что это будет последний частный дом, где он работает, принял заказ.

В большом, безвкусно богатом коттедже девушка, сев на ступеньку лестницы, произнесла: «Отец хотел здесь птиц, но я хочу кошек». Голос у девушки оказался властно-сухим, резко контрастирующим с её красотой и юностью.

Отец послушно кивнул головой.

Так же послушно Алексей вырезал на одном столбике маленького котенка, свернувшегося клубочком на узорной подушечке, а с другого столбика

лестницы к котенку спускалась кошка, и на её поднятой к котенку мордочке читалась материнская нежность.

Нежность, верный спутник первой любви, испытывал и Алексей, глядя на Гулю. Так звали черноглазую девочку, которая по-прежнему, сидя на ступеньке, ежедневно наблюдала за работой Алексея. Теперь она, как и все женщины этого дома, всё время молчала. Но в день окончания работы, вставая, вдруг громко, спокойно-равнодушно произнесла: «Жаль, что ты не наш. Русский и бедный. А то я бы вышла за тебя замуж. Ты красивый».

Глядя на лестницу, гости дома восхищенно цокали языками. А хозяин, щедро расплачиваясь, сказал: «Спасибо, мастер! Но про дочь – забудь. Цветок для другого сада». И уже в спину уходящего Алексея почти доброжелательно бросил: «Берегись!».

Теперь Алексей уже не говорил о поездке. Его, словно магнитом, бездумно тянуло к тюремно-высокому забору коттеджа. Через несколько дней его ударил по плечу камешек, завернутый в мятую безграмотную записку: «Уходи. Приехали братья. Прачай».

Алексей читал у забора записку, а через тонированные стекла стоящей через дорогу машины за ним следили такие же чёрные, как у Гули, глаза.

Вечером, когда, возвращаясь из мастерской, Алексей зашел в подъезд, на его спину обрушился сильный, швырнувший его на ступеньки удар, а затем режущая боль обожгла лицо, и кровь мгновенно залила глаза Алексея.

Мужчина, наклонившийся над слепым от крови лицом, каким-то знакомым, равнодушно-спокойным голосом произнес: «Ну что, получил свое, мохор безродный!». Громыхнул металл двери, и Алексей, сумев вслепую нажать на кнопку звонка, успел упасть на руки матери.

Ушиб оказался неопасным, но от уха до губ пролегал глубокий ножевой порез, явно сделанный с единственной целью – обезобразить красивое и мужественное, совсем молодое лицо. Прибывшая скорая обработала рану, привела в чувство потрясенную мать, но забрать Алексея в клинику не дал Юрий Иванович. Решительно заявив, что от швов останутся следы, он сам взялся лечить Алексея. Побледневший старик сразу же наложил на страшный порез сосновую живицу, полночи варил для перевязок зверобойное масло, и, к удивлению врачей, меньше чем через месяц на лице Алексея был аккуратный сросшийся рубец, обещавший со временем превратиться в тонкую нитку шрама.

Но, снимая последнюю повязку, старик вдруг настроенно сказал матери: «Лицо-то у него совсем заживет, а тонкий шрам нашего красавца не испортит. Но вот глаза у парня... Ты, Нина, присмотри за ним». Но мать не досмотрела, не успела...

Услышав посреди ночи стук падающего тела, Алексей увидел мать, лежащую под открытым настежь окном, жадно пытающуюся вдохнуть воздух. Умерла она в машине скорой помощи.

В больнице врач долго пытался что-то объяснить Алексею, говорил про какой-то тромб, но, посмотрев на окаменевшее лицо и пустые глаза стоящего перед ним человека, похлопал его по плечу и, вздохнув, вышел.

А на Алексея, в опустевшей квартире навалилось, казалось бы, забытое, детдомовское одиночество. Даже хуже. Там в одиноком детстве подсознательно ещё жила надежда на будущее. Сейчас же одиночество было по-стариковски безнадежным. Казалось, что дверь в будущую жизнь в одночасье захлопнулась, а в щель из-под двери несет сладковато-кислым запахом крови и железа. Как тогда, в подъезде. Молодую, неокрепшую душу Алексея охватило стариковское чувство незащитности и безнадежности. И в час, когда чувства эти достигли предельной остроты, Алексей вышел во двор, срезал бельевую веревку и пошел в соседний парк. Жить дальше не имело смысла, но осквернить теплый мамин приют самоубийством казалось ему кошунственным.

Невидяще и отрешенно пересёк Алексей широкий двор, и так же, незряче, вошёл в толпу людей, стоящих у углового кафе. Очнувшись от возмущённого голоса, он увидел перед собой женское лицо. Вернее то, что когда-то было лицом женщины, а сейчас походило на печеное яблочко жутковато-чернильного цвета, обрамленное неопределенно-грязного цвета шарфиком. Вокруг женщины толпились с дюжину таких же безвозрастных фигур, и невероятным казалось, что эти несчастные существа были когда-то детьми с чистыми лицами и ясными глазами. Лиловое личико женщины вдруг скорбно скривилось, из опухших глаз-щёлочек брызнули слезинки, и она жалобно запричитала, заголосила: «Люди добрые! Ведь горе-то у нас какое! Серёга наш удавился! Вот и поминаем!». Алексей резко рванулся из пьяной толпы, и его рука непроизвольно сжала в кармане верёвку. Между тем, догнав Алексея и вцепившись в локоть куртки, женщина продолжала кричать: «Ну и дурак! Что удумал! Зачем душу-то свою загубил?! Вот, как теперь мне за него молиться?! Вы, люди, гляньте, небушко-то какое! Гляньте и живите!».

Ошарашенный пронзительными воплями, а главное, смыслом услышанного, Алексей послушно посмотрел вверх, на небо и замер, потрясённый увиденным. Без единого облачка, непередаваемого синего цвета бездонный хрустальный купол до горизонта накрывал землю, и почти осязаемый поток радостного света лился на неё из небесного хрустала.

Это потом, в другой своей жизни, скульптор Строгов узнает, что уже давно трепетным русским художником написано это небесное чудо и названо полотно «Февральская лазурь». И что писал художник эту картину, лежа на снегу, запрокинув лицо в небо. Наверное, только так и можно было написать такую непостижимость и необъятность.

Медленно выходя из стресса, чуть не выбросившего его из жизни, буквально вползая в реальность окружающего, Алексей повернулся и пошел обратно, по пути швырнув веревку в мокрый снег. И здесь его вдруг осенило. Ведь это мать вернула его к жизни, показав ему то голубое небо, про которое она так часто пела в его детстве и в райском саду которого она сейчас пребывает! Мама хочет, чтобы он жил и помнил о ней, ведь мы, в сущности, продолжаем жить в этом мире, пока в нём есть хотя бы один помнящий нас.

Алексей бросился обратно. Теперь ему просто необходимо было увидеть маленькую бродяжку в нелепом колпачке из грязного шарфика. Но на ступеньках кафе сидело только трое мужчин, доедавших из бумажного пакетика пирожки. На вопрос о женщине, они слегка оживившись, заговорили: «А кто её, Райку, знает? Она сама по себе живет. Приходит, когда ей нужно. С нами дед, почитай, год жил. Так Райка к нему прошлый раз сына привела. Сытый такой мужик, отца-то от нас и забрал. Вот сейчас пенсию на поминки Сереге спустила. Чем теперь жить будет?» – задумчиво проговорил мужичок в напяленных один на другой трёх свитерах. «Проживёт», – уверенно ответил второй, заглядывая в опустевший пакет. «Она, Райка, блажная. Ей Бог подаёт».

На осиротевшей кухне Алексей включил чайник и пошел за Мамонтом.

Через день позвонили из городской администрации. С Алексеем Строговым хотел встретиться приехавший в город по делам финский лесопромышленник. Сносно говорящий по-русски (русская бабушка – пояснил финн), он приглашал Алексея на работу в свою страну, предлагая скульптору долгосрочный, интересный и выгодный контракт. В городке своего рождения богатый финн хотел отреставрировать старую кирху, где его крестили. Увидев Русалку, он очень заинтересовался работами Алексея и теперь хотел, чтобы этот русский скульптор выполнил в кирхе все работы по дереву.

Первой мыслью Алексея было – отказаться. Не отошедший от потери, очень стесняющийся свежего шрама на лице, он и сам не знал – сможет ли он в ближайшее время взять в руки инструмент резчика. Но там, в ресторане, пожилой, эрудированный человек увлёк молодого мастера рассказами о сказочной красоте резного Мариинского алтаря в соборе Кракова, деревянных Чёрных Мадоннах Франции и Швейцарии, знаменитых работах Франсуа Рюда. Ссылаясь на незнание языка, Алексей попросил у финна два дня на размышление. И, несмотря на то, что Юрий Иваныч настойчиво советовал ехать, Алексей продолжал колебаться, словно ждал какого-то знака. Знак не замедлил последовать. Оттолкнув могучим плечом Алексея от прилавка магазина, парень, выскочивший из дорогой машины, взглянув на его лицо, злобно и весело прокричал: «Отвали, меченый».

Вот уж, действительно, как сказал великий поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» «Меченый...» отозвалось Алексею отъездом. Алексей уехал в Финляндию. Ему казалось, что поездка не будет особо долгой. Просто заработает денег, чтобы посмотреть Европу и поучиться.

Но работа в кирхе заняла год. Алексей, взявший очень рано в руки резец, всегда с головой уходил в работу, но сейчас, впервые работая в церкви, он

вкладывал в работу всю душу, и прекрасное дерево под его руками оживало и торжественно пело. И какое же чувство гордости охватило Алексея Строгова, когда старый пастор, благоговейно глядя на могучих и вместе с тем преисполненных доброты ангелов, вырезанных молодым мастером на дубовых церковных дверях, покачивая головой, восхитясь до слез, произнес: «О, эти русские, русские!». А потом пастор поехал к своему другу-лесопромышленнику и за чашкой кофе о чём-то долго говорил с ним.

Через месяц, на Рождество, приехала из Хельсинки, оканчивающая там учебу дочь заказчица, и за праздничным столом молодые люди сидели рядом, а на следующий день ходили по огромному парку на лыжах, стряхивая друг на друга снег с еловых лап и беспричинно смеясь. Перед отъездом светловолосая Энэ пришла вечером к Алексею, и её пальцы нежно и бережно погладили белую нитку шрама на его лице.

Через два года жена родила ему крепеньких, как дед, светловолосых, как мать, двойняшек. И хотя кабинет преуспевающего скульптора Строгова заставлен книгами на русском языке, в его речи уже слышен мягкий финский акцент. Но в зимние ночи, когда деревья парка тревожно гудят, а позёмка полирует озёрный лёд, Алексей по лестнице, которую охраняет добрый деревянный домовый, поднимается в детскую комнату и поет сыновьям песню о чудном городе в бескрайнем голубом небе и хрустальной звезде над ним. И тогда акцент в его речи исчезает.

По всем житейским меркам молодой скульптор вполне благополучен. Но в глубине своей талантливой души Алексей понимает, что благополучие – это ещё не счастье. Понимает он и то, что не может быть счастливым человек, которого судьба сделала чужим среди своих и своим среди чужих. Но Алексей Строгов, восхищенный «Гением Родины» знаменитого Франсуа Рюда, вынашивает мечту создать «Гения России» – скульптуру, которая должна стать главной работой его жизни. Теперь скульптор Строгов слышит имя Россия как бы со стороны, и от его звучания у Алексея, как в детстве от сильного ветра над Волгой, сладко и тревожно замирает сердце.

А Россия... Ну что – Россия? В угаре очередной смуты она и не заметила, что из ее железной короны выкатилась ещё одна жемчужина. Да и мало ли таких жемчужин укатилось от неё в чужие снега, за чужие моря-океаны?!

На малой же родине Строгова, городе на семи ветрах, можно сказать, среди бела дня, пропала уже ставшая городской достопримечательностью Русалка. Потрясённый хозяин, теперь уже трех ресторанов, уволил всю охрану и половину персонала. Но только через неделю исчез и речной валун, на котором Русалка сидела. И это было уже совсем странно! Камень-то кому мог понадобиться?!

СТИХИ УЧАСТНИКОВ ЗИМНЕГО ФЕСТИВАЛЯ ВЕРЛИБРА В УЛЬЯНОВСКЕ

Гала УЗРЮТОВА

* * *

знали только что солнце встает на востоке мы
нас так учили и мы поверили
пошли на восток
а там другие люди
говорят что солнце встает на западе
вы ничего не знаете сказали мы
и ушли домой
смотреть как солнце встает на востоке мы

* * *

я не просил
просил только снега сыпать
снега окунуться чтобы
снега наверного
снега крупного
пой пока снег идет – пой
пока он белый

* * *

здесь я родился и никогда не уходил далеко от этой пещеры
для меня немислимо надолго покинуть эти места
мы все выросли на этой земле
в этой самой пещере
и наши предки и наши дети

я всем доволен
я вместе со своими братьями и сестрами
что нам делать в городе
я не хочу уходить отсюда чтобы жить в городе
хотя и там такие же хорошие люди
как здесь в пещере

Нина КОВАЛЕНКО

ОДИНОЧЕСТВО

В комнате - никого. В кухне – никого
В коридоре - никого.
А вот в зеркале кто-то есть!
Это - я! Вот с ней и поговорю...

БЕССОННИЦА

Часы. Постель. Ночь за окном.
А в мыслях - кутерьма. Шаги, шаги, покоя нет...
А утро на часы не смотрит, идёт спокойно,
Зная своё Время...

КТО В ДОМИКЕ ЖИВЁТ?

Вот - сердце, домик для любви.
Она в нём век живёт.
Домик ветшает и ветшает,
А она всё - юная...

Наталья ГОРОБЕЙ

* * *

Судьбы резец шлифует образ мой.

* * *

Томится Дух в застенках плоти.

Наталья ОСИПОВА

* * *

стирается моя тень среди дней
только в музее между картин
вижу её иногда

* * *

в детстве как-то усваиваешь
что вопроса «что значит быть»
не должно быть

* * *

тихий утренний дождь
бездомные псы спят
пригревшись на тёплой дороге

* * *

мчит на роликах мимо Иверской
старушка седенькая
и крестится крестится крестится

* * *

что ты дерево размахиваешь ветками
словно случилось что там у тебя
это не там у тебя а здесь у меня

Татьяна ВИНОГРАДОВА ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ВЕРЛИБРФЕСТ

В малюсеньком Милютинском садике
уютно расположились:
Зверевский центр современного искусства,
мамочки с колясками (на дорожках),
бомжи с пластиковыми пакетами
у натруженных башмаков (на скамейках),
огромная крыса с ухоженной шёрсткой
(где-то рядом)

и компания подростков с рэпом и пивом
(в самом дальнем углу, где сходятся
две стены сплошного граффити).

Мамочки невозмутимо катят коляски,
бомжи дремлют, прижимая башмаками
пакетный скорбный скарб
(видят во сне, как Серёга Есенин угощает
их спиртом),

тинейджеры тихо, но весело бесятся
от пива, рэпа и весны

– и всем этим обитателям садика
глубоко наплевать,

что внутри деревянного длинного домика
чёрно-огненная змейка с огромными глазами
по имени Лилия Газизова
читает стихи без метра и рифмы,
льющиеся, вьющиеся...

Такие стихи могла бы писать Лилит.
И что до Лилии-Лилит выступал патриарх –
Вячеслав Куприянов.

Просветил он нас, грешных,
относительно смысла жизни у медведей,
деревьев и птиц.

И что Данила Давыдов
(в натруженных башмаках)

прокаркал картаво о смысле смерти –
и все поэты пригорюнились.

А Юрий Борисович Орлицкий взорлил
над аудиторией

с итальянскими переводами –
красы необыкновеннейшей...

А потом выступал евразийский акын Баир
Дугаров –

и его стихи и пересказывать-то страшно –
ширью степей захлебнешься,
Чингисхану под копыта попадешь...

Но не ведают о том обитатели
Милютинского садика.

И пролетает в небе над ними
молчаливая ворона,

и крыса встаёт на задние лапки
и долго машет ей вслед,

и крапывает над Милютинским садиком
весенний нежный дождик.

Вразной крапывает, нестандартно.
Верлибром.

26.04.2015

Татьяна ВИНОГРАДОВА (Москва), поэт, литературовед, переводчик, художник-график. С 1997 – участница ежегодного фестиваля русского верлибра. Заочный участник Зимнего фестиваля верлибра в Ульяновске.

О ВЕРЛИБРЕ

– Дайте дефиницию верлибру!

– Не дам! Кто я такая, чтоб давать дефиницию верлибру?! М.Л. Гаспаров бился-бился – не добился, Ю.Б. Орлицкий гадал-гадал – не разгадал, а вы хотите, чтоб пришла Виноградова, и так вот, походя: «Верлибр? Да ладно! Взять всё, да и поделить».

...Верлибр – это свободное дыхание. Это свободный, в большинстве случаев нерифмованный, НЕстандартный, НЕ оснащенный «сигнальными звоночками рифм» поэтический поток, организующим началом которого является Мысль. Причем поток предельно индивидуализированный.

Все плохие верлибры похожи друг на друга. Все хорошие верлибры свободны по-своему. Сейчас верлибром не пишет только ленивый. И считается так: напишу-ка без ладу, без складу про себя, любимого. Ну и немножко про мир этот гадкий. И вот уже вроде бы и верлибр вылупился. С верлибром – как с абстрактной живописью. Малевич к «Черному квадрату» всю жизнь шел, мучился, искал, уходя от фигуративности и погружаясь в философские пучины, в ту бездну, которая, по Ницше, «тоже смотрит на тебя»... А тут приходит некто и заявляет: а я тоже так могу. Взял линейку, черный маркер – и вот он, черный квадрат, очень даже похоже.

Верлибр витает меж стихом и прозой. Ю.Б. Орлицкий в монографии «Стих и проза в русской литературе» (М., 2002) соглашается с Гаспаровым в том, что верлибр от прозы отличается лишь тем, что слова записаны в нем «в столбик», а не в строчку, но при этом цитирует Вячеслава Куприянова: «Свободный стих является не одной из систем стихосложения, а третьим, самостоятельным по отношению к стиху и прозе, типом ритмической организации речевого материала». Солидаризируюсь с Куприяновым. Это как с моим любимым определением драмы: не эпос, не лирика, а «живое и самостоятельное третье».

...Интересно, что верлибр может быть похожим на драматические миниатюры. Кстати, как драма постепенно освободилась от навязанных ей классицистических канонов (принцип «трех единств» и т. д.), так и верлибр, представляющий новую стадию развития поэзии, постепенно сбрасывает с себя ненужные, удушающие ограничения и покровы, дабы самовыражение автора стало поистине свободным и полным.

Верлибр уникален тем, что у него нет каких-то всеобщих, обязательных для всех законов. Он – у каждого свой. У кого-то в нем вполне может суще-

ствовать даже и рифма. Факультативная, от избытка дыхания, а не от избытка усердия. Верлибр представляет собой апофеоз индивидуализма в поэзии. Причем он в куда большей степени исповедален, нежели поэзия традиционная. В ней, родимой, можно спрятаться за размер, позвенеть рифмами. А тут – голый человек на голом листе. Во всей своей загадочной неприглядности.

Говорят, в будущем можно будет «под себя» настраивать транспортные средства, жилые дома... Да уже сейчас у каждого мобильника – свой дружелюбный интерфейс, конфигурацию которого можно изменить, подогнав под свои требования и настроения. Вот таков и верлибр. Он – выражение предельного, крайнего индивидуализма поэта в диалоге его с миром. И вместе с тем верлибр предельно вместителен, он способен ненавязчиво вместить (за-местить?) весь этот мир. Несколько лет назад на одном из верлибрических фестивалей было выказано предположение, что в верлибр партизанским образом все чаще станут вновь пробираться рифмы. Но при этом они утратят свое «превосходство», перестанут быть самодовлеющими.

Я глубоко убеждена, что точных рифм в любом языке – конечно, довольно-таки ограниченное количество. «На вот, возьми ее скорей!» – возьми хотя бы в словаре рифм. И пиши, т. е. рифмоплетствуй. Рифма нужна была в древности, в дописьменную эпоху, дабы лучше наизусть запоминалось. Посмотрите: поэты-верлибристы очень редко шпартят свои творенья наизусть. Зато есть бумага. И есть компьютер. Когда печатаешь практически со скоростью мысли... И можешь этим тут же зафлудить целый сетевой свет... Тут и без рифмы все всё прочтут. Правда, вряд ли запомнят...

А вообще – очень забавно, когда наивные читатели (и даже иногда – критики...) задают тебе вопрос: а вы пишете верлибры, потому что в рифму не умеете, да? Да умеем мы, умеем! Но почему все время приходится это доказывать?! Почему в массовом сознании все еще живет восприятие верлибра как чего-то второсортного по отношению к истинной поэзии, которая не может якобы существовать без метра и ритма (или, на худой конец, без икта и междуиктового интервала)? Очень хочется иногда спросить какого-нибудь записного рифмача: а вы не пишете верлибров, потому что не в силах без рифмы обойтись, да?

(Журнал «Дети Ра»)

Сергей ГОГИН, Ульяновск

ВРЕМЯ ВЕРЛИБРА

время верлибра –
время свободного духа –
пробивается сквозь
напластования каждодневности –
ввысь –
и танцует с облаками

счастье реально
когда мир умолкает в предчувствии осени

дрожит ольха
стряхивая температуру солнца
люди поворачиваются к уходящему свету –
дозревающие подсолнухи! –
взвешивая на ладонях
свое виртуальненькое счастьеце

пока свободный стих
танцует с облаками
природа отмечает
галочками птиц на небесном табло
сколько дней осталось до весны

SPACE / BACKSPACE

Пробел космоса.
Космос пробела.
Пробел-пробел. Космос-космос.
Ещё пробел. Ещё космос.
Итого: три пробела – три космоса.
И ещё один. Уже четыре космоса.
Backspace. Минус космос.
Backspace. Backspace. Минус два космоса.
Остался один космос.
Backspace – и мы в начале творенья.
Или до начала творенья.
Enter. Новое начало.
А старое начало так и не началось.
Backspace. Вернулись к началу начал.
Пробел-пробел. Космос-космос.
Когда уже пойдут символы?
А пробел – символ!
И космос – символ.
А вовсе не пустое место.

ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Вечная женщина тёплого дерева,
подарю тебя другой,
из плоти и крови:

возьми её руку,
согрей её кровь,
успокой её сердце.

Белое тело твоей сосны
да пахнёт её кожей,
кожа её – да вберёт запах леса.

Женщина крови
и женщина сосны,
подарю вас друг другу –
и будьте как сёстры.
Только жаль –
надо с вами расстаться.

В БАРЕ

И холод в глазах,
и веки подернулись инеем,
и холод прошелся по телу
и остался на кончиках пальцев,
и кубики льда громоздятся в высоком стакане,
как айсберги,
и между нами простерлась поверхность стола,
но не хватило бы жизни на то,
чтобы мне пересечь это
поле –
я попытался,
но в полированных отблесках ламп цветомузык
тотчас заблудился
и растерялся.

И через кубики льда,
через холода призмы
проходят, чудно преломляясь, гитарные соло,
и барабанщик намерен
внезапным ударом
разбить наши призмы волшебные,
как рафинад.

(Если можно, потише. Благодарю.)
Я обожаю холодный коктейль,
когда смешаны в нем
твоя гордость и беззащитность,
свежесть ума и наивность ребенка,
и я пью, ощущая с восторгом, что вновь –
в который уж раз –
умираю от жажды.

ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ

Да, они абсолютно безмозглы. Ну и что?
Они знают свое дело и делают его хорошо.
Кто сказал, что эстетика должна быть умной?

Возьмите лопату, желательна старую,
копните неглубоко, но с чувством,
и на поверхности взлохмаченной
металлом земли
увидите его,
почвенника-бродягу,
бессловесного землекопа,
скользкий шнурок шевелящегося тела.
Что он такое? Пищеварительный тракт,
перетянутый кольцами мышц.
Чего же боле, сказала бы онегинская Татьяна
и упала в обморок при виде
этого вечнообнаженного тела.

А может, наоборот,
приласкала бы его, бедолагу,
всё-таки она была русская душою
(а черви имеют национальность?)...

Но если нет в вас почтения
к отечественной литературе,
если не возникало у вас желания
размять в руке жирный ком земли –
тогда гуляйте лучше по асфальту,
ибо незачем вам ступать по этой голой
влажной почве,

где живут братья мои,
дождевые черви.

Они делают грязную работу,
но сами остаются чистыми.
И помыслы их чисты.
Но не потому, что им нечем думать.
Просто незачем.

Вот только дождик всё портит.
От дождя они просто дуреют
и становятся романтиками.
Вылей на них тучку подогретой воды –
и забудут о своей родине,
и выползут наружу,
и попрутся неведомо куда,
и будут умирать толпами.
Лука на асфальте – их обетованная стихия,
чужая и смертельная, но неотвратимая,
как зов судьбы.
Вот и гибнут глупые романтики
в стремлении к новой жизни
и призрачным впечатлениям,
которых даже не в силах осмыслить.
Гибнут, ибо не знают,
что нельзя быть червём
и романтиком одновременно.
Червь-романтик – это нонсенс,
это форма суицида,
это неприлично, наконец.
Но – как странно! –
именно благодаря этим
романтическим самоубийствам
червей называют дождевыми,
хотя их постоянная обитель – почва.

Как знать, может, в гибели каждого
стихийного романтика
зреет начало нового разумного вида?

* * *

белое на голубом – это
безымянный документ на фоне
рабочего стола
когда белое запестреет чёрным
я дам ему имя
ибо память не держит того
чему нет названия
забыл имя – прощайся
с файлом как с человеком
не найдёшь его даже
если он ещё не убит

* * *

Затерянный между
жизнью и не-жизнью,
я читаю Св. Иосифа
и многого не понимаю,
но поэма так длинна,
холодна и обстоятельна,
что не дает умереть желаниям.

Найти бы простую рифму –
платиновую скрепку двух истин,
которые станут одной.

* * *

в ваш аккаунт выполнен вход через
Chrome Россия Ульяновск
бром Россия Биробиджан
бред Россия Бряндино
блин Россия Сенгилей
боб Россия Бобья Уча
бабья участь России
участок бэльём поросший
бобыль на бобыле бэльём погоняет
бэльём бывшим белым когда-то
когда это было
когда это было
когда письма слали с оказией
а не с аккаунтов
когда хром был как праздник
а кирза на каждый день
чтобы пара служила лет двадцать
потому что зачем если можно босиком
выполнить вход через
лес поле реку болото и дальше
где белеется что-то Россия что ли
и что-то блестит не хром ли
и там же наверное выход
или исход
в исходную
точку
входа

* * *

Воля и труд.
Родина и свобода.
По газонам не ходить, на хвосты не наступать.
«Чувак, закурить есть?
А по морде?»

* * *

Поэт – это
ныряльщик за жемчугом,
отдающий воде
свою кожу.

Сергей ГОГИН, поэт, журналист. Руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке № 8 (http://new.vk.com/lit_vosmerka/).

АБС – КЛЮЧ, ОТКРЫВАЮЩИЙ СОВРЕМЕННОСТЬ

13 февраля 2019 года в литературной студии «Восьмёрка» обсуждали творчество братьев Стругацких. Вот краткое содержание дискуссии с изложением прозвучавших мнений.

– Аркадий и Борис Стругацкие (АБС) – это ключ, открывающий современность. Они говорят на нашем языке. Они говорят об актуальном, о проблемах, стоящих перед человечеством. Стругацкие – это остросоциальная литература в оболочке фантастики, вполне реалистическая проза с «введением элемента необычайного» (по определению Кобо Абэ). АБС – представители модернизма в русской (советской) литературе.

– Стругацкие – советские интеллигенты, шестидесятники, в свое время вполне увлеченные социалистической идеей и идеей нового человека. Образ такого человека, как и образ коммунистического (коммунарского) будущего, они придумали и описали, как и «программу воспитания людей».

– «Прогрессорство», вероятно, содержалось в самой позиции АБС, которые были голосом либеральной интеллигенции, в чем-то оторванной от народа, но преисполненной модернизационного романтизма и добрых намерений.

– Как АБС удавалось преодолевать советскую цензуру?

Мнение Сергея Юрьева: «Силой своего авторитета в литературе, силой личности. Они завоевали авторитет во влиятельных кругах, в том числе властных».

– Есть Стругацкие для отдыха, развлечения, для «коммерции», а есть Стругацкие «оборзевшие», то есть несогласные, «идейно чуждые». Прочитайте роман «Трудно быть богом», в частности описание портрета дона Рэбы – не напоминает ли вам этот портрет какого-либо известного политического деятеля современности? Откуда у АБС в начале 60-х было столько провидческой силы? Возможный ответ: они всё это видели вокруг себя, взяли эту картинку из кон-

текста своей эпохи. Роман этот был задуман как развлекательный рассказ в духе рыцарских романов, но талант не позволил написать чисто коммерческую вещь, герои начали своевольничать.

– Есть читатели, которые отказываются видеть у АБС социальность, другим же она просто бросается в глаза. Это говорит о многогранности их творчества. Тем более что книги Стругацких – это, в основном массиве текстов, просто хорошо написанная литература.

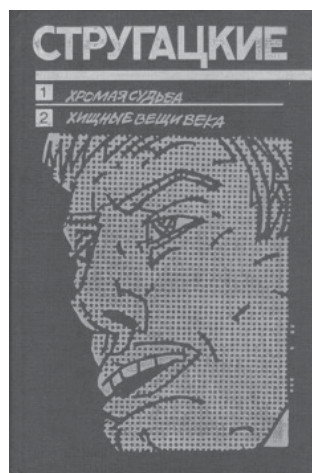
Мнение Сергея Юрева: «Книги такого рода, появившись они сейчас, не заинтересовали бы современного читателя, он бы их просто не осилил».

– АБС часто отказывались от объяснений того, что у них происходит в романах, часто «подвешивали» открытый финал, приглашая к размышлениям и интерпретациям.

Мнение: не нужно разгадывать Стругацких, достаточно их читать. Кто хочет, тот разгадывает, остальные – наслаждаются словом и сюжетом. Уровень или глубина восприятия АБС зависит от того, кто их читает. В этом смысле, читая книгу, человек во многом читает себя, находит в ней то, что важно ему, читателю, для познания себя любимого. Поэтому любая книга – проекция читающего ее. Оскар Уайлд сказал, что красота в глазах смотрящего.

А вот отдельное мнение участника дискуссии Дмитрия Сергеева:

«Главное, чем мне было интересно это обсуждение, – это актуальность творчества братьев, как мало кого ещё в современной русской литературе. Но на обсуждении мы сразу столкнулись с проблемой: насколько корректно связывать часто абстрактное и фантастическое творчество братьев с реальной историей СССР, а потом России? Ведь творчество Стругацких в первую очередь ценят за красоту и мощь их сюжетов, за приключения и точно выписанные характеры. И даже их философия ценна тем, что может быть использована для совершенно разных исторических ситуаций, а не только для 70-х, 80-х, 90-х годов двадцатого века. Проблемы, которые поставили братья Стругацкие, достаточно универсальны. Ещё тут надо учитывать такую вещь: люди, увлекающиеся фантастикой вообще и Стругацкими в частности, уходят в эту литературу именно из-за желания

отстраниться от текущих проблем, от реальной политики и т. д. Фантастические литературные миры реально служат подобием анестезирующего, если не наркотического средства, а тут мы, и я первым, предложили рассматривать творчество братьев не как уход от мира и конкретных исторических реалий, а ровно наоборот: как средство, которое может помочь понять суть именно конкретных исторических реалий.

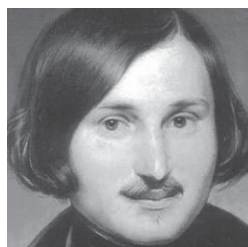
Я не настаиваю на неизбежной историчности и социальности романов и повестей братьев. Их творчество, бесспорно, можно рассматривать с разных точек зрения, но мне они сегодня интересны в контексте именно конкретного исторического времени и социума, в которых они творили. Дело в том, что творчество Стругацких во многом стало идеологическим гуманитарным содержанием российской либеральной интеллигенции. Той самой, которая попробовала взять власть в России в 90-х годах прошлого века и которая духовно чувствовала себя теми самыми «прогрессорами» из романов братьев. Все те, кто называл себя младореформаторами, – все они были воспитаны на творчестве братьев и ощущали себя призванными повернуть Россию к цивилизации, к разуму и истинному прогрессу. Это ведь тот самый момент, на который нужно дать ответ: зачем мы читаем? Творчество Стругацких послужило для этого поколения, которое попробовало прийти к власти в России в 90-х, смысловой и духовной опорой. Они отнеслись к выводам и рассуждениям братьев не только как к успешной беллетристике, но и как к призывам изменить мир к лучшему. Не получилось. Почему? Ответ, на мой взгляд, кроется в одной фразе из частного письма Бориса Стругацкого Аркадию, когда они ещё в 60-х годах прошлого века прочли рассказ Солженицына «Матрёнин двор»: «Для меня (и для тебя тоже) коммунизм – это братство интеллигенции. На солженицынских матренинах коммунизма не построишь». Я вижу в этой фразе главную и коренную ошибку русской интеллигенции: осуществлять прогресс и реформы вопреки народу, не прислушиваясь к его мнению и не понимая его желаний. Так поступали большевики, придя к власти, так, по сути, стали поступать и младореформаторы в 90-х».

Братья Аркадий и Борис Стругацкие – советские и российские писатели, соавторы, классики современной научной и социальной фантастики.

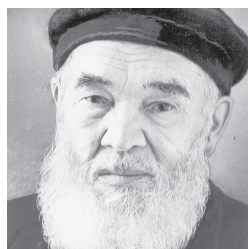
Общий тираж произведений братьев Стругацких превышает 40 миллионов экземпляров. Помимо российских изданий, их книги выдержали более 620 изданий на 42 языках в 33 странах мира. По их произведениям поставлено более 15 экранизаций, а в 1998 году учреждена Международная литературная премия им. А. и Б. Стругацких.

АПРЕЛЬ 2019

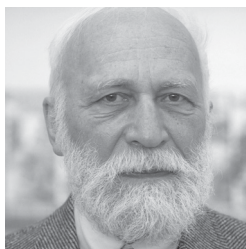

1 апреля – 210 лет назад родился писатель Николай Васильевич Гоголь (1.04.1809, с. Сорочинцы Миргородского у. Полтавской губ. – 4.03.1852, г. Москва). Автор комедии «Ревизор» (1836), поэмы «Мёртвые души» (1842), повестей «Тарас Бульба» (1835), «Портрет» (1835), «Нос» (1836), «Шинель» (1842) и др. Собирался приехать в Симбирск в 1841 и 1850 годах. По неподтверждённой версии, в 1851 году приезжал к П.В. Анненкову в с. Чириково Симбирской губернии. В Ульяновске именем Гоголя названы улица и переулок.

1 апреля – 95 лет со дня рождения чувашского прозаика Константина Константиновича Петрова (1.04.1924, д. Чувашское Пимурзино Буинского кантона ТАССР, ныне Буинского р-на РТ – 2.11.2007, г. Чебоксары). Окончил Ульяновское чувашское педагогическое училище (1941). Работал журналистом, преподавателем Казанского и Чувашского университетов. Автор книг «Лина» (1959), «Подъём» (1961), «Любовь и яд» (1972), «Винные» (1995), романа-биографии о космонавте А.Г. Николаеве и др. Член Союза писателей СССР (1976).

1 апреля – 80-летний юбилей отмечает детский писатель Валерий Михайлович Воскобойников (р. 1.04.1939, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Окончил Ленинградский технологический институт. В 1970-е годы заведовал отделом прозы и поэзии журнала «Костёр».

Автор более 60 книг для детей, в т. ч. «Тетрадь в красной обложке», «Остров Безветрия», «Великий врачеватель». Участвовал в Неделе детской книги в Ульяновске 29 марта 2016 года, провёл встречи в библиотеках города. Член Союза писателей С.-Петербурга.

3 апреля – 190 лет со дня рождения писателя и публициста Валериана Никаноровича Назарьева (3.04.1829, с. Аникевка Карсунского у. Симбирской губ., ныне не существует – 12.03.1902, г. Симбирск). По другим данным, родился 24 марта. Жил в с. Новое Никулино Симбирского у. (ныне Цильнинский р-н).

Учился в Казанском университете. Автор статей и очерков «История одной волости», «Современная глушь», «Вешние всходы» и др. Комедия «Золотые сердца» была поставлена на сцене театров Москвы и Симбирска.

5 апреля – 170 лет назад родилась поэтесса, драматург Александра Дмитриевна Львова (Шидловская) (5.04.1849, г. Москва – 11.06.1932, ?). Инспектор Московского театрального училища. Провела детские годы и бывала впоследствии в имении у бабушки в Симбирской губернии (д. Марьевка и с. Богородская Репьёвка Симбирского у., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Автор сборников «Поэмы и песни», «Водоросли», поэм «Марина Мнишек», «Волшебник Мерлин», «Легенда будущего», текстов нескольких романсов и др.

5 апреля – 135 лет со дня рождения чувашского поэта и переводчика Гаврилы Алексеевича Коренькова (5.04.1884, с. Тюрлема Чебоксарского у. Казанской губ., ныне Старая Тюрлема Козловского р-на Чувашии – 16.03.1949, там же). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1903). Заслуженный учитель школы РСФСР (1945).

Автор более 150 стихотворений, поэм, сказок. Первые публикации были в газете «Хыпар» (1906). Перевёл на чувашский язык произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, И.С. Никитина и др.

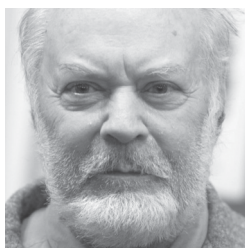
6 апреля – 80-летний юбилей отмечает поэтесса Светлана Александровна Гужева (р. 6.04.1939, г. Торжок Калининской, ныне Тверской обл.). Дочь писателя А.Р. Кузнецова. Окончила медицинский институт, работала врачом. Автор книг стихотворений «Тропинки памяти» (2008), «Избранное» (2008).

Редактор книги воспоминаний матери Л.Н. Кузнецовой-Свягиной «Дневник «Советки» (2010). Член Ульяновского отделения Российского союза профессиональных литераторов. Живёт в посёлке Старая Майна Ульяновской области.

7 апреля – 235 лет назад родился литератор Александр Иванович Тургенев (7.04.1784, г. Симбирск – 15.12.1845, г. Москва). Детство и юность провёл в Симбирске и симбирском имении Тургенево. Учился в Московском и Гёттингенском университетах. А.С. Пушкин при его содействии был определён

в Царскосельский лицей. Член литературного общества «Арзамас», дружил с Н.М. Карамзиным, И.И. Дмитриевым, П.А. Вяземским. Встречался с В. Скоттом, П. Мериме, В. Гёте, Бальзаком и др. Автор труда «Российский двор в XVIII веке».

7 апреля – 85-летний юбилей отмечает литературный критик, литературовед Лев Александрович Аннинский (р. 7.04.1934, г. Ростов-на-Дону). Окончил филологический факультет МГУ. Автор около 30 книг, в т. ч. «Ядро ореха» (1965), «Охота на Льва» (1980), «Серебро и чернь» (1997), «Поздние слёзы» (2006).

Член Союза российских писателей. В рамках кинофестиваля «От всей души» 29 мая 2012 года провёл в Ленинском мемориале в Ульяновске круглый стол на тему «Два века диалогу Обломова и Штольца». Живёт в Москве.

11 апреля – 85 лет со дня рождения литературного критика Игоря Александровича Дедкова (11.04.1934, г. Смоленск – 27.12.1994, г. Москва). Окончил факультет журналистики МГУ (1957). Член Союза писателей СССР (1975). Автор книг «Возвращение к себе» (1978), «Сергей Залыгин: страницы жизни и творчества» (1985), «Обновлённое зрение» (1988), «Эта земля и это небо» (2005), «Дневник. 1953 – 1994» (2005) и др. Был в Ульяновске 29 августа 1982 года, посетил Дом-музей В.И. Ленина, записав свои впечатления в дорожном дневнике.

12 апреля – 60-летний юбилей отмечает писатель и киносценарист Александр Юрьевич Сегень (р. 12.04.1959, г. Москва). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. В аспирантуре занимался исторической публицистикой Н.М. Карамзина. Автор романов «Русский ураган» (2002), «Страшный пассажир» (2003), «Время Ч» (2007), «Солнце земли Русской» (2007) и др. Был в Ульяновске в июне 1999 года, посетил Пушкинский праздник поэзии в пос. Языково Карсунского района. Лауреат Гончаровской премии (2014), член Союза писателей России. Живёт в Москве.

14 апреля – 105 лет назад родился океанолог, академик и литератор Алексей Фёдорович Трёшников (14.04.1914, с. Павловка Карсунского у. Симбирской губ., ныне Барышского р-на Ульяновской обл. – 18.11.1991, г. С.-Петербург). Всю трудовую жизнь исследовал полярные области земли. Герой Социалистического Труда (1949). Президент Географического общества (1977 – 1991). Автор книг «Законный лёд» (1959), «Вокруг Антарктиды» (1970), «Мои полярные путешествия» (1985) и др. Его имя присвоено библиотеке № 7 г. Ульяновска (2018).

14 апреля – 70-летний юбилей отмечает критик, поэт и публицист Александр Григорьевич Сидоров (р. 14.04.1949, г. Петрозаводск). Окончил Петрозаводский университет (1987). С 1994 года живёт в Австралии. Автор книг «Стихотворное переложение Иоанна Богослова. Апокалипсис», «Истина Иешуа», «Литературные портреты» и др. В сентябре 2014 года был проездом в Ульяновской области по пути в город Сызрань, где провёл творческую встречу в филиале библиотеки № 18. Член Союза писателей России (2014).

15 апреля – 110 лет назад родился писатель и переводчик Гораций Аркадьевич Велле (15.04.1909, г. С.-Петербург – 11.05.1975, г. Москва). Окончил институт гражданских инженеров в Париже (1931). Жил в Ульяновске в 1950 – 1955 годах. Участвовал в работе местной писательской организации, в журнале «Литературный Ульяновск» опубликовал свой первый рассказ «Зелёный билет» (1951). Занимался здесь переводом на русский язык книги Сент-Экзюпери «Земля людей» (издана в 1957 году). Член Союза писателей СССР.

21 апреля – 80 лет со дня рождения писательницы Алевтины Николаевны Зайцевой (р. 21.04.1939, г. Уфа). Окончила Башкирский государственный университет (1961). Живёт в городе Димитровграде Ульяновской области. Работала библиотекарем, главным хранителем фондов и лектором в музее ДААЗа. Участница творческих встреч в городском поэтическом клубе «Эхо». Публиковалась в журнале «Черемшан». Автор поэтических сборников «Горизонталь», «Поэзия и музыка любви», книги коротких рассказов «Не остудить былого».

21 апреля – 65-летний юбилей отмечает поэтесса Наталья Борисовна Глазунова-Моисеева (р. 21.04.1954, г. Калуга). Детство и юность прошли в посёлке Первомайский Тамбовской области. Окончила Липецкий финансово-экономический институт. С 1980-х годов живёт в городе Димитровграде Ульяновской области. Стихи публиковались в газете «Слово», альманахах «Соль на парусах» и «Московский Парнас». Автор поэтических сборников «Другая реальность, или По ту сторону времени», «Коснулась бабочкой душа».

22 апреля – 145 лет назад родился писатель Александр Алексеевич Богданов, литературные псевдонимы – Волжский, Карпинский, Антонов, Прибой (22.04.1874, г. Пенза – 10.11.1939, г. Москва). Окончил Пензенскую духовную семинарию (1893). Жил в Самаре, Петербурге, Финляндии, бывал проездом в Симбирской губернии. Большую часть жизни провёл в тюрьмах и ссылках. Один из зачинателей революционной пролетарской поэзии. Автор книги стихов и прозы «Избранное» (1951), мемуаров «В старой Пензе» (1958).

28 апреля – 85 лет со дня рождения писателя Александра Александровича Ржешевского (р. 28.04.1934, д. Бежин Луг Тульской обл.). Окончил Московскую сельхозакадемию им. К.А. Тимирязева. Автор романов «Пляж на Эльтигене», «Настало время встретиться», повестей «Захват», «Малахова горка» и др. Член Союза писателей России. Был участником регионального семинара молодых литераторов в Ульяновской области 5-7 июня 2010 года, посетил Ульяновск, Димитровград, Карсун, праздник поэзии в Языково. Живёт в Москве.

29 апреля – 135 лет назад родился поэт-футурист Василий Васильевич Каменский (29.04.1884, пароход на р. Кама между Пермью и Сарапулом – 11.11.1961, г. Москва). Был вместе с В. Маяковским и Д. Бурлюком проездом в Симбирской губернии в марте 1914 года, в рамках турне по России по пути

в Самару и обратно. Автор поэтических сборников «Танго с коровами» (1914), «Девушки босиком» (1916), «Звучаль веснянки» (1918), «Сарынь на кичку» (1932), «Уральские поэмы» (1935), «Емельян Пугачёв» (1937), «Избранное» (1958) и др.

29 апреля – 70-летний юбилей отмечает прозаик Николай Алексеевич Ивеншев (р. 29.04.1949, с. Верхняя Маза Радищевского р-на Ульяновской обл.). Окончил Волгоградский педагогический институт. Работал учителем, журналистом. Автор книг «Душа душицы» (1995), «Портрет незнакомки» (1999), «За Кудыкины горы» (2000), «Невпопад» (2000), «Казачий Декамерон» (2001), «Упаковщик снов» (2001). Член Союза писателей России (1992). Заслуженный работник культуры Кубани (1999). Живёт в Краснодарском крае.

29 апреля – 40 лет исполняется поэту Денису Михайловичу Трудникову (р. 29.04.1979, г. Мончегорск Мурманской обл.). Окончил Российский педагогический университет им. А.И. Герцена. В 1999 – 2013 годах жил в Дмитровграде, был фотокорреспондентом, редактором литературной интернет-газеты «Глагол». Публиковался в журналах «Черемшан», «Мономах». Автор книг «Горячая линия» (2000), «Центр тяжести» (2008). Участник VII Форума молодых писателей в Липках (2007). Член Союза писателей России (2012). Живёт в Подмосковье.

55 лет со дня рождения отмечает иракский поэт, переводчик и публицист Садек Мохаммед (р. 1964, Ирак). Перевёл на арабский язык произведения С. Есенина, О. Мандельштама, А. Рембо и др. Автор сборника стихов «Археология выжженных городов» (2013). Профессор университета Мустансирия в Багдаде, руководитель программы «Багдад – литературный город ЮНЕСКО». Был в Ульяновске 28 - 30 июля 2016 года, провёл встречи с руководством города, посетил библиотеки и музеи, принял участие в проекте «Литература на трамвае».

Внимание, конкурс!

К 220-ЛЕТИЮ А.С. ПУШКИНА

проводится ежегодный открытый межрегиональный молодежный литературный конкурс

«ДРУЗЬЯ ПО ВДОХНОВЕНЬЮ»

в рамках подготовки и проведения
Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в р.п. Языково.

Участники конкурса

- первая ступень – дети до 13 лет;
- вторая ступень – 14 лет и старше.

Условия проведения конкурса

- Учреждаются 3 номинации (три призовых места в каждой):
- лучшее стихотворение;
  - лучшее прозаическое произведение (рассказ, эссе и др.);
  - лучшее произведение, посвященное 220-летию А.С. Пушкина.

Материалы с пометкой «на конкурс» направляются по электронной почте: karsun2004@yandex.ru

Работы принимаются с 15 марта по 1 мая 2019 года.

Подробнее о конкурсе можно узнать на сайте газеты «Карсунский вестник» <http://www.karsvest.ru/>

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Светлана ГУЖЕВА (р. 1939)

ЕЩЁ О ВЕСНЕ

Творец планету не Землёй назвал.
Любовью окрестил – и улыбнулся,
когда снежинок белый карнавал
в цветочную поляну обернулся.

Благоухала нежностью она.
Звенели колокольчики так звонко!
Творец сказал: «Да будет то Весна,
а с нею моя первая иконка».

Подснежники, весь заполняя мир,
тянулись в синеву на ножках тонких.
Творец сказал: «Да будет в мире пир
и благодать с рождением ребёнка».

Могучей страстью всё заполнил он
от горизонта и до горизонта.
И сладко опадали на поклон
цветы с бурлящей музыкою рондо.

Всё сущее благословил он вновь,
особо – таинство деторождения...
Планета под названием Любовь,
прими весну, как чудо обновленья.

* * *

Пожалейте меня, пожалейте.
Я не гордая. В позу не встану.
Золотою слезою согрейте.
Хоть на час я счастливою стану.

Пожалейте за прядку седую,
за души моей сухость и ярость.
На веселье обиду глухую
затаила завистница-старость.

Пожалейте за злые морщины,
за тяжёлое, грубое слово,
и за то, что в проулке мужчины
на меня не оглянутся снова.

Не копите слова для надгробья.
Лягу в землю тиха, бесталанна.
Валят белые снежные хлопья
на лучистое имя – Светлана.

Александр СИДОРОВ (р. 1949)

* * *

Я слышу шумы предвесенние,
Я вижу призраков вдали
И чую, чую воскресение
Когда-то сказочной земли...

Я слышу: песнь звучит Баянова –
И за струной поёт струна,
И восстаёт из пепла заново
Необозримая страна.

Когда и как – того не ведаю,
Как и не ведаю о том,
Каким путём и с чьей победою
Я обрету свой отчий дом...

А предвесенний шум всё силится
За многоводною рекой,
И ты зовёшь меня, кормилица,
Моя тоска и мой покой.

И дух, неведомым всполошенный,
Повелевает жить и ждать.
И струны те, что были брошены,
Мне повинуются опять.

К ТЕБЕ

Австралийским весенним раем
До тебя бы дойти напрямиком,
Краем облака, только краем
Помахать тебе, как платком.

От толпы, от спешки и давки
Пробираться в простор, в покой
По подсушенной низкой травке,
Вечереющей, городской.

Лабиринтом улочек тощих,
Незастроенных пустырей –
Как тропами в блаженных рощах –
Выше, выше, скорей, скорей...

Краем облака, рваным краем
Помахать тебе, знак подать –
И пройти предвечерним раем
В нашу встречу с тобой, в благодать.

Наталья ГЛАЗУНОВА (р. 1954)

ИСПОВЕДЬ СЕРДЦА

исповедь сердца
твой вызов
мыслям, сорвавшимся тайно
музыкой
с листьев дыханья
в утренний сон в кипарисах
в эту насыщенность юга
в это спокойствие моря
в это пространство живое
с зодиакальным кругом
всем им, недолюбившим
с радугами не игравшим
не прикоснувшимся к чаше
в солнечных пятнах рыжих
ты говоришь о единстве
нас, зарождённых от Бога,
ты говоришь об истоках
вечных духовных истин

ПАМЯТЬ

тишина...
 где-то в ней шёпот бездны
 управляет земными часами
 где-то там, за её полюсами
 вписан в хроники снов Праздник Детства
 в тех мирах...
 за орбитами солнца
 много нас... в небеса улетевших
 где в ладонях мы всё ещё держим
 то, что памятью сердца зовётся

ЦВЕТЫ НА ВЕТРУ

эти цветы на ветру...
 ветер, уймись, наконец
 пусть постоят в тишине
 без прикасания к ним рук
 пусть полюбуется Бог
 этим твореньем своим
 пусть среди холода зим
 сердцу подарит тепло

в небе откроет окно,
 чтоб полетать среди звёзд
 пусть одному повезёт,
 как никому не везло
 пусть его ждёт где-то Дом
 возле снегов
 и камин
 чтобы остаться потом
 с детством один на один...

Александр БОГДАНОВ (1874 – 1939)

ДВА СТАНА

Вам – «чары навии», рукоплесканья,
 Пиры безумные, цветы ажурные...
 Нам – жизнь в неизвестности, снега изгнания.
 Могилы братские, скитанья бурные...
 Вам – звоны сладостных цевниц,
 Нам – цепи ржавые темниц...

Вам – чаши хмельные, вам – ложа смятые.
 Вам – шорох шёлковый, соблазны модные...
 Нам – нивы дольные, хлеба несжатые.
 Станки сверлящие, ремни приводные...
 Вам – блуд и трепет голых плеч,
 Нам – молот, плуг, зубило, меч...

Вам – мерзость пошлости, вам – пресыщение,
 Страх одиночества, жуть умирания...
 Нам – радость творчества, нам – вдохновение.
 Огни вселенские, мятеж восстания...
 Вам – осуждение в веках...
 Нам – память братская в сердцах...

1911

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Пьют кровь из нищеты налоги,
 Законы душат. Власть – разбой.
 Насилью строятся чертоги,
 А право бедных – звук пустой...

Но гнёт не будет длиться долго, –
 Мы равенства даём устав:
 Нет прав без трудового долга,
 Равно и долга нет без прав.

Презренны в самовосхваленьи
 Владыки бирж и рудников.
 Всем тунеядцам – осужденье,
 Всем псам, терзавшим бедняков!
 В подвалах разжиревшей своры
 Скопилось всё, что создал труд.
 Мы требуем: пусть эти воры
 Добро народное вернут!

Цари нас порохом кормили...
 Мир – хижинам, война – дворцам!
 Мы славим труд. Долой насилие!
 Солдаты! с фронта – по станкам!
 Но, если банда каннибалов
 Войну корыстную зажжёт,
 Мы против белых генералов
 Направим их же пулемёт.

1917

Василий КАМЕНСКИЙ (1884 – 1961)

Я

Излучистая
 Лучистая
 Чистая
 Истая
 Стая
 Тая
 Ая
 Я

1914

Радиотелеграфный столб гудящий,
 Встолбленный на материке,
 Опасный – динамитный ящик,
 Пятипудовка – в пятерике.

И он же – девушка расстроенная
 Перед объяснением с женихом,
 И нервноликая, и гибкостройная,
 Воспетая в любви стихом.

Или капризный вдруг ребёнок,
 Сын современности – сверхневрастеник,
 И жрущий – ржущий жеребёнок,
 Когда в кармане много денег.

И он – Поэт, и Принц, и Нищий,
 Колумб, Острило и Апаш,
 Кто в Бунте Духа смысла ищет –
 Владимир Маяковский наш.

1917

ЖДУ

Я стою на снежно-солнечной
 На высокой бор-горе,
 Улыбаюсь сердцем радостным
 Раннеутренней заре.

Я смотрю в милу сторонушку,
Насмотреться не могу.
Скоро ль свидимся, желанная,
На желанном берегу?

Солнце выйдет свежее, такое,
Обласкает грудь твою –
Помни, в этот час, любимая,
Песни я тебе пою.

Я стою на снежно-солнечной
На высокой бор-горе,
Улыбаюсь сердцем радостным,
Жду на утренней заре.

Денис ТРУДНИКОВ (р. 1979)

ЖЕЧЬ И ОТРАЖАТЬСЯ

Так приходи сюда, и будем отражаться.
Как в сантиметре метр, как в тысяче нули.
Как лебеди в слонах фантазии Дали,
Как страх в ключах, вертящихся на пальце.
А хочешь, будем жечь календари
И наизусть учить узор на шторах.
Появится сосед, попросит штопор...
И я не вспомню, что я говорил.
Устал не трогать жизнь: ничем, никем.
Сиж, молчу, но жду, чтоб отвечали.
Моя любовь, отравленная чаем,
Мечтает о хорошем коньяке.
По ящику – «морковь», удары по мячу.
Здесь – праздник на носу,
унылый сахар жжёный.
И солнце, как изгиб гитары жёлтой,
Далёкое и пошлое чуть-чуть.
Так есть. А будет мига жаль,
Завертится аккорд хромого танца...
Не хочешь жечь, не хочешь отражаться –
Так просто приезжай.

ЖЕНСКОЕ ИМЯ

Смотрю. Берегу от пожара. Прячу.
Вопросы – вопросом, а кофе – зёрнами.
Твоя погода, завёрнутая в горячее,
В руках разворачивается озёрами.
И смех в тепле параллельных линий
Загадки множит до миллиона,
Когда у рассвета женское имя
И мир зелёный, зелёный, зелёный.
И очень простой, как жи-ши, как ча-ща,

Как ежедневник, брошенный между кресел...
Меняешь слова у русалочьих песен.
Ты делаешь это блестяще.
Праздник, застёгнутый на все пуговицы,
И миг, на который хочется облакочиваться...
Всё начинается только на этой улице.
И уже никогда не заканчивается.

Садек МОХАММЕД (р. 1964)

ЧЁРНАЯ ПЯТНИЦА, ИЛИ СЕМЁРКА ГОСПОДИНА Т.

1917

(Перевод Сергея Гогина)

День вычеркнут из жизни.
Стёрся из памяти.
День, стиснутый между запретом на въезд,
тремья автомобилями со взрывчаткой,
шестью взрывами
и желтушным враньём.
День сегодняшней,
то есть – эта сердечная боль,
это распятие,
этот топор,
эта длинная рука,
это расстояние между двумя пальцами
на руке смерти, –
этот день
камнем застрял в глотке стихотворения,
и вот оно лежит в оцепенении.
Не буду счищать пятен крови.
Не буду спрашивать,
почему тебе так нравятся Руми,
Мутанабби,
Маарри
и Омар Мухтар.
Не буду спрашивать, чего хотела Катя,
когда решила бросить меня
на середине пути,
сказав, что всё кончено.
Не подам иска против Кафки за превращение,
не буду требовать справедливого суда.
Не буду искать пропавшего мужчину,
двенадцать окровавленных рук
и мать, обнимавшую безжизненное тело сына.
Не буду...
Ещё вчера вечером всё было так
чертовски здорово!
А теперь я в унынии.
Или – что же на самом деле пронзило
моё сердце?

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Николай ГОГОЛЬ (1809 – 1852)

П.В. АННЕНКОВУ (письмо из Остенде, 12 августа 1847 года)

Узнавши, что вы в Париже, пишу к вам. Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремлёнными лично на меня, сколько чувством ожесточения вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нём: отводите от него всё возмущающее дух его. Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце, небесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто не спокоен. Я, более других спокойный и хладнокровный, впал в излишество более других: писавши мои письма, я был истинно убеждён в той мысли, что все звания и должности могут быть освящены человеком и что чем выше место, тем оно должно быть святее; я хотел рассмотреть все места и звания в их чистом источнике, а не в том виде, в каком они являются вследствие злоупотреблений человеческих; я начал с высших должностей; я хотел напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился так, что слова мои приняли за куренье человеку.

Не увлекись я духом излишества, который раздувает теперь всех, я бы выразился, может быть, так, что со мною во многом бы согласились те, которые оспаривают теперь меня во всём, хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мне односторонность: занявшись своим собственным внутренним воспитанием, проведя долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером – законодателями веков минувших, читая историю событий, кончившихся и отживших, наконец, наблюдая и анатомируя собственную душу в желаньи узнать глубже душу человека вообще и встретясь на этом пути с тем, который более всех нас знал душу человека, я весьма естественно стал на время чужд всему современному. Зато теперь проснулось во мне любопытство ребёнка знать всё то, чего я прежде не хотел знать. Точно как бы на то была уже такая воля, чтобы я не прежде приступил к знанию мирских дел, как узнавши получше самого себя. И мне кажется, что я теперь далее всякого другого могу уйти на пути разведыванья: ни раздраженья, ни фанатизма во мне нет, ничьей стороны держать не могу, потому что везде вижу частицу правды и много всяких преувеличений и лжи. Не знаю только, достанет ли на то сил физических: здоровье моё, которое началось было уже поправляться и восстанавливаться, потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги. Многие удары так были чувствительны для всякого рода щекотливых струн, что дивлюсь сам, как я ещё остался жив, и как всё это вынесло моё слабое тело.

Но в сторону всё это. Недавно я прочёл ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. Не чувствуется кисть, их писавшая; сам автор – воск, не получивший формы, хотя воск первого свойства, прозрачный, чистый, именно такой, какой нужен для того,

чтобы отлить из него фигуру. Словом, в письмах не видно, зачем написаны письма. В то же время прочёл я письма Боткина. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трёх сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским, со многими людьми на Москве, со мною грешным и вообще со всеми теми, в которых много гордости и убеждения, что они стоят на высшей точке воззрения на вещи.

В ваших же письмах мне показалось, как будто вы не задавали самому себе сурьёзного вопроса. Я подумал: что если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж, который русскому известен более всего прочего, начали вы писать записки о русских городах, начиная с Симбирска, и так же любопытно стали бы осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещь? Если при этом описании зададите себе внутреннюю задачу разрешить самому себе, что такое нынешний русский человек во всех сословиях, на всех местах, начиная от высших до низших, и, держа внутри себя этот вопрос, будете глядеть на всякое событие и случай, как бы они ничтожны ни были, как на явление психологическое, ваши записки вышли бы непременно интересны. Тем более, что у вас, как мне кажется, нет пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений. Я очень помню одно ваше письмо, которое вы писали мне из Симбирска в ответ на кое-какие упрёки с моей стороны. Оно меня тронуло этим отсутствием гордой самоуверенности в себе; я вам искренно позавидовал.

Но заговорился... Вы бы сделали хорошо, если бы заглянули в Остенде. Это так близко от Парижа. По железной дороге день езды. Мы бы вспомнили старину. Скажу вам, что мне теперь сильнее, чем когда-либо, хочется видеть всех, с кем я давно знаком. Люди, с которыми я повстречался в юности моей, становятся мне теперь с каждым годом как бы родственней и ближе – оттого ли, что способность воспоминания, которая была всегда во мне живая, при повороте дней моих к старости стала ещё живей или оттого, что в самом деле любовь к человеку во мне увеличилась. Как бы то ни было, но я благодарю бога за это чувство. Оно так умиряет, так успокоивает душу даже и среди помышлений о судьбах человечества, общества и всего мира. Но прощайте. Если увидите Боткина, поклонитесь ему. На адресе письма сверх Остенде можете вставить: Rue de Capucins, 16. – Белинскому ответ я написал, адресуя в poste restante.

Валерий ВОСКОВОЙНИКОВ (р. 1939)

РАЗГОВОР (отрывок из повести «Девочка, мальчик, собака»)

Сколько раз он так ходил за ними в отдалении всё лето, мечтая хотя бы прикоснуться к сеттеру, хотя бы поймать его взгляд. Иногда он набирался смелости, решался подойти к тётке и заговорить о чём-нибудь, о чём угодно, предложить донести тяжёлую сетку, полить огород, а в ответ тётка разрешила бы ему погулять с собакой. Но в последний момент смелости всё-таки не хватало.

И вдруг тётка обернулась к Антону сама, и сама заговорила с ним:

– Мальчик, ты зачем следом бродишь? Или замислил что?

– Я не брожу, я так... – Антон растерялся.

– А я думаю, что не так. Или собака нравится?

– Нравится, – ответил Антон и почувствовал, что голос у него стал от волнения хриплым.

– А я вот собак не люблю. Купила, думала, привыкну, всё-таки живая душа. Не получается. И его мучаю, и сама мучаюсь, – тётка повторила вчерашнюю фразу.

Она замолчала, словно ожидала, что теперь Антон станет продолжать разговор. Но Антону заговорить было невозможно.

– Завтра в город. И куда я его с собой повезу. Не было у бабы хлопот, купила она испанеля.

– Это не спаниель, это – ирландский сеттер, – поправил Антон. – Спаниели меньше ростом, а уши у них длинные.

– А мне всё одно, что сеттер, что испанель.

– Не испанель, а спаниель, – снова не сдержался Антон.

– Во-во! Тот, который продавал, так и говорил.

Тётка замолчала опять и принялась рассматривать Антона. Антон опустил голову, и даже жарко ему стало. Он почувствовал, что наступает главное мгновение.

– А что, – спросила тётка, – ты собак любишь? Я смотрю, ты всё лето за нами бродишь.

Антон так и не смог выдавить ответ, а лишь кивнул опущенной своей головой.

– Чего же тогда тебе родители не купят? Или деньги жалеют?

– Жалеют, – сказал Антон.

Это была неправда, и поэтому выговорилась она легче.

– Ну-ну, – проговорила тётка и пошла с сеттером дальше.

Антон же остался стоять около дерева. Полдня он не мог ни о чём другом думать. Все мысли были только о собаке. А к вечеру тётка снова вышла на улицу с сеттером. И сама подошла к Антону.

– Что-то я тебя всё одного вижу, без родителей. Где они у тебя? Отец-то есть?

– Есть, – соврал Антон, – он в Москве.

– А мама тоже в Москве?

– Мама врачом в больнице работает.

– Врачом – это хорошо, – подумав, сказала тётка. – А что родители скажут, если собаку дома увидят. Не похвалят?

– Похвалят.

– Ну, смотри, парень, – решила тётка, – я тебе эту собаку дарю, но чтоб ты её ничем не обидел.

Антон стоял, по-прежнему глядя в землю.

– Что сказать надо, когда тебе дарят взрослые?

– Спасибо, – с трудом выговорил Антон.

– Приходи завтра с утра и забирай. Этот, который мне продал, никудышный был человек. Спрашиваю, как собаку-то зовут. А он говорит: Буль. У меня, говорит, дома всех булями зовут, – тётка презрительно махнула рукой.

Валериан НАЗАРЬЕВ (1829 – 1902)

ЖИЗНЬ И ЛЮДИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ (отрывок из очерков)

Однажды в обеденное время на крошечный дворик профессора бойко вкатил гнедой рысак, а затем в прихожей показался молодой человек в шинели военного покроя с бобровым воротником. Профессор эстетики мигом сбросил кацавейку и, очутившись в учёном мундире, повёл гостя наверх, а покончив с ним и возвратившись обратно, сообщил, что приехал граф Лев Николаевич Толстой, желающий поступить в Казанский университет, с просьбой подготовить его из русской словесности...

Десятки лет уже разделяют меня с сутками, проведёнными глаз на глаз с графом Толстым, и, невольно с каждым годом всё более подчиняясь влиянию его гениального таланта, мне бог знает как бы хотелось припомнить каждое слово, сказанное им во время нашего невольного заключения, но в памяти уцелело только общее впечатление, общий смысл наших разговоров. Помню, что, заметив «Демона» Лермонтова, Толстой иронически отнёсся к стихам вообще, а потом, обратившись к лежавшей возле меня истории Карамзина, напустился на

историю, как на самый скучный и чуть ли не бесполезный предмет.

– История, – рубил он плеча, – это не что иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имён. Смерть Игора, змея, ужалившая Олега, что же это, как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак Иоанна на дочери Темрюка совершился 21-го августа 1562 года, а четвёртый, на Анне Алексеевне Колтовской, – в 1572 году, – а ведь от меня требуют, чтобы я задолбил всё это, а не знаю, так ставят единицу. А как пишется история: всё пригоняется к известной мерке, измышленной историком. Грозный царь, о котором в настоящее время читает профессор Иванов, вдруг с 1560 года из добродетельного и мудрого превращается в бессмысленного, свирепого тирана. Как и почему, об этом уже не спрашивайте... – приблизительно в таком роде рассуждал мой собеседник...

Так как мы с Толстым были студентами юридического факультета – он первого, а я второго курса,

то на другой же день мы, волей или неволей, снова столкнулись в коридоре. Меня так и подмывало возобновить вчерашний разговор, но стоило только взглянуть на непрístupную, точно каменную фигуру графа, чтобы оставить такое намерение и как можно скорее пройти мимо.

В последний раз встретились мы на переводных экзаменах, обыкновенно происходивших в университетской актовом зале. Юристы первых двух курсов, обезумев от страха, ожидали экзамена кроважидного профессора истории.

Вызывают графа Толстого, он подходит к столу и берёт билет, я пробираюсь как можно ближе и с нетерпением жду, что будет. Мне любопытно было послушать, как отличится мой бывший собеседник, которого в глубине души я уже признавал выходящим из ряда вон... Прошла минута, две, несколько минут. Я ждал с замиранием в сердце, между тем как Толстой смотрел на билет, краснел и молчал. Ему предложили переменить билет, с которым повторилась та же история. Профессор тоже молчал, вперив в студента насмешливый, ядовитый взгляд. Разыгравшаяся передо мной тяжёлая сцена кончилась тем, что граф положил билет, повернулся и, не обращая ни на кого внимания, не торопясь, направился к выходным дверям.

— Нуль, нуль, закатил нуль... – шептались вокруг меня.

Я потерял голову от волнения, а в ближайшей группе аристократов, разодетых точно на бал и ожидавших такой же участи, передавался слух, что

какие-то дамы высшего круга приступили к профессору истории с просьбой пощадить графа и тот торжественно обещал не ставить ему единицы.

— А ведь ловко нашёлся – поставил нуль и прав... ловко извернулся... – толковали студенты...

Я прислушивался к насмешкам и остроумам, сыпавшимся со всех сторон на голову Толстого, но в глубине души готов был поклясться, что он знал предмет не хуже других, мог отвечать – и только не хотел... Почему поступил он так, а не иначе, чем было вызвано его упорное молчание – чрезмерной застенчивостью или гордостью, этого я уже никак не мог понять и объяснить себе.

После экзаменов я не встречал более Толстого в Казани и уже лет 14-15 спустя неожиданно столкнулся с ним на лестнице петербургского дома Краевского, на Литейной, где в то время жили Панаев с Некрасовым. В самых дверях квартиры Ивана Ивановича Панаева я столкнулся с господином в шубе и артиллерийской фуражке. Глаза наши встретились, и я тотчас же узнал графа Толстого, тогда уже известного писателя. Я остановился как вкопанный и следил за ним, пока он не повернул в улицу. В изящном кабинете Панаева я нашёл Некрасова в халате по случаю болезни, Гербеля в уланском мундире с красными отворотами, Языкова и в стороне, всегда державшегося особняком, Добролюбова. Между собеседниками шёл оживлённый разговор, предметом которого был только что покинувший общество граф Толстой.

Александр ТУРГЕНЕВ (1784 – 1845)

ХРОНИКА РУССКОГО *(письмо из Дрездена)*

Вчера ввечеру были мы на литературной вечеринке у здешней живописицы m-lle Winkel, которая собирает всю учёную, поэтическую и пишущую братию. Мы слышали тут журналиста Кинда, именем и ростом, который напал на Гёте за то, что он сюжет для «Германа и Доротеи» украл у какого-то современного журналиста, слово в слово описавшего в рейнском журнале анекдот, служащий основанием сочинению Гёте. Все восстали против несправедливости нападения, как будто бы Гёте имел нужду скрывать заимствованную бль, которую он возвысил, украсил, сотворил снова в своей прекрасной поэзии. С равною справедливостью можно бы обличать в покраже мрамора для Венеры Фидиаса или создателя Аполлона. Тут дело не в глыбе мрамора, а в формах и в выражении божественности идеальной. Так же, как Корреджио не краскам обязан своей мадонной, так и Доротея Гёте, вся хотя и в натуре, но Гёте созданной, им идеализированной. Скорее Корреджио мог найти вдохновение для изображения своей мадонны в богодухновенных песнях церковных, нежели Гёте в журналах современных своего Германа. Слушая крошку-Кинда, который важничал, читая нам свои исторические документы против Гёте, я невольно вспомнил нашего Крылова:

*Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!*

Вместе с тем вспомнил и стихи Шиллера и при-

менил их к Гёте:

*Und was er bildet, was er schafft,
Das dankt er seiner Dichterkraft,*

а не повести о французских эмигрантах на Рейне. Но этой вылазке обязаны мы ответом антиквара Беттихера, который, выслушав Кинда, сел на его место и рассказал нам анекдот, коего он сам был свидетелем в Веймаре, у герцогини. В разговоре Гёте с Гердером последний однажды сказал ему, что, конечно, он заимствовал содержание «Германа и Доротеи» из анекдотов о французских эмигрантах в 1792 году. Тут Гёте с жаром отвечал Гердеру, что он почти все сюжеты свои брал из природы и из истории, следовательно, из других, но что именно простой сюжет этой идиллии он ни от кого не заимствовал, а сам изобрёл. И в этом можно ему верить, ибо не нужно большого творческого труда, чтобы выдумать происшествие, которое, конечно, с большим или меньшим изменением, не раз могло тогда случиться, во время походов эмигрантов французских на Рейн и во всей Германии. Теперь, и здесь, и в других местах Германии, какой-то дух брани против Гёте распространился...

Публике нашей должно знакомиться со всеми новостями и движениями европейской литературы. Но враги так мелки, что их едва и замечают в борьбе с гигантом; а они, несмотря на то, продолжают гомозиться, забывая, чем Гёте обязана Германия и что

он истинный представитель не одной только поэзии немецкой, но всей германской цивилизации. Он живое выражение всей их интеллектуальной национальности, более чем Шекспир английской, а Вольтер французской, ибо он выражает немцев и в поэзии, и в учёности, и в чувстве, и в философии, действует на них, а через них и на всю европейскую литературу; служит вместе и верным, всеобъемлющим зеркалом германизма, коего он сам есть создание; между тем как Шекспир создал вкус и народность англичан в поэзии, а Вольтер образовал век свой и французов, а не ими образован. Я не умаляю и не возвышаю Гёте, а ставлю его на его место в Гер-

мании, в применении к месту, занимаемому Шекспиром в Англии и Вольтером во Франции...

У нас здесь русский поэт, юноша Бек. В стихах его, хотя и весьма молодых, виден уже истинный талант и какой-то вкус, тем же талантом угаданный. Он же и живописец и едва ли не музыкант. Не знаю, удастся ли мне прислать тебе стихов его. Жуковский не советует ему писать стихи для печати, полагая что это слишком рано заронит в нём искру авторского самолюбия и увлечёт его к занятиям, кои должны быть для него теперь ещё чужды. Он испытывает силы свои в переводе Вергилия, с латинского, и образует вкус свой по древним и новым классикам...

Лев АННИНСКИЙ (р. 1934)

ОТКРОВЕНИЕ И СОКРОВЕНИЕ *(отрывок из книги)*

Туманом и тайной окружено происхождение великого лирика. В его духовной биографии это дало один лишь результат: с самого начала, с запредельной тайны своего происхождения, с самой завязки своей судьбы человек находит себя в изначально фальшивом, ложном, двусмысленном положении, и это ощущение, что реальная действительность непреходимой гранью, магической линией, глухой стеной отделена, отбита, отрублена от идеальных чаяний, – это чувство будет для него всегдашним и определит в его судьбе всё.

Всю жизнь пряча сокровенное, уводя идеальное подальше с жизненного «базара», отделяя лирику от низменных целей и материальных интересов, Фет будет думать и говорить об этой стене, об этой ледяной корке, о панцире, в который надо прятать душу. Непоправимый разрыв поэзии и повседневности станет его жизненным сюжетом и, в сущности, его темой в русской духовной культуре. Эту тему он будет оплачивать жизнью, её он исчерпает до конца. Так эта тема не выдумана, не «найдена» и не «выработана» Фетом, она дана ему изначально. Первое, что он осознал в жизни, – это что реальность не подчиняется ни праву, ни идеалу.

Конкретно. Мальчик подрастает в комнатах барского дома, он Шеншин по рождению, он ведёт свой род чуть ли не с пятнадцатого века – фамильный герб, четырнадцать колен, три сотни персон в родословной, – меж тем за спиной его собирается буря, всплывает в консисторских архивах (по чьему-то доносу, разумеется) документ о недоборе законности. Ибо родился-то Шеншин-младший осенью 1820 года, а обвенчался с его матерью Шеншин-старший (по законному православному обряду; лютеранский в России не в счёт) лишь два года спустя. Кем оказывается в свете этого маленький орловский аристократ? Бастардом! Вот тут-то, чтобы вернуть Шеншину-младшему хоть какое-то «честное имя», Шеншин-старший и решается признать его сыном гессенского асессора.

В сущности, это тоже не спасает от катастрофы. Пропадает дворянский титул, пропадает наследование. Мальчик уже достаточно разбирается в жизни, чтобы понять, что он теряет, когда в крюммеровском пансионе в Верро ему впервые вручают пись-

мо, на конверте которого вместо привычного «г-ну Шеншину» значится: «г-ну Фету».

Он ненавидит своё новое имя.

Сегодня это кажется нам безумием. Фет – всё певучее и тонкое, всё светлое и солнечное, навсегда вошедшее в русскую лирику, связано у нас с этим коротким словом. Фет напоминает «Феб», напоминает о празднике, о совершенстве. И он мучительно освобождался от этого имени всю жизнь! Всю жизнь гнался за ускользнувшим дворянством, за титулом, за наследственным достоянием. Душа и тело пошли врозь: пока Фет витал в облаках, Шеншин дрался в жизни, приобретал имения, публиковал безумные по дерзости реакционные статьи, всеподданнейше припадал к высочайшим стопам. И в конце концов, на шестом десятке, вымолил, выбил, вернул себе всё: Шеншина, Воробьёвку, камергерский мундир... Не говоря уже о врагах – друзья смеялись над этим практическим усердием: Василий Боткин, Владимир Соловьёв, Лев Толстой... Тургенев иронизировал: «Как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию». На эту тему ходили анекдоты и эпиграммы.

Символическая стена между идеальной Поэзией и низкой, «базарной» действительностью реализовалась с курьёзной бытовой наглядностью. Фет всё понимал. Но шёл напролом: «Я между плачущих Шеншин, а Фет я только среди поющих», – «плачущую», «граждански-скорбную», «рыдающую» лирику – от Некрасова до Надсона – он относил к «базару», здесь он был неразборчив, твёрд, жесток, нежен же – там, в глубине сокровенного, за панцирем, за ледяной стеной: там, в мире идеальном, он пел как птица, не слышащая шума толпы.

И, однако, фантастическая дерзость духа замкнулась почти пародией на себя; всё заветное и сокровенное связалось с проклятым именем; ненависть «Фета», уже не мог и оставить его. С того самого момента, когда Погодин принёс с таинственных антресолей, от самого Гоголя, благословение таланту. Тогда-то и решился. Только слегка ослабил немецкий отзвук: пуская тетрадь по рукам однокашников, убрал две точки из буквы «ё».

Так начался Фет.

Игорь ДЕДКОВ (1934 – 1994)

ДНЕВНИК 1953 – 1994 (отрывок из книги)

29.8.82.

Ульяновский дом в Симбирске побуждает к вопросу: почему молодые люди, в нём жившие, так стремились к перемене власти, к революции? Этот дом с прилегающей территорией, с садом – по нашим временам для нашей семьи, например, нечто недоступное. Как бы с Тamarой ни старались – такого не будет. Вероятно, тогда, в 70-80-е годы прошлого века, так жить было для интеллигенции круга И.Н. Ульянова нормой...

Всё ближе Кострома и с нею обычная жизнь – множество тревог, забот и дел. Начинаю об этом думать – сна как не бывало.

6.10.82.

Вчера, когда ехали в Ярославль на заседание тиражной комиссии и редсовета Верхне-Волжского издательства, Борис Владимирович Вестников, начальник нашего управления по печати, рассказывал кое-что из своей прошлой жизни. В частности, из времени своего председательствования в колхозе «Совет» Шарьинского района.

Однажды позвонил Флорентьев. Слушай, говорит, просьба такая: завтра нужно доставить в Кострому килограммов тридцать живой стерляди. Нужно угостить нашего гостя. (А гость был высокий – Воронов, в ту пору или председатель Совета Министров РСФСР, или председатель бюро ЦК КПСС по РСФСР, или как там это называлось.) Тому, что речь идёт о стерляди, Вестников не удивился. В колхозе была небольшая рыболовецкая бригада из стариков, и в обкоме об этом знали. Но завтра! Да ещё живую? Как это? «Самолёт будет завтра в Шарье в двенадцать, – сказал Флорентьев. – Ну а остальное – вы мужики умные, сообразите сами».

Ничего не поделаешь, просьба первого секретаря обкома – уже не просьба, приказ! Вызвал Вестников кого-то из мужиков понадежнее, объяснил как и что, спрашивает: как же рыбу живой в Кострому доставить? Ему отвечают: давай помощника, за ночь

сделаем аквариум. Дал помощника, материалы, люди занялись делом. Затем вызвал стариков-рыбаков, попросил к утру добыть нужное количество стерляди. Те пообещали, успокоили. Но на душе беспокойно: вдруг подведут! К концу рабочего дня собрал колхозных шоферов и тоже дал задание: наловить стерляди. Те уселись на моторку и отправились на Ветлугу, в места чуть пониже тех, где ловили старики. Утром первой вернулась моторка. Рыбы наловили много, чуть ли не центнер, судак, щука, а стерляди – всего три штучки, и те – маленькие. Беда! Тут наконец-то гребут старики. «Я им навстречу по берегу, – рассказывал Вестников, – метров за двести кричу: «Ну, как? Есть ли?» Гляжу, машут руками, успокаивая: всё в порядке, дескать». И верно: оказалось, что поймали огромную стерлядь – килограммов на тридцать, и ещё несколько крупных... Вечером звонит председатель облисполкома Баранов: спасибо, говорит, рыба хороша, живая, все довольны...

Через какое-то время приезжают из Костромы работник обкома партии Самарина, и с нею – человек из цеха. Оказывается, рассказывал далее Вестников, какой-то «злопыхатель» (его слово) написал письмо в Центральный Комитет, где возмущался тем, что весь колхоз был поднят на ноги, чтобы наловить высокому начальнику ценной рыбы. В конце разбирательства, в ходе которого стало ясно, что «весь колхоз» никто «на ноги не поднимал» и все трудились спокойно, москвич вдруг говорит: хоть бы показали, что это за рыба такая – стерлядь, а то говорим-говорим про неё, а я её и в глаза не видел?.. Посадили гостей в машину, отвезли к рыбакам, те показали: вот стерлядь с ветлужских перекатов, но вчерашняя – вчера выловили... А потом, видя, должно быть, жгучий интерес гостя, спрашивают: а вы когда уезжаете? Завтра? Так к утру добудем и свежей стерлядки. И добыли. Письмо было «закрыто», расследование закончилось.

Александр СЕГЕНЬ (р. 1959)

ПОП (отрывок из романа)

Слова такого нет в родной речи, чтобы передать всё благоухание и весь чистый свет того упоительного июньского полдня, когда, отменно пообедав, отец Александр Ионин в лёгком летнем подряснике сидел за чтением и, досадуя, беседовал с мухой. По своему обыкновению, священник благочестиво расположил пред собой книгу и читал, сидя над нею, как ученик, сложив руки одна на другую. Муха же, напротив, лишённая всякого благочестия, то и дело приземлялась на страницы книги и ходила по буквам, отвлекая батюшку, который вынужден был любоваться тем, как она потирает передними лапками, будто говоря: «Ага! Сейчас мы тут напакостим!», моет лупастые глаза, словно совершая мусульманский намаз, а затем уже задними лапками чистит себе прозрачные крылья.

– Вот, муха, до чего же ты непочтительное творение Божие! – возмущался шестидесятилетний священник. – В то время как я, лицо духовного звания, протоиерей, рукоположенный некогда самим Вениамином, митрополитом Петроградским, погружаюсь в дивный мир поучений преподобного аввы Фалассия, ты имеешь дерзновение садиться на сии красноречивые словеса, ходишь по ним своими наглыми ножищами, моешься тут, прости Господи, и вообще, неизвестно, какие вынашиваешь замыслы.

Он снова старался сосредоточиться на словах мудрого старца: «Кто передаёт брату укорения от другого, тот под видом доброго расположения таит зависть... Как ароматов нельзя найти в тине, так и благоухания любви в душе злопамятного... Расторгни

узы любви к телу и ничего не давай сему рабу, кроме необходимо нужного...» – и снова спотыкался об эту хамоватую муху, пока не вынужден был дать ей щелчка:

– На-ко!

Муха жалобно перевернулась на спину, сердито взлетела и переместилась на подоконник.

– И это я, про которого говорят, что я мухи не обижу, вынужден был чуть не убить тебя, – укоризненно сказал назойливому насекомому священник. – Ладно уж, ползай тут. Глядишь, и тебе перепадёт мудрость.

В комнате с полным ситом яиц появилась супруга отца Александра, матушка Алевтина Андреевна, ровесница своего мужа, она даже была на полгода его старше.

– Ты с кем разговариваешь?

– С мухой.

– Охота тебе! Не пойму, отчего это куры так стали нестись? Вон сколько наквокали за сегодня! Это бывало такое? Неведомо, к добру ли?

– Отчего ж не к добру?

– Да уж и не знаю, чего думать...

– Вот вы, люди!.. Не станут нестись куры – плохо, много несутся – опять не так.

– Да ведь всё должно в меру быть. А ты не спорь – когда куры чересчур много несутся или когда грибов слишком много в лесу – всегда к войне. И не

нравится мне, что Моисей пришёл. Иди, тебя просят позвать.

На крыльце у отца Александра состоялась беседа с Моисеем:

– Помоги, батечка, – говорил Моисей. – Не унижается она. Мы и так, и этак её уговаривали, а она своё талмудычит. Стала вовсе невозмутимая. И такие страшные слова говорит: «затхлая атмосфера», «беспросветность». Это про веру своих предков!

– Чем же я помогу тебе, милый человек?

– Э! Кто не знает отца Александра! Все знают вас, как вы имеете силу проповеди. Говорят, очень ужасная сила.

– Так ведь я о Христе проповедую, за Христа, а ты, добрый человек, как я понимаю, просишь иное – чтобы я твою дочь от Христа отваживал.

– Ой, Боже, ну что вам стоит! Одного отводите, а за это сто человек ещё привадите. Посуди сам, батечка, у тебя четверо сыновей, все взрослые, двое в Москве, один в Ленинграде, тоже, я скажу, неплохо, а один аж в самом Севастополе. И никто не против, живите в своё удовольствие. А у мене же ж пятеро дочерей и только одна в замужах. Если же Хавочка свершит свои нелепые мечты и переместится в вашего Бога, то кто её возьмёт в замуж? Наши не возьмут, потому что она ваша, а ваши не возьмут, потому что она наша. Ой вэй, горе ж мне! На колени встану, помоги!

Алексей ТРЁШНИКОВ (1914 – 1991)

У ПОЛЮСОВ ЗЕМЛИ (отрывок из книги)

Товарищи много рассказывали о своей жизни на льдине за предшествующие шесть месяцев. Самым приятным временем оказалась весна. До середины июня было сухо, круглые сутки светло, много тихих, спокойных дней. Лучи незаходящего солнца делали своё дело. Хотя значительная часть солнечной радиации и отражается белым снегом обратно в мировое пространство, некоторое количество её поглощается снегом и льдом.

И вот с середины июня началось бурное таяние. Образовались большие озера, между которыми потекли ручьи. Льдину буквально затопило. Особенно много воды набралось в лагере – здесь были тёмные предметы, поглощающие солнечную энергию, и много снега, скопившегося около разных препятствий.

Приходилось бурить во льду скважины, и талая вода уходила под лёд, размывая при этом огромные сквозные воронки. Но так было только вначале, пока существовала разница уровней воды в снежнице и в океане; потом дно снежницы протаяло настолько, что оно стало ниже поверхности воды и, естественно, сток пресной воды под лёд прекратился. Но всё же между снежницами образовались сухие участки льда, на которые и перетаскивали жилые и служебные палатки.

– В общем, летом жизнь на дрейфующей льдине «мокрая», да вдобавок и погода в это время неуютная, – резюмировал Сомов. – Досаждали частые дожди, мокрый снег и туманы, температура над тающим льдом держалась около нуля.

Летом сюда за сотни километров от берега и кромки льда прилетали птицы: пуночки, чайки, утки. В разводьях часто появлялись нерпы, и даже видели морского зайца.

– А однажды мы с Яцуном и Чуканиным обходили поле, и вдруг за грядой торосов услышали глубокий вздох, и заметили небольшое облачко белого пара, – рассказывал Сомов. – Мы бросились к разводью, но ничего, кроме двух спин стального цвета, разглядеть не удалось. Вероятно, это какая-то разновидность китов или, может быть, нарвалы.

Были и трагические моменты. В один из редких солнечных дней участники дрейфа ушли на взлётную полосу спускать воду под лёд. В лагере остались дежурные. Вдруг кто-то закричал:

– Пожар!

Загорелась палатка радистов, а в ней радиостанция. Дежурные стали тушить огонь, черпая ведрами воду из снежницы. Но безуспешно. Как назло взорвался бачок с бензином, стоявший в палатке на движке. Огонь усилился. От жары рвались винтовочные патроны. В результате палатка и радиостанция сгорели.

– В первые минуты нам казалось, что теперь всё кончено, – рассказывал мне ледоисследователь Яковлев. – Нет радиостанции, нет связи с внешним миром, и никто не узнает, что с нами случилось.

Но опытный радист Курко, механик Комаров и аэролог Канаки из запасных деталей и обгоревших остатков прежней рации за несколько дней собрали новую и восстановили связь.

Эпизод, таким образом, закончился благополучно.

К моему прилёту лагерь выглядел по-зимнему. Всюду осенняя пурга намела сугробы. Вокруг жилых палаток из снежных кирпичей были возведены снежные стенки с таким расчётом, что между ними и пологом палатки образовывалась воздушная прослойка. У входа возвышались просторные снежные тамбуры. Всё это помогло сохранять тепло, ведь в конце октября мороз держался около 30, а дальше будет и 40, и 50 градусов ниже нуля.

Первые часы на льдине я чувствовал себя не-

уютно – всё время мёрзло лицо на обжигающем ветру, хотелось света и тепла. И было удивительно, что постоянные обитатели дрейфующей станции бегают по лагерю в одних свитерах и лёгких курточках. Но через несколько дней привык и я к этим необычным условиям, даже стал находить красоту и очарование в окружающей природе. Тёмная-тёмная ночь, в бездонном небе сверкают звёзды, изморозь покрыла сверкающей бахромой антенны, мачты, многочисленные оттяжки. Под ногами лежит мягкий слой кристалликов инея...

Гораций ВЕЛЛЕ (1909 – 1975)

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (отрывок из перевода книги Мижо Марселя)

На дворе уже весна. С некоторого времени «Странная война» для авиасоединения 2/33 уже не странная, а гибельная. Настоящая война ещё не началась, а сколько экипажей уже не вернулось на базу. Сент-Экзюпери всё больше времени проводит в части, всё реже видится с друзьями и пишет им. К этому времени относится его письмо к Леону Верту, которое как бы предвосхищает «Послание заложнику».

«Мне кажется, я в значительной мере разделяю ваш взгляд на вещи. Я часто веду долгие диспуты с собой. И я беспристрастен в споре и почти всегда признаю вашу правоту. Но ещё, Леон Верт, я люблю распивать с вами перно на берегах Соны, впиваясь зубами в колбасу и деревенский хлеб. Не умею объяснить, почему эти минуты оставляют у меня такое впечатление полноты. Но мне и не надо объяснять. Вы знаете это лучше меня. Я так радовался! С удовольствием проделал бы это снова. Мир на земле не есть нечто абстрактное. Это вовсе не означает конец опасностей и холода. Да и это было бы мне безразлично... Но мир – это когда есть смысл впиваться зубами в деревенскую колбасу и хлеб на берегу Соны в обществе Леона Верта. Мне грустно, что у колбасы пропал всякий вкус...»

С этого же времени он всё больше и больше сближается с товарищами по оружию.

Правда, этот чудаковатый детина, который может вдруг посреди забав задуматься и начать что-то набрасывать на бумаге: что-то писать или рисовать, – им не всегда понятен.

– Почему вы рисуете всегда какого-то ребёнка и бабочек? – застенчиво спрашивает его Ошеде.

Ошеде – человек невысокого интеллектуального уровня и сам знает это, он боится показаться смешным, задавая знаменитому лётчику-испытателю такой, возможно, наивный вопрос.

Но Сент-Экзюпери высоко ценит этого простака, который месяцами читает одну книгу, за его скромное мужество и удивительную честность в исполнении своего воинского долга, и он не пытается отделаться от него ничего не значащей фразой:

– Потому что это мысль, которая мне очень дорога: преследовать вполне достижимую мечту.

И в самом деле, когда Антуан задумывается, то сам не замечает, как рисует маленького мальчика, преследующего бабочку. Любопытно сопоставить этот рисунок с другим, названным им «Воздушной разведкой». Оба – близнецы Маленького принца. Возможно, в это время у Антуана уже зарождался замысел знаменитой сказки...

Вечерами, когда он писал у себя в комнате, он совершенно забывал о времени. Экономная хозяйка фермера выключала свет. Никогда не подозревавший подвоха Антуан на следующий день говорил: «Ну и часто же у вас на селе аварии с электричеством!»

Нервную систему Сент-Экзюпери спасала от перегрузки лишь его способность к полному выключению во сне. Сном он обладал глубочайшим независимо от обстановки. Этот благотворный сон, как по волшебству, восстанавливал, казалось, неисчерпаемую способность Антуана удивляться, радоваться, огорчаться, размышлять, волноваться и страдать.

Одна из сильнейших необходимостей у Сент-Экса, необходимость почти физическая, – ощущать, что он живёт. Попав под обстрел зениток, Сент-Экс спрашивает у своего наблюдателя и у пулеметчика: «Не задело?» – «Нет». И тут же он мысленно восклицает: «Их не задело! Они неуязвимы. Они вышли победителями. Я хозяин экипажа победителей!.. Я всё ещё плаваю в моём живительном торжестве. И я начинаю ощущать совершенно нежданное негаданное блаженство. Как если бы с каждым новым мигом мне вновь и вновь даровали жизнь. Как если бы с каждым мигом я всё сильнее и сильнее ощущал, что живу. Живу! Я жив. Я всё ещё жив. Жизнь бьёт из меня ключом. Мною овладевает опьянение жизнью. Говорят – «опьянение боем». Нет, это опьянение жизнью! Эх, сознают ли те, кто стреляет в нас снизу, что они нас выковывают?!»

Сент-Экзюпери творил, как жил, и воевал, как жил и творил.

Алевтина ЗАЙЦЕВА (р. 1939)

СТРАХ *(рассказ)*

В детстве Валентину как называли Валенькой, так она и жила с этим мягким, нежным и добрым именем. Большеглазая девчонка всем нравилась, и ей с умилением нередко напевали: «Валенька, Валенька, чуть побольше валенка...»

Они с сестрёнкой выросли в семье, рано потевшей отца. Он болел всего год и восемь месяцев – скоротечный туберкулёз свалил его в сорок семь лет. Младшая его совсем не помнит, а Валенька ярко запечатлела в своей голове страшную болезнь.

Ей приходилось бегать с большой бутылкой из толстого зелёного стекла в аптеку за хлористым кальцием на край посёлка через огромную лужайку, где всегда паслись гуси, норовившие ущипнуть её за мелькающие в беге пятки. Хлористый кальций совсем не помогал отцу, и он, горящий от высокой температуры, постепенно выплёвывал свои изрешечённые кавернами лёгкие в горшок. В сороковые годы ещё не было эффективных средств наподобие фтивазита.

Мать пыталась спасти его народными средствами, предлагала то корень девясила, то цвет картофеля, но отец упорно отказывался со словами: «Врачами не прописано». Так и таял... Валенька помнит, как он часами сидел на кровати в полудрёме, опершись грудью о придвинутый стол и подпирая горячий лоб кулаком.

А девясил попадал в желудки детей. Мать считала его хорошим профилактическим средством и заставляла глотать горечь. Она ходила и ходила в лес, выискивала растение. Спали дети за марлевыми занавесками, хоть как-то защищаясь от воздушно-капельной инфекции.

Однажды ранним декабрьским утром мать разбудила Валеньку и сказала, что отец умер.

Не хотела девочка верить, что его закопают в мёрзлую землю, хотя явно понимала, что он мёртв, через ледяные ощущения от прощального поцелуя в отцовский лоб, от паровозных гудков (отец был начальником дистанции пути, почётным железнодорожником), от винтовочных залпов в воздух, от щемящей траурной оркестровой музыки.

Мёртвого отца Валенька ужасно боялась, хотя мать, предвидя это, заставила её подойти к гробу и

поддержать руками отца за ноги. Это якобы снимало страх с души. Но всё было напрасно. Она боялась и потом, когда он был захоронен.

Если мать посылала её за углём в сарай, когда нужно было протопить плиту, она широко раскрывала дверь и, набирая в ведро уголь, с громко бьющимся сердцем посматривала на его шинель и шапку, висящие на гвозде, вбитом в стену. После школьного кружка вечером она не могла войти в тёмный коридор и всегда лихорадочно стучала в окно квартиры. Мать выбегала ей навстречу. А ещё во дворе было место – угол дома, откуда видно было кладбище, расположенное на небольшой возвышенности. Проходя мимо угла, она никогда не поворачивала головы, чтобы не увидеть вдалеке могилу.

Валенька по-взрослому серьёзно думала, как пересилить страх. И вот она решила одна пойти на кладбище. Стоял летний ясный день. На голубом фоне неба чётко вырисовывались кресты и памятники. Почему-то ни одного дерева у могил не было. Располагаясь на вершине возвышенности, оно всегда обдувалось ветрами.

Валенька боязливо метр за метром поднималась по склону всё выше и выше. Были моменты, когда она была готова повернуть назад, но, постояв на месте с минуту в нерешительности, продолжала путь. Могила была недалеко от начала кладбища. На ней стоял памятник из нержавеющей стали со звездой на вершине. В руках у Валеньки были полевые цветы. Она наклонилась, чтобы положить их на глинистый холмик.

В это время ветер рванул и заметался в нехитрой конструкции памятника. Валеньке показалось, что отец заговорил с ней из-под земли скрипучим голосом. Потемнело в глазах, сердце готово было выскочить из груди, ещё секунда – и она кинулась бы назад, вниз по склону. Ей пришлось сжать зубы, замереть, прислушиваясь. Но вот порыв ветра утих, исчезли и звуки. Кругом спокойно стояли кресты и памятники, чирикали птички.

Валеньке стало тепло и спокойно. Она медленно опустилась на колени перед холмиком и положила цветы. Больше она не испытывала страха перед смертью отца.

Александр РЖЕШЕВСКИЙ (р. 1934)

ТАЙНА РАССТРЕЛЯННОГО ГЕНЕРАЛА *(отрывок из романа)*

– А тебя никто не спрашивает, – сказала старуха бульдогу, который шёл покорно на поводке.

Пёс принаравливался к маленьким старушечьим шагам и переступал как хозяйка – мелко, неторопливо, бочком, потому что с трудом сдерживал бьющую через край энергию и мощь. Ветер бросил им навстречу белую метельную занавесь.

– Холодно, а ты всё просишься гулять, – продолжала старуха ворчливо. Гулять бы ему да гулять!.. Смотри, какой снег!

Бульдог понурил голову, будто и в самом деле почувствовал себя виноватым. Печально выпучив глаза, поглядел на хозяйку. Метель бушевала с утра, будто вернулся февраль. К полудню успокоилось, только изредка сорванные с деревьев белые шапки рассыпались прозрачной кисеей. Наконец где-то вверху, в небе, отодвинулось облако и брызнуло солнце.

Словно почуяв свою правоту, бульдог дёрнул за верёвочку и поволок старуху к речке, на мост, под

которым бурлила вода. На потрёпанном настиле не хватало досок, размётанных колёсами грузовиков и танкеток, проходивших здесь целыми вереницами во время зимних учений. И теперь сверху сквозь щели видно было, как вода крутилась вокруг деревянных свай, а подплывавшие льдины вгрызались, разламывались от ударов и плыли дальше. Видно, пришло время, и, несмотря на холода, половодье набирало силу.

Старуха хотела было идти через мост, но замешкалась и резко натянула поводок. Пёс оглянулся. Он не посмел подумать, что мудрейшая его хозяйка в чём-либо не права, и терпеливо ждал разъяснений.

– Туда опасно, – с запозданием пояснила старуха. – Можно провалиться. Поглядим, как они проедут.

Сверху по дороге прямо к мосту, вырастая с каждой секундой, скатилась новенькая танкетка и остановилась по другую сторону реки. От её броневых плит, выкрашенных зелёной краской, веяло какой-то праздничной, несокрушимой мощью. Но старуха не радовалась. Мир, который она создавала всю свою жизнь, крепчал и наливался силой. И в то же время оставался чужим, больше того враждебным, изничтожающим всё, что связано было с её делами и памятью.

Тяжесть крашеного броневых листов, как и всякое другое проявление государственного могущества, вызывала у старухи острое ревнивое чувство: если бы она руководила страной или такие, как она, броня была бы крепка не хуже, а даже лучше. Но всё, связанное с нею, с её друзьями, сломлено, размётано и странно, что уцелело в душе после стольких тюрем. Но даже если бы этих горьких лет было вдвое больше, она бы не отказалась от своей судьбы.

Николай ИВЕНШЕВ (р. 1949)

БАТМАН ТАНДЮ ЖЭТЭ (рассказ)

Не права учительница Ольга Сергеевна, а вместе с ней и драматург Островский с утверждением «Жаль, что люди не умеют летать». Все – не умеют. Но только не Фрося. Да у неё и начало имени похоже на воздушный шар.

Балетный класс через две двери от художественного. И Миша Озеров пристрастился к этому. Он приоткрывал бесшумную дверь сантиметров на пять. Никто ему не мешал глядеть в щель, где стайка девочек-девушек упражнялись возле станка. Девушек два ряда. Один – реальный, другой ряд – в зеркале.

Две Фроси были в этих рядах третьими с конца. Преподавательницы не существовало, командовал её сильный, пружинистый голос. Где-то в дальнем углу. В фильмах балетмейстеров изображают злыми сухими каргами. Злыми, потому что вышел их срок порхать на сцене.

Голос учительницы танцев был просто пружинистым и картавым, особенно тогда, когда она выкидывала балетные термины или благодарила по-французски «Гр-ранд меррр-си!» Мамина поговорка влетала в голову, когда все они делали нето, что требо-

Жизнь её была заполнена любовью по самую высокую отметку – выше не бывает, – хотя за всю жизнь ей выпало любви меньше трёх лет.

...Она сама не ожидала, что её выпустят из тюрьмы и даже разрешат поселиться у двоюродной тётки. Больше от семьи никого не осталось. Странно, что посреди всех бурь в ней по-прежнему крепло чувство, что будь отец жив, он бы защитил её от всех невзгод. Умом она понимала: ничего не мог сделать слабый, больной старик. А чувство жило. И видела она, как в стылый мартовский день возле дома кабатчиков Мызниковых отец повязывает алую ленту на броневику. И все кричат от восторга, и он кричит. Слава богу, не дожил до октября. А если бы дожил, увидел бы, что она увидела?

В том, что её выпустили в канун семнадцатой годовщины, заключался какой-то дьявольский смысл. Милосердию «их» она не верила. А после декабрьских событий в Ленинграде каждую ночь ждала нового ареста.

...Старуха не заметила, когда танкетку плотным кольцом окружили сбежавшиеся ребяташки. Дождались – с лязгом откинулся люк, из него выбрались два танкиста в комбинезонах и шлемах. Что они говорили, прикуривая друг у друга, и чему смеялись, старуха не уразумела. Но когда двинулись навстречу, прилепив взгляды к её лицу, поняла, что за ней. Обычно ночью тихо подползала чёрная «Маруся». Теперь решили на танке.

Она не удивилась. Только натянула собачий поводок и внутри застывшего скрюченного тела забилось, залихорадило. В глазах вместо одного солнца вспыхнули сразу тысячи и столько же минувших дней и ночей в один миг промчались перед ней.

валось, путались в ногах, руках, музыкальном темпе.

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка, – широко улыбалась мама. И Мишке тоже делалось хорошо оттого, что мама сегодня весёлая.

В этот раз Мишка не улыбался, а заморожено следил за тем, как они разучивают новую фигуру. Но радовало не новое. А это вот. Фрося сосредоточенно, со сжатыми губами касалась бруса станка. И слегка, градусов на сорок пять, выкидывала свою точёную ногу. Это как будто бы «ключ на старт». Ещё мгновение, и девушка взлетит к белому потолку. И будет кружить там, рассыпая разноцветные искры, как волшебная птица Феникс.

Да, в это время Миша Озеров закрывал глаза. И на него, только на него сыпались тонкие звёздочки – перья.

Конечно, он знал, что Фрося недосыгаема – и всё же решил дождаться конца её занятий.

– А я тебя знаю, – сразу же оглушила она, – зачем ты подглядываешь?

– Красиво, – пролепетал его язык, отдельно существовавший от разума. Фрося милостиво кивнула головой:

- Ну что, пошли?
- Куда?
- Домой меня проводишь. Ты ведь хотел этого?

Мишка и не мечтал о таком счастье. В голове крутнула скептическая фраза отца «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка».

Он не помнил, как спустились по лестнице музыкалки, миновали сквер. Очнулся он лишь тогда, когда переходили улицу, и из-за полы его куртки выпал лист ватмана. Фрося подхватила его на лету. Мишка бросился отнимать листок, неумело, он ещё не очнулся как следует. А девушка впилась в карандашный рисунок. Повертев его под разными углами зрения, хитровато сощурилась:

- Кого-то мне эта крылатая девица напоминает.

Мишка не смог вымолвить «тебя». Но он понял, что она поняла и заговорила с ним не о балете, нет, а о геометрических фигурах, о параболах и гиперболох. Ведь они тоже похожи на птичьи крылья. Она не хотела быть балериной, мечтала стать великим (так и сказала) математиком.

- А тебе надо рисунком и живописью заниматься, – приказала Фрося. – У тебя талант.

В свой талант Мишка Озеров не верил. Он молчал. А она щебетала о другом уже: о том, что зовут её не Фрося, а Ефросинья. Имя греческое, древнее. А короткое своё имя Фрося она не любит. На просо похоже, из которого кашу варят.

Наконец и Мишка осилил свой одеревеневший язык: «У писателя Платонова есть рассказ... «Фро» называется».

- Знаю, люблю. Я сейчас «Нильса с гусями читаю». Сказку. Занятно.

Боже мой, она взяла его под локоть.

- А фильм про Анну Павлову?

– Неправильный он. Какая-то балерина открыточная, как из рекламы... Тебя ведь Миша звать?

- Как медведя, – он тоже стеснялся своего имени. Тоже мне Михаил Потапыч.

Цепко и приятно она его держит. И пальцы Фроси чётко вели, будто разыгрывалась какая-то музыкальная партия: два пальца – указательный и безымянный, указательный и средний. А вот – мизинец.

Он закрыл глаза, и ноги его шли ещё точнее и увереннее. Волшебство да и только. «Жаль, что люди не умеют летать», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка», «Не Фрося, а Ефросинья». Коктейль – в голове.

Они шли тихо, молча. В зажмуренных глазах летали радужные перья, и ярко они вспыхивали именно тогда, когда он пытался чуть поднять веки. Веки были влажными, как от слёз.

- Ты интересный, давай с тобой встречаться, – Фрося, Фро, Ефросинья подняла его веки совсем. – Не хочешь?!

– Ещё как, – он ведь сам стал аэростатом. Избыток гелия мешал ему сказать что-то ещё, но нет, у него фраза заготовлена:

– А как по-вашему обозначается фигура танца, когда делается взмах ногой, небольшой взмах и потом взлёт?

- Э-э-э, заколебала нас Генриетта своим французским: «Батман тандю жэтэ».

Проводы Фроси оборвались внезапно, будто фильм остановился на самом интересном месте или компьютер завис.

И это было кстати, потому как Мишка Озеров улетел бы совсем, с Нильсом, с гусями, с Фениксом, и с этой вот вверенной ему до конца жизни Жарптицей.

Он всю ночь не спал. И это тоже было кстати. Ему не давали уснуть три леденца «батман-тандю-жэтэ». Они бесконечно таяли на его языке, в его голове и теле, в осеннем кислотовом воздухе, вырывающемся из открытой форточки.

*Ведущий «Юбилейного календаря»
Николай Марянин, поэт и краевед*

